

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1906.

№ 15.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр
Можно ли христіанину быть соціалистомъ?	115—123
Сужденія языческой философіи о христіанствѣ. <i>Ан. Спасскаго</i>	124—139
Исцѣленіе Господомъ Исусомъ Христомъ слѣпороденнаго. (Оковчаніе). <i>Ив. Церова</i>	140—166
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Философская пропедевтика. <i>Проф. П. Линицкаго</i>	67—84
Гипнотизмъ и внушеніе предъ судомъ науки и религіи. (Психологическій очеркъ). (Окончаніе). <i>Феодора Владимірскаго</i>	85—104
III. ИЗВѢСТІЯ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. I. Именной Высочайшій Указъ, данный Правительствующему Сенату.—Предложеніе Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Харьковской Духовной Консисторіи.—Епархіальныя извѣщенія.—Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ Эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1905 годъ. Списокъ лицъ, служащихъ въ Суускомъ Духовномъ Учлищѣ за 1905—1906 учебный годъ.—Отъ Кулинскаго Уезднаго Отдѣленія Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Совѣта Харьковскаго Отдѣленія Почетительства о глухонѣмыхъ. II.—Обращеніе Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, къ духовенству Харьковской епархіи, по поводу безпорядковъ бывшихъ въ Харьковской Семинаріи.—Къ вопросу объ обезпеченіи духовенства опредѣленнымъ содержаніемъ. <i>Солтеники Николая Кротенко</i> .—О необходимости назначенія православному духовенству опредѣленнаго содержанія <i>Священника Поликарпа Пестрякова</i> .—Изъ жизни раскола сектанства. Миссіонерскій листокъ. Къ вопросу о дѣятельности Бѣлокриницкой іерархіи. <i>Г. Коркуненко</i> .—Изъ дневника миссіонера. Къ предстоящему епархіальному сѣзду духовенства <i>И. Айвазова</i> .—Памяти заслуженнаго ординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи П. Ив. Липицкаго. <i>Д. В-ва</i> .—Епархіальныя хроника.—Ипоепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17

1906.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ общирномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, разъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и посканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣтлицѣ лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ П. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1896 г. по 8 р. за 1897—1901 годы. За 1902 г.—9 р. и 1903 г. 10 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенныя годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 135 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Бреитано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСВѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Можно ли христіанину быть соціалистомъ? *)

*Не пожелаай... всего, елика суть
ближняго твоего.*

Что такое соціализмъ и есть ли въ немъ что либо похожее на христіанство?

Въ наше время по фабрикамъ и заводамъ среди рабочихъ людей, а по деревнямъ и селеніямъ среди крестьянъ непрізаные учителя народа особенно усердно распространяютъ такъ называемый соціализмъ. Распространяется соціализмъ и особыми дешевенькими книжечками, которыхъ въ послѣдніе дни появилось великое множество. Книжечки эти написаны по болшей части иностранными сочинителями, наполнены они иностранными словами, малопонятными разсужденіями, описываютъ иностранную, чуждую намъ жизнь. То, что туманно и неясно написано въ книжечкахъ, дополняютъ словами и рѣчами вышеупомянутые незваные учителя народа нашего на разныхъ собраніяхъ, по иностранному называемыхъ „митингами“.

Что же говорятъ и что обѣщаютъ эти соціалисты, извѣстные подъ именемъ *соціалъ-демократовъ* (среди рабочихъ) и *соціалъ-революціонеровъ* (главнымъ образомъ среди крестьянъ)?

Они указываютъ на то, что бѣдные люди, рабочіе и крестьяне, часто трудятся до изнеможенія силъ и всетаки имѣютъ заработка такъ мало, что имъ едва хватаетъ его на пропитаніе, а люди богатые, заводчики и землевладѣльцы, часто ничего не дѣлаютъ, а между тѣмъ получаютъ большіе доходы и живутъ въ роскоши. Это, говорятъ, несправедливо.

Надобно все подѣлить и все сдѣлать общимъ: земли, дома,

*) Статья эта, по предложенію Духовнаго Собора Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, перепечатана изъ брошюры подъ тѣмъ-же заглавіемъ, въ виду распространенія въ нашемъ народѣ соціалистическихъ заблужденій и отождествленія ихъ съ христіанствомъ.

фабрики, заводы, машины сельскохозяйственные и фабричныя. Пусть-де каждый трудится по распоряженію и указаніямъ начальства, — не теперешняго начальства, а того, какое выберутъ социалисты, — и тогда каждый за равный трудъ получитъ и равную со всѣми долю пищи, питья, одежды и всего необходимаго. Тогда будетъ все по правдѣ, и люди будутъ счастливы.

Таково ученіе социализма.

Какъ же долженъ смотрѣть на это ученіе добрый христіанинъ?

Христіанство тоже осуждаетъ злыхъ и неправедныхъ богачей. Христіанство тоже повелѣваетъ господамъ и хозяевамъ оказывать всѣмъ правду и уравненіе по заслугамъ каждаго. Христіанство не только не осуждаетъ, но и восхваляетъ того вѣрующаго, который все свое имѣніе самъ, добровольно продастъ и раздастъ нищимъ; въ монастыряхъ и теперь монахи имѣютъ все общее и ничего своего; въ древности то-же мы видимъ у первыхъ христіанъ въ Іерусалимѣ, вскорѣ послѣ вознесенія Спасителя на небо. Въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ сказано: „У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа. Всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее. И продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго“ (Дѣян. 4, 32; 2, 44—45).

Вотъ и все, что есть похожего въ социализмѣ на христіанство. Во всемъ прочемъ между ними — непроходимая пропасть, такая глубокая пропасть, такая великая разница, что быть одновременно социалистомъ и христіаниномъ нельзя. Какъ дьяволъ, по словамъ Апостола, чтобы прельщать вѣрующихъ, преобразуется въ ангела свѣта, такъ и ложь социализма, какъ исчадіе дьявола, (который есть отецъ всякой лжи, по слову Христову), то же принимаетъ видъ Христовой истины, чтобы обмануть Христіанъ.

Христіанство есть религія; оно учитъ, что есть Богъ, Творецъ міра и человѣка, что человѣкъ въ жизни своей долженъ исполнять волю Божию; человѣкъ нарушилъ эту волю, согрѣшилъ; отъ грѣха его избавилъ Іисусъ Христосъ и человѣку заповѣдалъ заботиться о своей душѣ, хранить ее отъ грѣха и готовиться къ вѣчной жизни на небѣ съ Богомъ, съ ангелами.

и святыми людьми. Не только общее имущество не сдѣлаетъ грѣшнаго человѣка счастливымъ, но, по слову Спасителя, нѣтъ пользы человѣку, если онъ даже весь міръ приобрѣтетъ, но повредитъ душѣ своей. Спаситель говоритъ, что ничего нельзя дать человѣку взамѣнъ души его (Мате. 16, 26—27).

А социализмъ совсѣмъ отвергаетъ всякую религію, не признаетъ ни Иисуса Христа, ни Церкви; социализмъ учитъ, что Бога нѣтъ, души у человѣка нѣтъ, нѣтъ и будущей вѣчной жизни, что воскресеніе—нелѣпость, что нѣтъ ни ангеловъ, ни святыхъ, а есть только земля, а у человѣка есть только тѣло, которое надо одѣть, согрѣть и напитать по ровну для каждаго. „Презирай иной міръ“, говорятъ они о духовномъ мірѣ, „считай его за величайшее безуміе, будь врагомъ всякой религіи, потому что Богъ есть зло“¹⁾. Значитъ кто дѣлается социалистомъ, тотъ уже отрекается отъ Христа, становится безбожникомъ и врагомъ Христовымъ; онъ—хуже Іуды предателя. Поэтому странно слышать, когда социалисты говорятъ, что то или другое несправедливо: если нѣтъ Бога и религіи, то откуда же знать, что правда, что неправда; если нѣтъ души, то нѣтъ и грѣха и святости,—значитъ, человѣку нечего и возмущаться несправедливостью, ибо никто не можетъ доказать, что справедливо, а что несправедливо. Живи по скотски: скоты вѣдь не разсуждаютъ о справедливости. Если у человѣка есть одно только тѣло, то для тѣла важно только то, что пріятно и выгодно, а не то, что свято и праведно. Такъ социализмъ волей-неволей долженъ оправдать то самое, что онъ осуждаетъ, т. е. неравное распредѣленіе земного благосостоянія.

Христіанство говоритъ, что всѣ нестроенія и непорядки въ жизни человѣческой отъ грѣха; *надо бороться съ грѣхомъ, съ тѣмъ зломъ, которое внутри человѣка*; христіанство учитъ, что человѣкъ своими силами не побѣдитъ зла, ему нужна помощь Божія, нужна благодать, которую далъ людямъ Іисусъ Христосъ и теперь подаетъ вѣрующимъ чрезъ вѣру, молитву и

¹⁾ Чтобы социалисты не говорили будто мы клеветаемъ на нихъ, пусть знаютъ читатели, что это слова ихъ учителей Прудона, Бакса, Раде, Бебеля, Маркса и др.

тайинства Св. Церкви. Христіанство говоритъ, что пока человекъ грѣшенъ, дотолѣ онъ не можетъ быть вполне счастливъ.

А социализмъ говоритъ, что грѣха нѣтъ; онъ учитъ, что надо бороться не съ грѣхомъ, а съ богатыми людьми, съ капиталистами, съ землевладѣльцами, да еще съ правителями и начальниками, чтобы заставить ихъ все подѣлить по ровну, и тогда люди будутъ счастливы.

Христось говоритъ: „ищите прежде всего царствія Божія и правды его, и сія вся—всѣ блага земныя приложатся вамъ“. А социализмъ говоритъ: ищите прежде всего вотъ этихъ самыхъ земныхъ благъ, и все остальное приложится вамъ и будете счастливы.

Христіанство осуждаетъ жестокосердыхъ богачей, учитъ помогать голоднымъ, больнымъ и бѣднымъ; оно говоритъ: любите другъ друга; оно восхваляетъ тѣхъ, кто раздаетъ имѣніе свое ради любви къ ближнимъ. Но оно требуетъ, чтобы человекъ все это дѣлалъ *добровольно, по вѣрѣ въ Бога, по любви къ Его закону и къ ближнимъ*. Святой Апостоль учитъ: „каждый удѣляй по расположенію сердца, не съ огорченіемъ и принужденіемъ, ибо добротн дающаго любитъ Богъ“; (2 Кор. 9, 7). Такъ именно добровольно имѣютъ все общее иноки въ монастыряхъ; такъ добровольно и первые христіане въ Іерусалимѣ имѣли все общее; у нихъ была одна душа, одно сердце, и потому одно и то же имѣніе. Никого не принуждали. Когда нѣкто Ананія съ женою скрыли часть проданнаго имѣнія, то Апостоль осудилъ Ананію за ложь, а не за то, что онъ не всѣ деньги отдалъ, и сказалъ ему: „для чего ты допустилъ сатанѣ вложить въ сердце твое мысль солгать Духу Святому? Чѣмъ ты владѣлъ не твое ли было, и пріобрѣтенное продажею не въ твоей ли власти находилось“? (Дѣян. 5, 3—4). Видите, Апостоль Христовъ, восхваляя добровольную отдачу имѣнія, признаетъ, что человекъ имѣетъ право собственности. Видите также, что Ананія и Сапфира, по принятіи христіанства считавшіе необходимымъ отказаться отъ всякой собственности, но не имѣвшіе силы на такой подвигъ, рассуждали такъ же, какъ рассуждаютъ теперь социалисты, и потому впали въ тяжкій грѣхъ, думали обмануть св. Апостоловъ, имѣвшихъ

въ себѣ Духа Божія и даръ прозрѣнія, за что и наказаны были внезапною смертію.

А социализмъ учитъ, что никто не смѣетъ имѣть собственности и что у богатыхъ ихъ имѣнія нужно отнять *насилъно*. Христіанинъ добровольно отдаетъ свое, а социалистъ насилъно беретъ чужое. Христіанинъ говоритъ своему брату ближнему: но любви моей къ тебѣ пусть все мое будетъ и твоимъ; социалистъ же по зависти и ненависти къ богатому говоритъ: все твое будетъ моимъ. Христіанинъ исполняетъ слово Христова: *лучше отдавать, чѣмъ принимать* (Дѣян. 21, 35); социалистъ же, совершенно наоборотъ, только и думаетъ о томъ, чтобы именно принять чужое, завладѣть имъ. Христіанинъ твердо помнитъ 10-ю заповѣдь Божию: не пожелай ничего, что принадлежитъ ближнему твоему, а социалистъ только и мечтаетъ, какъ бы обобратъ ближняго.

Трудно понять послѣ этого, гдѣ же тутъ справедливость, о которой такъ много говорятъ социалисты? Они охотно дарятъ и обѣщаютъ всѣмъ не свое, а *чужое*: землю, фабрики, машины, деньги... Но распоряжаться чужимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ говорить о правдѣ это уже прямая нечѣпость.

Для христіанина бѣдность еще не бѣда, не порокъ, не зло, а богатство—не благо, не добродѣтель, не счастье. А для социалиста богатство есть тотъ идолъ, которому онъ поклоняется, то благо, о коемъ онъ мечтаетъ, ради котораго онъ готовъ лишить жизни ближняго... Страшно подумать, сколько погибло добрыхъ русскихъ людей отъ рукъ социалистовъ-революціонеровъ только за послѣдніе два года! Всѣ бунты, всѣ безпорядки, всѣ ужасы, пережитые нами въ декабрѣ 1905 года—все это было дѣломъ рукъ социалистовъ. И эти люди смѣютъ прикрываться ученіемъ о любви, о братствѣ, о свободѣ, когда ихъ руки запачканы кровію вѣрныхъ слугъ Царя и родного народа!

Христіанство, далѣе, учитъ, что если бы люди и все имѣніе роздали и подѣлили, всетаки на землѣ всегда останется неравенство. Даже и на небѣ, въ вѣчной жизни, будетъ не все одинаково: „иная слава солнцу, иная лунѣ, иная звѣздамъ, и звѣзда отъ звѣзды разнится во славѣ. Такъ и при воскре-

сенія мертвыхъ“ (1 Кор. 15, 41—42). Но на небѣ будетъ каждому указана степень блаженства по всей справедливости праведнымъ судомъ Божиимъ, смотря по заслугамъ каждаго человѣка, а на землѣ, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ грѣшныя люди, никогда не можетъ быть полной во всемъ справедливости и равномѣрности въ распредѣленіи всѣхъ благъ земныхъ. И Богъ насильно людей не спасаетъ: нельзя насильно и грѣшника сдѣлать праведникомъ. Но и помимо грѣховности людей, вообще нельзя все подѣлить поровну: нельзя, напри- мѣръ, ни на деньги купить, ни поровну подѣлить—молодости, здоровья, способностей, ума, чувства, усердія, чистоты совѣсти, семейнаго счастья и проч. Какъ поровняешь умнаго съ глупымъ, способнаго съ неспособнымъ, лѣнтяя съ трудолюбцемъ, нѣяницу съ трезвенникомъ, честнаго съ безчестнымъ? Напротивъ насильственное уравненіе всѣхъ вызвало бы новыя неравенства, новые споры, вражду и несогласія. Поэтому христіанство осуждаетъ всякое насиліе: всячески желая улучшить земную жизнь людей, оно, однако, знаетъ, что невозможно передѣлать ее сразу, и потому совѣтуетъ христіанину мириться со всякою невзгодою житейской, указываетъ каждому человѣку, что спасенія душевнаго онъ долженъ искать при всякихъ порядкахъ жизни, и что онъ можетъ найти это спасеніе души во всякомъ положеніи, званіи и состояніи. Спасайтесь богатые—милостынею, спасайтесь убогіе—терпѣніемъ, спасайтесь всѣ люди—любовію,—такъ учитъ христіанство. такъ и говорили древніе христіане.

А соціализмъ, видя счастье людей только на землѣ, отвергая вебо, душу и нравственность, всѣ надежды полагаетъ на насиліе и принужденіе. И понятно: не зная неба, онъ поскорѣе хочетъ воспользоваться землею. „Будемъ ѣсть и пить— все равно скоро умремъ и все тѣмъ кончится“: вотъ какъ разсуждаютъ они.

Христіанство учитъ богатыхъ, что богатство опасно для души, что ему не надо подчинять душу; оно говоритъ: если богатство течетъ, не прилагайте къ нему своего сердца; трудно богатому войти въ царствіе Божіе, говорятъ Христось. *Онъ жалѣетъ богатыхъ*, ибо имъ трудно спасти душу.

А социализмъ завидуетъ богатымъ и ненавидитъ ихъ.

Христіанство учитъ, что насиліемъ, завистью и ненавистью нельзя устроить доброй и счастливой жизни: нельзя въ грязной водѣ вымыть и сдѣлать бѣлымъ грязное бѣлье, отъ зла не бываетъ добра: только Богъ можетъ обратить и зло къ добрымъ послѣдствіямъ. А социализмъ учитъ совершенно обратному и обѣщаетъ, что изъ насилія и принужденія выйдетъ равенство и свобода, изъ зависти и ненависти родится любовь и общее счастье. Это все равно, что лѣчить и подравнивать у хромого ноги тѣмъ, что одну ногу обрѣзать наравнѣ съ хромою или хромою ногу вытянуть насильно и сдѣлать такую же длинною, какъ здоровая. Ясно, что такимъ лѣченіемъ не уничтожится, а еще болѣе увеличится хромота и болѣзнь ногъ.

Христіанство учитъ, что можно и должно любить свой народъ, свою родину, служить отечеству и жертвовать для него во имя любви всѣмъ, даже и жизнью своею. Для блага отечества, для его защиты и порядка нуженъ царь, нужны власти, нужно воинство. Это такъ же естественно и необходимо, какъ естественно ребенку любить свою семью, а въ семьѣ повиноваться отцу и матери.

А социализмъ отвергаетъ всякое отечество, всякую разницу людей по языку, народности, вѣрѣ и проч. Онъ зоветъ бѣдняковъ всѣхъ странъ соединиться и идти борьбою и войною противъ богачей всѣхъ странъ. Для этого онъ прежде всего желаетъ уничтожить царя и всѣ власти, уничтожить всѣ государства.

Христіанство учитъ, что предъ Богомъ драгоценна каждая отдѣльная душа человѣческая, каждая отдѣльная личность. Спаситель говоритъ: „Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ, ибо говорю вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лицо Отца Моего Небеснаго. Нѣтъ воли Отца Небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ“. (Мѡ. 18, 10. 14).

А социализмъ говоритъ, что каждый отдѣльный человѣкъ—ничто, онъ имѣетъ значеніе только въ той кучкѣ людей, въ которой онъ поставленъ и въ которой будетъ пользоваться равной долей указаннаго ему труда и указанной части пищи,

одежды, жилища и проч. При такомъ условіи ясно, что вѣтъ у человѣка и свободы: какъ рабочая сила, онъ будетъ представленъ къ своему дѣлу и обратится въ машину; его свобода обратится въ неволю, въ рабство; какъ рабочій скоть, получить свое мѣсто у стойла и свой кормъ. Нѣкоторые социалисты учатъ, что и жены у людей должны быть общими. Выходить, людей будутъ пускать на племя какъ скоть. Отъ такого равенства и отъ такой свободы сохрани Господи! Такъ равны мертвые на кладбищѣ, камни въ стѣнѣ, такъ свободны лошади на конскомъ заводѣ. Между тѣмъ, социалисты много говорятъ о томъ, что люди должны быть равными и свободными. Да это вѣдь—злая безсердечная насмѣшка надъ 'недалекими простецами, одно издѣвательство надъ людьми!

Итакъ, социализмъ отвергаетъ Бога, христіанство, душу человѣка, безсмертіе и загробную жизнь, отвергаетъ грѣхъ и борьбу со грѣхомъ, отвергаетъ отечество, собственность, личность и духовную свободу. Что же онъ обѣщаетъ человѣку? Равную долю всѣмъ на землѣ въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ и въ другихъ земныхъ потребностяхъ. Если бы это и можно было дать людямъ, то у нихъ при сытости тѣла затоскуетъ и будетъ голодною душа. Вѣдь какъ ни заглушай въ человѣкѣ совѣсть, какъ ни вытравляй изъ души человѣческой религіозное чувство—безсмертный духъ человѣка будетъ требовать того, что ему сродно, и ничто на землѣ не можетъ удовлетворить его безъ Бога! Спаситель ясно говоритъ: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изоустъ Божіихъ“ (Мѡ. 4, 4). Счастье социалистовъ годно только для животныхъ, но не для людей. И такъ какъ грѣховность у людей не уничтожится, а безъ религіи и нравственности исправлять и улучшать грѣховное состояніе людей нельзя и нечѣмъ, то придется и смирать ихъ такъ, какъ скотовъ, т. е. одною силою и ударами. Вотъ тогда-то и наставетъ вѣкъ, когда люди, какъ звѣри будутъ бросаться другъ на друга, безжалостно и безпощадно истребляя другъ друга, настанетъ царство злобы и насилія, когда зависть станетъ добродѣтелью, а любовь замѣнится безсердечнымъ расчетомъ. И

вмѣсто рая, какой обѣщаютъ социалисты, на землѣ будетъ адъ со всѣми его ужасами...

Мы видѣли, что и подѣлать все поровну невозможно. Мы знаемъ, что и обладаніе пищей и всѣмъ необходимымъ не дѣлаетъ человѣка счастливымъ: вѣдь богачи все это въ избыткѣ имѣютъ, но среди нихъ не мевьше несчастныхъ, какъ и среди бѣдняковъ. И чрезъ золото слезы льются!

Поэтому социализмъ не можетъ выполнить своихъ обѣщаній; вѣрить ему все равно, что вѣрить врачу, который обѣщаетъ сдѣлать человѣка вѣчно молодымъ, безболѣзненнымъ и безсмертнымъ. Счастье людямъ даетъ и на землѣ и на небѣ только вѣра въ Бога, знаніе и исполненіе Его воли и закона, благодатная помощь Іисуса Христа во Св. Церкви, чистая совѣсть предъ Богомъ и людьми. При чистой совѣсти спокойна жизнь, спокойна смерть и блаженна вѣчность. А социализмъ есть ученіе безбожное, богоборное, противное запросамъ человѣческой души и совѣсти. Онъ есть повтореніе древняго издохшаго язычества, что приравняло людей къ скотамъ и привело ихъ къ гибели, отъ которой и спасъ ихъ Іисусъ Христосъ.

Быть христіаниномъ и вмѣстѣ быть социалистомъ невозможно, какъ нельзя въ одно и тоже время служить и Богу и сатанѣ. Посему—блаженъ человѣкъ, который не пойдетъ на совѣтъ сихъ нечестивцевъ-богоотступниковъ, по слову Царя Давида, ибо путь нечестивыхъ погибнетъ!

Сужденія языческой философіи о христіанствѣ.

Какъ греко-римское общество и народъ относились къ христіанамъ въ раннѣйшихъ статьяxъ во второмъ столѣтіи, мы это видѣли уже выше на нѣкоторыхъ примѣрахъ. Благосклонные голоса были рѣдки. Чаще можно было слышать такія сужденія: „Кай Сейсъ превосходный человекъ, но... христіанинъ“...., „я удивляюсь, какъ такой умный человекъ, какъ Люцій Тицій, вдругъ сдѣлался христіаниномъ!“¹⁾ „(Оригенъ) думаетъ о вещахъ и о Богѣ, какъ и мы, но подлагаетъ эллинскимъ мыслямъ чуждыя имъ басни“²⁾. Упрекъ въ удивительномъ легковѣріи и полной безразсудности былъ еще изъ числа самыхъ маловажныхъ, равно какъ и обвиненіе въ томъ, что христіанское ученіе и мораль содержатъ въ себѣ абсурды и притязанія, недостойныя свободнаго образованнаго человека³⁾. Масса образованныхъ и необразованныхъ людей во второмъ вѣкѣ была еще враждебнѣе расположена къ христіанству. На первомъ планѣ стояли два наиболѣе тяжкія обвиненія—въ эдиновыхъ крвосмѣшеніяхъ и тайныхъ вечеряхъ⁴⁾, и за-

¹⁾ Тертуліанъ, Апол., гл. 3.

²⁾ Евс. Ц. И. VI 19.

³⁾ Такъ говорилъ Порфирій.

⁴⁾ Тайна, окружавшая собой христіанское общество, представляла собой благотворную почву, на которой легко могли возникать и всюду распространяться самые невѣроятные рассказы о чудовищныхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ на почвѣ христіанскихъ собранійхъ (агапахъ). Подробнѣе передаетъ эти рассказы Цецалій у Минуція Феликса (гл. 9): „говорятъ, что посвящаемому въ ихъ общество предлагается младенецъ, который, чтобы обмануть неосторожныхъ, покрытъ мукою; и тотъ, обманутый видомъ муки, по приглашенію сдѣлать будто певинныя удары, наноситъ глубокія раны, умерщвляющія младенца, и тогда о нечестіи! присутствующіе съ жадностью пьютъ его кровь и раздѣляютъ между собой его тѣло“... „А ихъ вечера извѣстны всѣмъ; въ день солнца они собираются для общей вечера со всѣми дѣтьми, сестрами, матерями, безъ различія пола и

тѣмъ въ слѣдованіи чужимъ иностраннымъ обычаямъ и измѣнѣ государству. Рядомъ съ этими обвиненіями переплелись безчисленные клеветы другого рода; ходили рассказы, что они поклоняются идолу съ ослиной головой, обоготворяютъ крестъ и цѣлуютъ genitalia своихъ жрецовъ ¹⁾. Повсюду носились слухи, что они чародѣи, могутъ измѣнять вѣтеръ и погоду, наводить моровую язву и голодъ, воздѣйствовать на жертвы. Во второмъ и даже третьемъ столѣтіи политическія сочиненія христіанъ появлялись рѣдко, но въ спорныхъ разсужденіяхъ недостатка не было. Философъ Крескентъ, циникъ, публично состязался съ Іустиномъ, но вѣроятно, въ своемъ диспутѣ онъ повторялъ только народную молву. На эту почву опирался и Фронтонъ, если вѣрно то, что язычникъ Цецилій у Минуція Феликса только воспроизводитъ его аргументы. Лукіанъ, безпечальный, но остроумный журналистъ, только игралъ христіанскимъ вопросомъ. Съ гнѣвнымъ презрѣніемъ описалъ христіанъ риторъ Аристидъ ²⁾. Сочиненіе Іерокла, не сохра-

возраста. Когда послѣ разныхъ яствъ пиръ разгорится и вино воспламенитъ въ нихъ жаръ любострастія, то собакъ привязанной къ подсвѣчнику, бросаютъ кусокъ мяса на разстояніе больше, чѣмъ длина веревки, какой она привязалась; собака, рванувшись и сбѣжавъ прыжокъ, роняетъ и гаситъ свѣтильникъ "... и тогда происходитъ ужасное кровосмѣшеніе. Другія обвиненія противъ христіанъ см. тамъ же гл. 10, 11 слѣд. (*Прим. пер.*)

¹⁾ Поводомъ къ этому упреку, вѣроятно, послужилъ обычай христіанъ цѣловать руку у своихъ епископовъ и особое припаденіе кающихся къ колѣнамъ пресвитеровъ.

²⁾ Аристидъ (*Orat. 46*) защищаетъ „греческую національность противъ христіанско-философскаго космополитизма“. Христіане, —люди въ родѣ Таціана, кажутся ему презрительными языческой мудрости (*Bernays, des. Abhand. II s. 262*). Нейманъ (*Neumann, Der röm. Staat und die allgemeine Kirche. s. 36*) приводитъ изъ него слѣдующій отрывокъ: „люди, для которыхъ вѣтъ ничего святого, осмѣливаются порочить Демосѡена, тогда какъ въ каждомъ ихъ словѣ можно указать по крайней мѣрѣ одинъ солеизмъ (ошибка противъ правилъ языка). Сами, достойные всякаго презрѣнія, они презираютъ другихъ, похваляются добродѣтелью и не исполняютъ ее; проповѣдуютъ воздержаніе, а ведутъ порочную жизнь. Хищеніе они называютъ общеніемъ, недоброжелательство философіей, убожество презрѣніемъ благъ. При этомъ они превосходятъ другъ друга въ корыстолюбіи. Незстыдство они именуютъ свободой, враждебныя рѣчи мужествомъ, приобрѣтеніе имущества—человѣколюбіемъ... Неспособные содѣйствовать какой либо полезной цѣли, они мастерски умѣютъ прократся въ домъ, нарушить семейное счастье и разсрѣвать членовъ семейства. Ни одно ихъ слово, ни одна мысль, ни одно дѣло не приносятъ никакой пользы. Они не принимаютъ участія въ устройствѣ празднествъ и не

нившееся до нашего времени, было, по отзыву Евсевія, очень незначительно. Остаются только два—Цельсъ и Порфирій, но они возмѣщаютъ собой всю эту армію ¹⁾).

Оба они равны по той серьезности, съ какою они составляютъ задачею и потому усердію, съ какимъ они обсуждаютъ ее, а также и по своему высокому умственному развитію и литературному таланту. Но въ отношеніи къ религіознымъ воззрѣніямъ они рѣзко расходятся между собою. Послѣдній интересъ Цельса покоится въ римскомъ государствѣ, такъ какъ государство нуждается въ религіи и потому онъ, какъ образованный человѣкъ, выступаетъ на защиту религіи. Его собственное міровоззрѣніе трудно установить; оно обрисовывается въ различныхъ окраскахъ, но не въ окраскѣ Цицерона или Сенеки; онъ прежде всего представляетъ собой агностика ²⁾ и потому признаетъ относительное право идеализма безъ стоическаго преувеличенія и также относительное право каждой національной религіи и даже мѣровъ. Порфирій же, въ противоположность Цельсу, является строгимъ мысли-

почитаютъ боговъ. Они не присутствуютъ въ городской думѣ, не утѣшаютъ печальныхъ, не примиряютъ спорящихъ, пренебрегаютъ формой рѣчи; они забываются по угламъ и тамъ быть можетъ разсуждаютъ разумно. Они сомѣливаются считать себя лучшими среди эллиновъ и называютъ себя философами, какъ будто перемѣна имени что-нибудь значитъ и можетъ Терзита обратить въ Нарциса или Гіацинта⁴.

¹⁾ Лактанцій (Iustit. V, 4) сообщаетъ, что до времени Діоклетиана очень большое число (plurimi et multi) грековъ и латинянъ писало противъ христіанъ, но самъ онъ знаетъ лишь Герокла и какого то анонима. Только въ единственномъ случаѣ литераторъ оказался виновникомъ казни христіанина, извѣстный Крескентъ въ процессѣ Іустина философа. Въ Александріи преслѣдованіе христіанъ началось раньше еще изданія эдикта Деція; Діонисій Александрійскій пишетъ (Евс. Ц. И. VI, 41): гоненіе на насъ началось не съ обнародованія царскаго указа, но цѣлымъ гедомъ равѣе. Одинъ, предвѣщавшій бѣдствію этому городу, прорицатель и поэтъ, кто бы онъ ни былъ, еще прежде возбуждалъ и возмущалъ противъ насъ толпы язычниковъ, стараясь воспламенить ихъ къ мѣстному суевѣрію. Возбуждаемые имъ, они считали позволительнымъ всякое злодѣяніе и единственными благочестивыми дѣломъ въ служеніи діаволамъ признавали убіеніе насъ⁴.

²⁾ Почти то же положеніе занимаетъ язычникъ Цепцій у Мунуція Феликса (ср. гл. 5) скептикъ, допускающій, правда религію, но сильно сомѣвающійся въ общемъ провидѣніи. „При этой непрочности вещей самое лучшее и достойнѣйшее слѣдовать примѣру предковъ, почитать преданные религіозные обычаи и въ смиреніи поклоняться богамъ“. Глава 7 звучитъ очень благочестиво.

телемъ, выдающимъ критикомъ и не только платоническимъ религіознымъ философомъ, но и глубокой религіозной натурой, въ которой все мышленіе устремляется къ богопознанію и въ немъ находятъ свое успокоеніе.

Цельсъ въ христіанской религіи не видитъ ничего добраго, таково первое впечатлѣніе, какое оставляетъ чтеніе его сочиненія. Онъ воспроизводитъ точку зрѣнія языческой публики второго вѣка, но онъ достаточно справедливъ и благороденъ, чтобы не повторять ужасныхъ обвиненій народныхъ массъ. Христіанство—это отродье (Bastard) самый низменной изъ всѣхъ національныхъ религій, іудейской ¹⁾,—съ начала возникновенія до сего времени представляетъ собой абсурдную жалкую трагедію. Цельсъ хорошо знаетъ различія, существовавшія среди христіанъ и тѣ стадіи развитія, которыя христіанство испытало въ своей исторіи,—и онъ удачно пользуется ими, чтобы усилить впечатлѣніе безсодержательности его: онъ противопоставляетъ секты великой церкви, прежнее время позднѣйшему времени, Христа—Апостоламъ, рецензіи Библии противъ достовѣрности текста,—такъ отъ самаго начала и доселѣ все плохо въ этой религіи! Даже и Самъ Христосъ не пощаженъ; хорошее, что встрѣчается въ Его рукахъ, заимствовано отъ философовъ, а все остальное, принадлежащее Ему, есть ложь и обманъ, ничего не стоящій мифъ. Апостолы, обманутые обманщики, еще болѣе усилили въ христіанствѣ этотъ элементъ; вѣра въ воскресеніе покоится на свидѣтельствѣ безумной женщины. Короче говоря, христіанство представляетъ собой аятропоморфическій мифъ самаго худшаго вида; вѣра христіанъ въ промысленіе есть наглость въ отношеніи къ Богу:—хоръ лягушекъ сидитъ въ болотѣ и квакаетъ: „ради насъ созданъ міръ“.

Съ другой стороны, критика христіанства не только приводитъ автора къ признанію въ немъ нѣкоторыхъ достойныхъ

¹⁾ За іудействомъ Цельсъ признаетъ такое же право на существованіе, какъ и за всякой другой религіей. Также относились къ нему позднѣе Порфирій и Юліанъ. Порфирій, по поводу одного оракулскаго изрѣченія Аполлона противъ христіанъ, замѣчаетъ: „въ нихъ Аполлонъ ясно объявилъ полную неизмѣнимость мыслей христіанъ; поэтому іудеи болѣе чтутъ Бога, чѣмъ они (у Август., О царствѣ Божіемъ, XIX, 3)“.

вниманія истинѣ, но тамъ, гдѣ критикъ наталкивается на религію, во всей его книгѣ можно подмѣтить вторичное теченіе, мало гармонирующее съ господствующимъ въ немъ гнѣвнымъ обсужденіемъ. Цельсъ намѣренно закрываетъ глаза и не хочетъ видѣть, что и христіанство не только допускаетъ разумное объясненіе, но уже и нашло его; но совѣмъ обойти молчаніемъ этотъ фактъ онъ не могъ. Его агностицизмъ, допускавшій все же необходимость религіи, незамѣтно приводилъ къ уступкамъ, которыя были недалеко отъ христіанскаго понятія о Богѣ. Нравственное ученіе „Иисуса“ онъ въ большей его части не одобряетъ,—упрекъ въ плагіатѣ возникъ изъ крайней нужды,—но когда христіане утверждаютъ, что Логосъ есть Сынъ Божій, онъ видитъ себя вынужденнымъ высказать согласіе съ этимъ положеніемъ. Наконецъ во всемъ его сочиненіи просачивается нѣкоторый искренній, вытекающій изъ заботы о государствѣ, призывъ къ христіанамъ не отвращаться отъ общаго порядка, но оказать помощь тому, чтобы императоръ могъ держать свою имперію со всѣми ея благами въ силѣ. Здѣсь дѣло идетъ о спасеніи закона и благочестія отъ виѣшнихъ и внутреннихъ враговъ! Между строками довольно ясно можно читать: откажитесь отъ всякаго обособленнаго положенія, не ставьте себя рядомъ съ государствомъ, и тогда мы можемъ допустить и васъ и вашу религію. Въ своемъ послѣднемъ основаніи „Истинное слово“ Цельса представляетъ собой политическое сочиненіе и нѣкоторое мало прикрытое предложеніе христіанамъ о мирѣ ¹⁾).

Сто лѣтъ позднѣе, когда Порфірій издалъ свое сочиненіе противъ христіанъ, многое измѣнилось. Христіанство сдѣлалось силой, усвоило себѣ эллинистическія формы, но, конечно, попрежнему сохраняло въ себѣ „чужіе миры“ и между многими другимъ учило о рѣзкомъ отличіи между творцомъ и тварями, Богомъ и природой, о вочеловѣченіи Бога, объ уничтоженіи міра и воскресеніи. Здѣсь выступаетъ великій философъ своего времени Порфірій, ученикъ Плотина и Лонгина. Въ теченіе года онъ велъ горячіе споры въ Римѣ съ церковными учите-

¹⁾ Цицеронъ также въ концѣ концовъ былъ политикомъ и патриотомъ, когда онъ утверждалъ, что „древняя религія пріобрѣла Риму весь міръ“ (Минуц. гл. 6).

лами и гностиками, въ полномъ сознаніи, что борется за все высочайшее, что даровано человечеству, за Божество и разумно постигаемую религіозную истину. Политическихъ идеаловъ онъ не имѣлъ; имперія воодушевляла уже немногихъ, реставраторъ ея еще не пришелъ, и религіозная философія жила въ государствѣ, которое она хотѣла построить сызнова. Порфирій ушелъ въ Сицилію; тамъ онъ написалъ свои 15 книгъ „противъ христіанъ“. Четыре выдающіеся церковные дѣятеля опровергали его ¹⁾, но вслѣдствіе побѣды церкви и приказаній императора, какъ самое сочиненіе Порфирія, такъ и направленные противъ него политическіе труды погибли; остались только фрагменты, въ большей части и важнѣйшіе у Макарія Магнета; что подъ выступающимъ въ этомъ „Апокритикѣ“ языческимъ философомъ разумѣется Порфирій, для меня это несомнѣнно.

Трудъ Порфирія является богатѣйшимъ по содержанію и основательнѣйшимъ сочиненіемъ, какое когда-либо написано было противъ христіанъ. Въ христіанской литературѣ оно создало ему титулъ „враждебнѣйшаго и непріязнѣйшаго изъ всѣхъ“, „врага Бога, ненавистника истины, учителя преступныхъ искусствъ“ и т. д. ²⁾. Но хотя мы можемъ судить объ его сочиненіи только на основаніи фрагментовъ, все-же говорятъ не слишкомъ много, когда утверждаютъ: въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ Порфирій воспроизводитъ споръ между религіозно-философской наукой и христіанствомъ, этотъ споръ не закончился еще и теперь; и доселѣ Порфирій еще не опровергнутъ. Въ большей части того, что онъ утверждаетъ, онъ правъ, но въ своей критикѣ того, что онъ понимаетъ, какъ христіанское ученіе, онъ является и правымъ и неправымъ.

Его трудъ получилъ столь важное значеніе потому, что опирается на прекрасномъ знаніи Библии и свсей исходной точ-

¹⁾ Меводій, Евсевій, Аполливарій и Филосторгій.

²⁾ Однако Августинъ называетъ его: „знаменитый философъ, великій изчезскій философъ, ученѣйшій изъ философовъ, хотя и сильнѣйшій врагъ христіанъ (О царствѣ Божиѣмъ, XIX, 12)“. Интересно сравнить этотъ отзывъ съ эпитетами, какими награждаетъ Порфирія Иеронимъ: „глупый (stultus), печестивный, богохульникъ, сумасбродный, безстыдный, сивофантъ, клеветникъ на церковь, бѣшеная собака“.

кой имѣеть религію. Полемизируя съ христіанствомъ, авторъ не хочетъ ни важничать, ни перетолковывать, ни превозноситься надъ своимъ противникомъ, но пишетъ серьезно и пунктуально. Съ обильнымъ потомъ работая надъ дѣломъ онъ, — идеалистъ, убѣжденный, что то, что онъ опровергаетъ, должно навсегда исчезнуть. Поэтому онъ ограничивается только рѣшительнѣйшими для него пунктами. Ихъ — четыре: прежде всего онъ стремится разложить христіанскіе міры, то есть, показать, что все, извлеченное изъ обоихъ завѣтовъ, исторически несостоятельно; эти источники мутны и полны противорѣчій. Но онъ не забрасываетъ Библію грязью, какъ совершенно ложную книгу, напротивъ онъ многое въ ней цѣнитъ, какъ истинное и божественное; равнымъ образомъ онъ не отождествляетъ Христа Евангелія съ историческимъ Христомъ (?). Въ отношеніи къ послѣднему онъ питаетъ благоговѣніе, достигающее до религіознаго ¹⁾; за то съ беспощадной критикой онъ доказываетъ, что образъ Христа, нарисованный сто лѣтъ позднѣе въ Евангеліи, если и принимать ихъ за исторически-достоверныя произведенія, будто бы не можетъ быть подлиннымъ, что онъ разрушенъ и искаженъ. Такъ же онъ поступаетъ и съ тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, какой извлекала церковь изъ Ветхаго Завѣта въ качествѣ предсказаній о Христѣ. Но самый интересный отдѣлъ его труда составляетъ критика ап. Павла. Порфирій, этотъ эллинистъ перваго ранга, ни къ кому другому не чувствуетъ столь сильной антипатіи, какъ къ ап. Павлу. Диалектика его кажется Порфирію совсѣмъ пустой и

¹⁾ Называть его врагомъ христіанства можно, поэтому, только въ условномъ смыслѣ. Правильно судить Вендландъ (*Christentum und Hellenismus*, 1902, s. 20): „доселѣ еще не обращавшія на себя достаточнаго вниманія прекрасныя разсужденія Порфирія въ 3-й книгѣ περί τῆς ἐκ λόγων φιλοσοφίας (стр. 180 ср. Ed. Wolf) показываютъ, какъ сильно искали со стороны неоплатонической пониманія и примиренія съ христіанствомъ. О Нуменіи, пифагорійскомъ философѣ, Оригенъ извѣщаетъ (Противъ Цельса. I, 15; IV, 51), что онъ съ большимъ уваженіемъ цитировалъ іудейскія священныя книги и объяснялъ ихъ аллегорически. Платоникъ Амелій, современникъ Оригена, съ уваженіемъ пользовался Евангеліемъ отъ Іоанна (Euseb., Praeparat. XI, 19, 1); ср. Августинъ (О царствѣ Бож. X, 29): „одинъ платоникъ училъ, что начало Евангелія Іоанна должно быть написано золотыми буквами и повѣшено во всѣхъ церквахъ на возвышенномъ мѣстѣ“. Долгину знакомъ былъ съ Ветхимъ Завѣтомъ.

потому софистичной и логичной; его доказательства разрѣшаются въ ясныя противорѣчія и во всѣхъ его самосвидѣтельствахъ онъ видитъ только безсодержательнаго, варварскаго и беспорядочнаго ритора, врага всякаго благороднаго и свободнаго образованія. Въ первый разъ изъ опроверженій Порфирія узнаемъ, какое впечатлѣнiе производила на образованныхъ эллиновъ своеобразность ап. Павла. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ дѣйствительно указываетъ у послѣдняго много соблазна, но само собой понятно, что соблазнъ тотчасъ же исчезаетъ, какъ только обсужденіе избираетъ новый уголъ зрѣнія, Порфирій же его не нашелъ.

Отрицательная критика историческаго характера христіанской религіи составляетъ для Порфирія только предположеніе, исходя изъ котораго онъ намѣренъ выполнить критику христіанства по всѣмъ его главнымъ пунктамъ, считаемымъ имъ за грубыя заблужденія. Прежде всего, христіанское ученіе о твореніи міра, отдѣляющее міръ отъ Бога, утверждаетъ его временное происхожденіе и потому не допускаетъ благоговѣйнаго религіознаго разсмотрѣнія міроваго цѣлаго. Отвергая это, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаетъ и ученіе объ уничтоженіи міра, какъ безразсудное и противорелигіозное. Потомъ онъ направляется противъ ученія о вочеловѣченіи: христіане ложно раздѣляютъ Бога и міръ ученіемъ о временномъ твореніи и ложно связываютъ ихъ ученіемъ о вочеловѣченіи. Въ заключеніе онъ подвергаетъ критикѣ вѣру христіанскую въ воскресеніе мертвыхъ.

Во всѣхъ этихъ пунктахъ Порфирій беспощаденъ и борется съ христіанствомъ, какъ съ злѣйшимъ своимъ врагомъ, но *во всѣхъ остальныхъ онъ оставался единомысленнымъ съ христіанской религіозной философiей и самъ сознавалъ это единство.* Христіанская философія того времени въ этихъ пунктахъ не была уже недоступной для языческаго образованнаго общества: она употребила большія усилія отчасти чтобы сблизиться съ неоплатонической позиціей, отчасти раскрыть свое ученіе, какъ чисто научное и потому подлинно эллинское. Какъ близко другъ къ другу стояли противники! Порфирій къ концу своей жизни, повидимому, еще сильнѣе отѣнилъ тѣ черты

своихъ спекуляцій, которыя сближали его съ христіанскимъ ученіемъ. Его письмо къ своей супругѣ Маркеллѣ могло быть почти составлено христіаниномъ ¹⁾.

Въ сочиненіи Порфирія эллинизмъ оставилъ свой завѣтъ христіанству,—полемически трудъ Юліана обозначаетъ собой поворотъ назадъ,—церковь уничтожила этотъ завѣтъ, но послѣ того, какъ она много разъ опровергала его. Конечно, утрата этого интереснѣйшаго полемическаго сочиненія составляетъ для насъ невозвратную потерю, хотя для самого автора она едва-ли была потерей.

О воздѣйствіи этого труда мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, не говоря о томъ, что находится въ порицаніяхъ церковныхъ писателей. Однако, несмотря на серьезность и литературную обработку труда, онъ едва-ли повлекъ за собой какія либо важныя послѣдствія. Когда Порфирій писалъ, религія церкви стала міровой религіей, успѣшно бороться съ которой не могъ ни одинъ профессоръ, хотя бы онъ вмѣстѣ съ перомъ владѣлъ еще и мечемъ реформатора ²⁾.

Взаимообщеніе христіанъ и язычниковъ въ ежедневной жизни уже ко времени Тертуллиана нельзя опредѣлять по отдѣльнымъ эпизодамъ преслѣдованій. Несмотря на свою аскетическую тенденцію, онъ во многочисленныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, хотя и противъ воли, ясно даетъ понять, что въ обычномъ порядкѣ дня все происходило спокойно: жили вмѣстѣ, покупали, продавали, вели знакомство между собою и даже заключали браки. Въ позднѣйшее время въ привычныхъ условіяхъ жизни уже нелегко было указать различіе между христіаниномъ и язычникомъ. Большая часть христіанъ принадлежала уже къ обществу и число тѣхъ, которые находили въ своей вѣрѣ препятствіе къ участию въ общественной жизни, становилось все меньше. Оригенъ вращался въ ученой республикѣ и пользовался большимъ уваженіемъ. Павелъ Самосашскій

¹⁾ Лонгинъ также читалъ посланія ап. Павла и называетъ его „первымъ правозвѣстникомъ ведаваемаго догмата“ (Fragm. I c. Cod. Vat. Urb.).

²⁾ Магическо-теургическаго элемента, который допускалъ Порфирій въ своей ясной философій, онъ, вѣроятно, не затрогивалъ въ своей полемикѣ противъ христіанъ. Въ противномъ случаѣ его христіанскіе противники хорошо бы подмѣтили это.

соединялъ въ себѣ епископскій санъ съ высокою должностію государственнаго прокурора и былъ извѣстнѣйшей и вліятельнѣйшей личностію въ свое время. О Кирианѣ его біографъ рассказываетъ, что знатнѣйшіе кареагеняне значились въ числѣ его друзей и сохранили вѣрность ему даже въ то время, когда онъ находился въ темницѣ. При всемъ томъ нельзя замалчивать факта, что христіанство еще въ началѣ 4-го вѣка имѣло своимъ противникомъ *античную науку*, поскольку она еще существовала. Одна ласточка не дѣлаетъ весны, и Оригенъ со своей партіей не могъ измѣнить общаго положенія. Его христіанство было своего рода идіосинкразіей; только малая часть ученыхъ могла усвоить его себѣ; остальные довольствовались тѣмъ, что обучались у него критикѣ, грамматикѣ и философіи и проходили мимо его религіи. До середины 4-го столѣтія наука оставалась языческой. Впервые великіе кайпадокійскіе богословы и въ ограниченной мѣрѣ антиохійскіе ¹⁾; затѣмъ Августинъ на Западѣ произвели переворотъ въ этой области, хотя въ умѣренныхъ границахъ. Античная наука на Востокѣ въ сущности никогда не помирилась съ христіанствомъ, — такъ думали въ церкви еще въ началѣ 5-го вѣка, — но она стала слабой, не могла устоять рядомъ съ привилегированной церковью и потому постепенно уничтожалась. Когда она умирала, христіанство чувствовало уже себя въ обладаніи значительной части этой науки.

Распространеніе христіанства среди различныхъ классовъ общества въ первые три вѣка его исторіи.

Чувство силы, наполнявшее собой христіанъ, особенно ясно выражается въ проникновеніи ихъ во всѣ классы общества. Объ этомъ чувствѣ силы свидѣтельствуютъ ревность въ распространеніи своей вѣры, самосознаніе быть народомъ Божиимъ и обладать истинной религіей, равно какъ и стремленіе воспринять въ себя все цѣнное. Объ этихъ моментахъ мы уже говорили, но ихъ можно по различнымъ пунктамъ констатировать также и въ области интенсивнаго ²⁾ распространенія.

¹⁾ Хотя это и противорѣчитъ общепринятому мнѣнію.

²⁾ Въ противоположность „экстенсивному“ — численно — географическому.

Въ дальнѣйшемъ мы рассмотримъ слѣдующіе вопросы: распространеніе христіанства (1) среди знатныхъ, богатыхъ, образованныхъ и должностныхъ классовъ, (2) при императорскомъ дворѣ, (3) въ войскѣ и (4) среди женщинъ.

1. Распространеніе христіанства среди знатныхъ, богатыхъ, образованныхъ и должностныхъ классовъ.

Ап. Павелъ пишетъ (1 Кор., 1, 26): „посмотрите, братья, кто вы призванные; не много изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ. Но Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее,—для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ“¹⁾. Другія свидѣтельства, идущія отъ древнѣйшаго времени до царствованія Марка Аврелія, подтверждаютъ, что тогдашнія христіанскія общины въ громадномъ своемъ числѣ состояли изъ маленькихъ людей, рабовъ, вольноотпущенниковъ и рабочихъ. Цельсъ²⁾ и Цецилій³⁾ прямо свидѣлствуютъ объ этомъ, и апологеты признаютъ то же самое⁴⁾. Даже христіанскіе епископы часто принадлежали низшему сословію⁵⁾.

Но уже ап. Павелъ намекаетъ, что среди христіанъ есть нѣсколько мудрыхъ, сильныхъ и благородныхъ. Дѣянія Апостольскія удостовѣряютъ въ этомъ. Въ Кипрѣ былъ обращенъ проконсулъ Павелъ (Дѣян. 13, 7—12)⁶⁾, въ Аѳинахъ Діонисій Ареопагитъ (Дѣян., 17, 12), въ Фессалоникахъ „не мало знатныхъ женщинъ (Дѣян., 17, 12)“, въ Веріи тоже (Дѣян. 17, 13). Также Прискилла, сотрудница Павла, должна быть причислена къ высшимъ сословіямъ вслѣдствіе ея выдающа-

¹⁾ Оригенъ по поводу этихъ словъ Апостола замѣчаетъ (Прот. Цельс., III, 47): „возможно, что эти слова побудили нѣкоторыхъ думать, что въ нашу вѣру не перешелъ никто изъ мудрыхъ и образованныхъ людей“.

²⁾ Оригенъ прот. Цельс., 1, 27; III, 18, 44; VIII, 76 и др.

³⁾ Мнн., Окт. 5, 8, 12; см. Lucian, Peregr. 12, 13 и риторъ Аристидъ, Огат., 46: „христіане не присутствуютъ въ городскихъ совѣтахъ“.

⁴⁾ Они обращаютъ это въ похвалу христіанству.

⁵⁾ См. объ этомъ выше.

⁶⁾ См. о немъ Lightfoot въ Contemp. Rev. Bd, 32 (1878) p. 290 сл. Kellner въ Katholik 1888, стр. 889 сл. и Wend въ комментаріи къ Дѣяніямъ, стр. 227 сл.

гося образованія ¹⁾. Плиній извѣщаетъ императора Трояна, что въ Визаніи перешли въ христіанство „многіе изъ всякаго сословія“. Посланіе ап. Іакова возстаеъ противъ богатыхъ немилосердыхъ христіанъ, въ печальныхъ краскахъ описываетъ ихъ нравственное состояніе и жалуется, что они превозносятся предъ другими за богослуженіемъ. Въ Римѣ христіанствомъ была пріобрѣтена Помпонія Грецина, знатная женщина, и вскорѣ затѣмъ консулъ Титъ Флавій Климентъ и его жена Домитилла ²⁾. Этотъ успѣхъ и подобные ему должны были обезпечить тамошней общинѣ большой приростъ сочленовъ изъ высшихъ сословій ³⁾. Игнатій въ своемъ посланіи къ римской общинѣ изображаетъ ее настолько вліятельной, что она можетъ задержать его мученичество. Выказывать такое опасеніе Игнатій могъ только въ такомъ случаѣ, если римская община располагала въ своей средѣ богатыми и вліятельными членами, которые могли спасти его отъ казни при помощи подкупа и своего авторитета. Что такіа лица дѣйствительно были въ ней, о томъ свидѣтельствуеъ Ермъ. Онъ говоритъ о римскихъ христіанахъ, которые „преданы были занятіямъ, богатству, дружбѣ съ язычниками и всѣмъ другимъ предпріятіямъ этого вѣка“ (Зак. X, 1?) и „обогатившихся и ставшихъ славными у язычниковъ ⁴⁾“. Въ своей книгѣ онъ часто обращается къ богатымъ членамъ общины и дѣлаеъ имъ тяжкіе упреки ⁵⁾. Объ обращеніи знатныхъ римлянковъ

¹⁾ Объ этомъ ниже.

²⁾ См. о нихъ ниже.

³⁾ Діонъ Кассій (LXVII. 14) говоритъ, что кромѣ Климента и Домитиллы были осуждены Домиціаномъ за „безбожіе“ и многіе другіе, склонившіеся къ обычаямъ іудейскимъ: „одни изъ нихъ умерли, другіе лишены были своихъ имуществъ, Домитилла же сослана была на островъ Пандатерію (ср. LXVIII, 1 императоръ Нерва запретилъ обвиненія въ безбожіи и въ слѣдованіи іудейскимъ обычаямъ). Всѣ они, безъ сомнѣнія, были христіанами и отчасги состоятельными. Ср. вайденія въ катакомбахъ Домитиллы надписи; de Rossi, Rullett. 1865, p. 17 сл., 33 сл., 89 сл.; 1874, 5 сл. 68 сл. 122 сл.; 1875, 5 сл. Возможно, что также сенаторъ и консуляръ Главріонъ былъ христіаниномъ.

⁴⁾ Под. VIII, 9. Ерм. продолжаеъ: „впали въ большую гордость, стали высоко думать о себѣ, оставили истину и не вмѣли общенія съ праведными, но жили вмѣстѣ съ язычниками и эта жизнь казалась имъ пріятнѣе“.

⁵⁾ Под. 1: „зачѣмъ вы здѣсь покушаете помѣстья, строите великолѣпныя зданія и ненужныя жилища?“ Вид. I, 1; II, 2; III, 6; III, 9; III, 11; Запов. VIII, 3; XII, 1. 2; Подоб. II. IV. VII, 8; IX, 20; IX, 30; IX, 31.

разсказываетъ Іустинъ ¹⁾. Въ лицѣ самихъ апостоловъ христіанство пріобрѣло образованныхъ людей. Но преимущественно среди гностиковъ было много ученыхъ и мыслителей перваго ранга; читая сохранившіеся до насъ фрагменты Валентина, невольно убѣждаешься въ великомъ духѣ и блестящемъ образованіи этого мужа; то же нужно сказать объ ученикахъ его Птоломеевѣ ²⁾ и Гераклеонѣ. Маркіонъ такъ былъ состоятеленъ, что могъ пожертвовать римской церкви 200,000 сестерцій.

Значительный успѣхъ въ дѣлѣ распространенія христіанства среди знатныхъ классовъ подаетъ на время императора Коммода. Евсевій на основаніи неизвѣстнаго источника разсказываетъ, что христіанская проповѣдь захватила собой тогда всѣ классы, такъ что въ Римѣ „многіе знаменитые по богатству и происхожденію граждане цѣлыми семействами и со всѣмъ родствомъ обращались къ спасенію ³⁾. Въ доказательство этого онъ приводитъ примѣръ Аполлонія, который во всякомъ случаѣ принадлежалъ къ высшему сословію и, вѣроятно, состоялъ даже сенаторомъ ⁴⁾. Быть можетъ къ этому же времени относится и надпись изъ Остіи, приведенная выше ⁵⁾, показывающая, что сочлены рода Аннаевъ были христіанами и, значитъ, можно признать за несомнѣнный фактъ, что еще въ концѣ второго столѣтія большая часть Помпоніевъ умерла христіанами ⁶⁾. Въ полномъ согласіи съ указанными сейчасъ свидѣтельствами Тертуліанъ ⁷⁾ замѣчаетъ о жалобахъ язычниковъ на то, что люди „всякаго достоинства (omnis dignitatis)“ перешли въ христіанство ⁸⁾, а, самъ онъ говоритъ, что эта религія напоминая „города, острова, земли, пригороды, совѣты,

¹⁾ Апол. II, 2.

²⁾ См. письмо его къ Флорѣ и комментарий на св. Іоанна.

³⁾ Евс. II. II. V, 21.

⁴⁾ Мученическіе акты Аполлонія, имѣющіе большую историческую цѣнность, недавно открыты въ сирской и греческой редакціи. См. о нихъ напр. Klette. Texte und Unters. XV, 2. (Прим. перев.).

⁵⁾ Приведено выше изъ отдѣла объ именахъ.

⁶⁾ De-Rossi, Rom. sott. II. tal. 49—50 п. 22. 27 et tab. 41; п. 48.

⁷⁾ Самъ Тертуліанъ, прежде чѣмъ сдѣлаться христіаниномъ, былъ выдающимся римскимъ юристомъ (Евс. II. II., II, 4). Ничто не препятствуетъ признать его тѣмъ юристомъ, цитаты изъ котораго встрѣчаются въ Дигестахъ.

⁸⁾ Ad nat. 1, 1; ср. Апол. 1.

лагери, трибы, декуріи, дворъ, сенатъ и форумъ“¹⁾. О томъ же свидѣтельствуютъ Климентъ и Оригенъ. Климентъ посвятилъ цѣлое сочиненіе рѣшенію проблемы: „кто изъ богатыхъ можетъ спастись?“ при чемъ сочиненіе имѣетъ въ виду не обращающихся богачей, а тѣхъ которые стали уже христианами²⁾. Отъ Оригена мы слышимъ тоже самое³⁾. И если ранѣе, когда христіане не занимали никакихъ должностей и не присутствовали въ городскихъ собраніяхъ, можно было обвинять ихъ „въ непроизводительности въ занятіяхъ“, въ „презрительной бездѣятельности“, то съ середины третьяго вѣка эти упреки прекратились⁴⁾. Для находившихся въ большихъ церквахъ многочисленныхъ христіанъ, принадлежавшихъ по своему рожденію и состоянію къ лучшему обществу, гоненія, начавшіяся съ половины 3 вѣка, представляли собой двойное испытаніе; такъ какъ они теряли многое. Это признаютъ Кипріанъ⁵⁾ и Евсевій⁶⁾. Должностный классъ также былъ

1) Апол. гл. 37; ср. къ Свапулѣ 4, 5: „столько мужей и женщинъ всякаго званія“; каждый узнаетъ тамъ сослуживцевъ своихъ; увидитъ, быть можетъ, и твоего званія мужей и матронъ и нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ (principales) лицъ, друзей твоихъ родственниковъ и друзей ихъ“; „свѣтлѣйшіе (clarissimi) мужи и святѣйшія женщины“. Что не малое число философовъ сдѣлалось уже христіанами, объ этомъ свидѣтельствуетъ Климентъ (Стром. VI, 18, 167). Въ качествѣ знаменія времени можно стѣбитъ тотъ фактъ, что правитель Аравіи просилъ египетскаго префекта прислать ему Оригена для собесѣдованія (Евс. VI, 19). Ср. введение къ псевдо-іустиновой „Рѣчи къ еллинамъ“ въ сирскомъ переводѣ. Здѣсь авторомъ сочиненія обозначается Амвросій, высшій правитель Греціи, сдѣлавшійся христіаниномъ“. Далѣе говорится, что „сосенаторы“ заявили протестъ противъ него.

2) См. гл. 2 „Педагогъ“ также даетъ видѣть, что община, къ какой направлено это наставленіе, включала въ себя многихъ образованныхъ людей.

3) См. I прим. на слѣд. стр.

4) Прот. Цельса, III, 9: теперь же, когда вслѣдствіе множества приходящихъ къ Логосу и нѣкоторые изъ знатныхъ лицъ и женщины, живущія въ роскоши и благородія, слѣдуютъ ученію Логоса, кто осмѣлится сказать, что благодаря пустому тщеславію нѣкоторые приобретаются христіанскимъ ученіемъ“.

5) Но въ сочиненіи „О надшихъ“ онъ рисуетъ ужасную картину всецѣлаго омірщенія богатыхъ христіанъ.

6) Евс. Ц. И. VIII, 9: „особенно удивительны были тѣ, которые прославились богатствомъ, благородствомъ, достопапствомъ, краснорѣчіемъ и философіей, всему этому предпочли истинное благочестіе и вѣру. Еще при началѣ Деціева преслѣдованія въ Александріи было много знатныхъ и должностныхъ христіанъ, см. Евс. 41, 11: „многіе изъ людей знатнѣйшихъ отъ страха сами спѣшили выслу-“

проникнуть ими. Уже „Октавій“ Мянучія Феликса вводитъ насъ въ среду ихъ, и второй рескриптъ Валеріана противъ христіанъ 258 года имѣетъ въ виду кромѣ клириковъ высшія сословія и придворныя чины ¹⁾). Этотъ рескриптъ сильнѣе, чѣмъ всѣ прочія отдѣльныя мѣста ²⁾) показываетъ, какъ широко было распространено христіанство въ высшихъ классахъ. Отсюда происходили такіе епископы, какъ Кипріанъ, Діонисій Александрійскій, Анатолій и Павелъ Самосатскій. Діонисій среди жертвъ, какія онъ принесъ за свое христіанство во время Деціева гоненія, перечисляетъ: „судейскіе приговоры, описанія имѣнія, изгнанія, расхищенія, отреченія отъ гражданскихъ достоинствъ, презрѣнія къ мірской славѣ, невниманія къ похваламъ проконсуловъ и сенаторовъ“. Анатолій дѣйствовалъ въ Александріи, какъ государственный человѣкъ, и состоялъ предсѣдателемъ тамошняго городского совѣта ³⁾).

Положенія дѣла ко времени Діоклитіана хорошо охарактеризовано Евсеіемъ въ его извѣстіи: „государь поручалъ управленіе провинціями (*τὰς τῶν ἐθνῶν ἡγεμονίας*) и освобождалъ ихъ отъ приношенія жертвъ. Къ сожалѣнію, Евсеій не сообщаетъ, какими провинціями управляли христіанскіе начальники, равно какъ замалчиваетъ и имя того города, всѣ жители

шатъ опредѣленіе, другіе, несшіе общественныя должности, были призваны къ тому необходимою (въ гоненіе Валеріана);

¹⁾ Кипріанъ, п. 65, 1: „у сенаторовъ, почетныхъ людей и всадниковъ римскихъ сверхъ лишенія достоинствъ отбирать еще имущества, и если они и послѣ этого останутся непоколебимыми въ христіанствѣ, отсѣкать имъ головы; благородныхъ женщпль, по лишеніи имущества, ссылатъ въ ссылку, у придворныхъ же, которые или прежде исповѣдали или теперь исповѣдуютъ Христа, описывать имущество и по выключкѣ ссылатъ въ оковахъ въ кесаревы имѣнія“.

²⁾ Разсказавъ о мученичествѣ Маріана, Евсеій продолжаетъ (VII, 16): при этомъ случаѣ упоминается объ. . Астирїи, *римскомъ сенаторѣ, человѣкѣ, возлюбленномъ царями и по благородному происхожденію и богатству извѣстнаго вѣкъ*. Присутствуя тогда при кончинѣ мученика, Астирїй, одѣтый въ драгоцѣнную одежду, взялъ на плечо тѣло, понесъ его, одѣлъ весьма богато и предалъ приличному погребенію“ (*Прим. перев.*).

³⁾ Ев. Ц. И. VII, 32. См. о немъ Gompertz, Anz. d. k. Wiener Akad. Phil. — hist. Klasse, 1901, № VII, 2. Также и другой христіанинъ, Евсеій, впоследствии епископъ Лаодикии, игралъ въ Александріи политическую роль (Евс. VII. 32). О Флаеасѣ, епископѣ Тмуитскомъ, Евсеій замѣчаетъ: „человѣкъ, пріобрѣтшій въ своемъ отечествѣ знаменитость общественными связями, должностями и свѣдѣніями по философіи (VIII, 9).

котораго, включая и должностныя лица, были христіанами ¹⁾. Онъ называетъ только двухъ лицъ, занимавшихъ высокія должности: Филорома въ Александріи ²⁾ и извѣстнаго Адавкта ³⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что христіанская религія еще ранѣе Константина Великаго была втянута въ государственное управленіе, какъ она овладѣла и наукой, благодаря Клименту и Оригену. Косвенно свидѣтельствуетъ объ этомъ Порфирій, и Арнобій пишетъ о христіанахъ (II, 5): „одаренные столь великими талантами сраторы, граматики, риторы, юридическіе совѣтники и медики, разслѣдовавшіе даже тайны философіи, ищутъ занятій учителя“.

Ан. Спасскій.

1) Фактъ замѣчательный: „всѣ жители города поголовно, самъ градоуправитель и военачальникъ, со всѣми должностными людьми и народомъ были христіанами“. Войска, явившіяся сюда чтобы принудить жителей къ почитанію боговъ, не нашли другого исхода, какъ только сжечь его со всѣмъ народонаселеніемъ. Евс. Ц. И. VIII, 11.

2) Евс. Ц. И. VIII, 9: „таковъ былъ Филоромъ, на которомъ лежала немаловажная должность управляющаго царскимъ ховійствомъ въ Александріи и который, по своему сану и римскому достоинству, каждый день являлся въ судилище въ сопровожденіи военныхъ тѣлохранителей“.

3) Евс. Ц. И. VIII, 11: „при этомъ случаѣ (сожженіи фригійскаго города) нѣкто посторонній, имѣвшій достоинство римскаго гражданина, по имени Адавктъ изъ знатной фамиліи Италиі, человекъ, прошедшій всѣ степеніи чести при царскомъ дворѣ, и наконецъ, безпорочно проходившій должность государственнаго счетчика, называемаго у нихъ *ραγίστρατης* и *καβολιχότης* Дорямедонтъ былъ членомъ городского совѣта въ Свинадѣ (см. Acta Dogum.). Дативъ въ актахъ Сатурпита и Датива (въ Африкѣ) называется сенаторомъ (Ruin. p. 417).

ИСЦѢЛЕНІЕ ГОСПОДОМЪ ИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ СЛѢПО- РОЖДЕНАГО.

(Іоан. 9, 1—41).

(Окончаніе *).

Помазавъ слѣпому глаза брѣніемъ, Іисусъ Христосъ *сказалъ ему: пойдн, умойся въ купальнѣ Силоамъ, что значитъ: посланный* (Іоан. 9, 7). По сказанію Іосифа Флавія, „Силоамская купель“, или Силоа находилась на юго-восточномъ углу Іерусалима къ выходу Теропеона ¹⁾. И новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ, что купель эта была при соединеніи Теропеона съ Кедронской долиной, на юго-восточномъ углу Іерусалима. Купель Силоамская наполнялась водою изъ ключа, находившагося далеко выше, въ самой узкой части Кедронской долины, — который теперь носитъ названіе „Источника Дѣвы“. Купель Силоамская то же, что „царскій водоемъ“. Онъ былъ устроенъ царемъ Езекиєю, съ цѣлю отвести отъ осаждающей арміи воду изъ источника Гіона, которая не могла быть проведена внутрь городскихъ стѣнъ, и которую однако можно было провести ввуть города (2 Царст. 32, 30; 4 Цар. 20, 20).

Почему Господь приказалъ слѣпорожденному идти умыться въ Силоамской купели, относительно этого толковниками сдѣлаво много предположеній. Одни, обращая особенное вниманіе на поясненіе св. Іоанномъ слова *Силоамъ*, чрезъ *Посланный*, придаютъ символическое значеніе посланію Христомъ слѣпому для омовенія въ Силоамъ, — именно, допускаютъ, что названіе купели пророчесвенно указывало на то, что *Посланный*, т. е. Мессія, какъ Посланникъ Божій, (Іоан. 3, 17, 64, 5, 36—38;

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 13 за 1906 г.

¹⁾ Vel. Iud. 2, 16, 2; 5, 4, 2; 6, 1.

7, 29; 8, 42; Евр. 3, 1), чрезъ воды Силоама проявить свою могущественную божественную силу, все оживляющую и освящающую, что и осуществилось въ исцѣленіи слѣпорожденнаго чрезъ умовеніе въ водахъ Силоама. Слѣдовательно, исцѣленіе должно было и могло произойти только при умовеніи слѣпорожденного въ Силоамѣ, почему онъ и былъ посланъ для этого умовенія.

Въ оправданіе такого взгляда на значеніе посланія Господомъ слѣпорожденного въ Силоамскую купель толковники указываютъ во 1-хъ на то, что еще пророкъ Исаія предсказалъ соотвѣтствіе между водой Силоама и спасеніемъ, которое даровалъ Иисусъ Христосъ слѣпорожденному, чудесно его исцѣливъ (Ис. 8, 7) и, во 2-хъ, на то, что Самъ Спаситель ясно придавалъ священному Силоамскому источнику значеніе въ дѣлѣ исцѣленія слѣпорожденного, чего Онъ не сдѣлалъ въ отношеніи купальни: „Виѣзда“. (Іоанн. 5, 2—9). ¹⁾ Другіе толковники полагаютъ, что Иисусъ Христосъ чрезъ помазаніе брвеніемъ глазъ слѣпорожденного и чрезъ посланіе его омыть это брвеніе въ купели Силоамской, подтвердилъ Свое право совершать дѣла милосердія въ субботу, вопреки укаимъ мнѣніямъ фарисеевъ ²⁾, во имъ справедливо замѣчаютъ, что для достиженія этой цѣли, если бы она предполагалась, достаточно было совершенія чуда безъ всякихъ внѣшнихъ дѣйствій и средствъ ³⁾. Нѣкоторые изъ толковниковъ думаютъ, что чрезъ посланіе въ Силоамъ Иисусъ Христосъ подвергнулъ испытанію и укрѣпленію вѣру слѣпорожденного, твердость которой онъ и обнаружилъ полнымъ послушаніемъ и повиновеніемъ. ⁴⁾ По мнѣнію Мейера, посланіе слѣпорожденного въ Силоамъ нужно было съ тѣю цѣлью, чтобы дать цѣлительной силѣ брвенія, которымъ помазаны были глаза слѣпорожденного и которое было необходимо для его прозрѣнія, время для его дѣйствія, при чемъ обмываніе было естественно необходимо, такъ какъ глаза были помазаны брвеніемъ, и совершилось оно могло очень удобно въ находящемся вблизи въ Силоамскомъ

1) Godet, p. 136; Трекль стр. 219; Shanz, S. 367.

2) Ewald: Geschichte Christus und seiner Zeit, Göttingen, 1867 г. Th. II, s. 402.

3) Shanz, s. 367.

4) Златоустъ стр. 372; Olshausen, s. 265; Toluck, s. 194.

источникъ; ¹⁾ но выше нами уже сказано, что помазаніе брени-емъ не было необходимо при исцѣленіи, потому что не имѣло цѣлительной силы. Люкке утверждаетъ, хотя и нерѣшительно, что вводное предложеніе: *что значитъ: посланный* вставлено переписчиками. ²⁾ Дѣйствительно, въ Цешито нѣтъ этого предложенія, но это опущеніе въ сирскомъ переводѣ естественно объясняется тѣмъ, что слово Силоамъ принадлежитъ этому языку, почему объясненія его и не требовалось. Считая невозможнымъ съ точностью рѣшить, почему Господь послалъ слѣпому для омовенія въ Силоамѣ, такъ какъ евангельскій текстъ не представляетъ къ этому данныхъ, а мнѣнія толковниковъ объ этомъ разнообразны, можно только съ увѣренностью сказать, что вода такъ же, какъ и брение, сама по себѣ не могла дать зрѣнія слѣпородженному, и дано оно ему чудодѣйственною силою Христа. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Многіе и много разъ умывали въ немъ (Силоамѣ) глаза, но не испытали ничего подобнаго (т. е. не прозрѣли, какъ слѣпородженный). Нѣтъ, и тутъ дѣйствовала сила Христова, все содѣвающая. ³⁾“

Онъ (слѣпородженный) *пошелъ и умылся, и пришелъ зрячимъ* (Іоан. 9, 7). Слѣпой безпрекословно подчинился повелѣнію Иисуса Христа и тотчасъ же отправился въ Силоамскую купель. Въ этомъ его послушаніи выразилась увѣренность его въ то, что онъ получитъ зрѣніе, что Посылающій его можетъ дать и, несомнѣнно, дастъ ему это зрѣніе. Если бы у него не было этой вѣры, онъ бы и не пошелъ въ Силоамъ. Нѣкогда Нееманъ, военачальникъ царя Сирійскаго, прибылъ къ пророку Елисею для исцѣленія отъ проказы и получилъ повелѣніе пророка омыться семь разъ въ Іорданѣ, но не повѣрилъ ему и, думая что онъ насмѣхается надъ нимъ, удалился отъ него во гнѣвъ. (4 Цар. 5, 9—12). Полную противоположность невѣрію Неемана представляетъ собою вѣра слѣпородженнаго. Силоамская купель, конечно, была извѣстна слѣпому, и онъ легко могъ ощупью найти къ ней дорогу; но также легко онъ

¹⁾ Krit. exed. Handb. ub. das Evang. d. Iohan, Göttingen, 1869 г.

²⁾ Comment. ub. das. Evang. d. Iohan, Bonn, 1840 г.

³⁾ Русскій пер. 1902 г., стр. 372.

могъ найти себѣ и проводника въ окружавшей его толпѣ. Изъ купальни слѣпой шелъ уже не оцупью, а зрячимъ. По мнѣнію однихъ толковниковъ, *пришелъ онъ зрячимъ* сперва къ іерусалимскому храму,—на то мѣсто, гдѣ встрѣтилъ его Господь, но не найдя тамъ Іисуса Христа, послѣ посланія его въ Силоамъ продолжавшаго Свой путь (Іоан. 9, 1), онъ пошелъ въ себѣ домой; ¹⁾ другіе же полагаютъ наоборотъ,—что первоначально слѣпой направился домой, а потомъ уже пошелъ къ мѣсту встрѣчи съ Христомъ. ²⁾ Трудно рѣшить какое изъ этихъ мнѣній вѣрнѣе; можно только болѣе, чѣмъ предположительно, утвердить, что слѣпороджденный поспѣшилъ посѣтить и мѣсто своей встрѣчи съ Господомъ, чтобы принести благодарность своему благодѣтелю, и свой домъ, чтобы обрадовать своихъ родителей. Это подтверждается послѣдующею рѣчью евангелиста. *Тутъ сосѣди и видѣвшіе прежде, что онъ былъ слѣпъ, говорили: не тотъ ли это, который сидѣлъ и просилъ милостыни?* (Іоан. 9, 8)? Тутъ—*οὐν*, т. е. въ мѣстахъ, куда онъ пришелъ зрячимъ. Когда онъ пришелъ домой, его увидали зрячимъ его *сосѣди*—*γείτονες*, а когда пришелъ къ іерусалимскому храму, его увидали зрячимъ *видѣвшіе прежде что онъ былъ слѣпъ* *οἱ θεσροῦντες αὐτὸν τὸ πρότερον οἱ τιφῶς ἦν*, т. е. обычно и часто видѣвшіе его сидящимъ у воротъ храма, на что указываетъ *θεσροῦντες*³⁾. Тѣ и другіе при видѣ слѣпного зрячимъ не вѣрили своимъ глазамъ: съ одной стороны, предъ ними было хорошо извѣстное имъ лицо, а съ другой,—они не могли объяснить, какимъ образомъ видитъ тотъ, котораго они съ давнихъ поръ привыкли знать за слѣпного. Это свое недоумѣніе и выражаютъ вопросомъ: *не тотъ ли это, который сидѣлъ и просилъ милостыню?* Вопросъ этотъ предлагали всѣ, но въ рѣшеніи его обнаружались два различныя направленія: одни прямо признавали тожество теперь зрячаго съ бывшимъ слѣпымъ и, слѣдовательно, допускали фактъ его прозрѣнія; они говорили: *это онъ* (Іоан. 9, 9); другіе же отрицали это тожество и признавали, только случайное сходство, говоря: *похожъ на него* (Іоан. 9, 9). Этотъ споръ понятенъ потому, что прозрѣвшіе глаза, несомнѣнно, существенно измѣни-

1) Gadet, p. B. 8.

2) Shanz, s. 368.

3) Ibid.

ли лицо бывшего слѣпца, мысль же о возможности прозрѣнія его чудеснымъ образомъ его сосѣдямъ и знакомымъ и въ голову не приходила. Споръ рѣшается самимъ исцѣленнымъ, который сказалъ спорившимъ: *это я* (Іоан. 9, 9), т. е. тотъ самый, котораго вы прежде знали слѣпымъ. Утвержденіе слѣпорожденнаго вызвало у всѣхъ величайшее желаніе знать, какъ онъ сдѣлался зрячимъ: *спрашивали его, какъ открылись у тебя глаза* (Іоан. 9, 10), т. е. какъ онъ прозрѣлъ: открытіе глазъ есть образное выраженіе для восстановленія органа зрѣнія (Мѡ. 9, 30). Одни, болѣе склонные признать чудо, спрашивали объ этомъ потому, что были крайне поражены необычайностью явленія и въ отвѣтъ ожидали найти нѣкоторое его поясненіе, а другіе, можетъ быть, надѣялись, что отвѣтъ подтвердитъ ихъ сомнѣнія относительно прозрѣнія слѣпорожденного. Слѣпорожденный въ своемъ отвѣтъ кратко и ясно изложилъ весь ходъ дѣла своего исцѣленія, высказавъ только то, что ему самому было извѣстно. Онъ сказалъ въ отвѣтъ: *Человѣкъ, называемый Іисусъ, сдѣлалъ брѣніе, помазалъ глаза мои и сказалъ мнѣ: пойди на купальню Силоамъ и умойся. Я пошелъ, умылся и прозрѣлъ* (Іоан. 9, 11). По мнѣнію нѣкоторыхъ толковниковъ, слѣпорожденный узналъ имя І. Христа отъ провожатаго, который велъ его къ Силоаму и котораго онъ спросилъ о имени помазавшаго его глаза брѣніемъ¹⁾; но, нужно думать, что слѣпорожденный, постоянно сидѣвшій у воротъ храма, который неоднократно былъ посѣщаемъ Господомъ, не только зналъ Его имя, но и слышалъ о Его чудотвореніяхъ и не одинъ день питалъ надежду на полученіе отъ него зрѣнія. Іерихонскіе слѣпцы не могли видѣть Іисуса, но знали Его имя, слышали о проявленіи Имъ чудодѣйственной силы надъ больными и отъ него ждали прозрѣнія (Мѡ. 20, 29—34; ср. Мр. 10. 46—52). *Прозрѣлъ*—ἀνέβλεφα не значитъ я началъ видѣть (Мр. 8, 24; 16, 4; Лк. 19, 5; 21, 1), а—я получилъ новую зрѣніе (11, 5; 20, 34; Лк. 18, 41). О слѣпорожденномъ это можно сказать въ томъ смыслѣ, что по природѣ каждому человѣку свойственно зрѣніе, что in potentia оно должно существовать въ немъ. Слѣпорожденный отъ природы органы

¹⁾ Olshausen, s. 267.

зрѣнія имѣлъ, но они не дѣйствовали. Впрочемъ, нѣкоторые толковники полагаютъ, что евангелистъ *αυεζλεφα* употребляетъ въ ослабленномъ значеніи,—вообще въ смыслѣ *сдѣлаться видящимъ* ¹⁾).

Выслушавъ рассказъ исцѣленнаго, іудеи, или, лучше сказать, та часть ихъ, которая сомнѣвалась въ тождествѣ его съ извѣстнымъ имъ слѣпорожденнымъ и, слѣдовательно, не допускала чуда, вознамѣрилась удостовѣриться въ справедливости его рассказа чрезъ изслѣдованіе дѣла. Она спросила слѣпорожденнаго о мѣстѣ пребыванія Спасителя: *γὼς οὗτος?* Слѣпорожденный, послѣ своего исцѣленія не нашедшій І. Христа около іерусалимскаго храма и не знавшій, куда онъ ушелъ оттуда, *αὐτῶς ἀπεκρίθη: οὐκ οἶδμι* (Іоан. 9, 12). Въ вопросѣ іудеевъ, несомнѣнно, знавшихъ Спасителя и слышавшихъ о Его чудесахъ, проявляется враждебное къ Нему ихъ настроеніе. Если бы они узнали мѣсто Его пребыванія, нашли Его и услышали подтвержденіе рассказа слѣпорожденнаго о его исцѣленіи, то повели бы къ фари́сеямъ не бывшаго слѣпца, о чемъ говоритъ евангелистъ въ словахъ: *πέμψοντες τὸν τυφλὸν τῶν φαρισαίων* (Іоан. 9, 13), а Самого Христа. Причину и цѣль, по которымъ они повели слѣпца къ фари́сеямъ, евангелистъ указываетъ, говоря: *Ἦν σάββατον ὁπότε ἔθηκεν οὗτος τυφλὸς καὶ ἔθηκεν αὐτῷ ὄψιν* (Іоан. 9, 14). По толкованію раввиновъ, въ субботу нельзя было дѣлать никакого дѣла, а Господь сдѣлалъ брѣніе ²⁾. Ясно запрещалъ законъ и помазывать глаза слюной въ субботу, считая это дѣломъ ³⁾; въ субботу нельзя было и исцѣлять никого, за исключеніемъ случаевъ, когда была въ опасности жизнь ⁴⁾. Слѣдовательно, І. Христосъ, исцѣляя слѣпорожденнаго, открыто нарушилъ законъ о субботѣ. Это нарушеніе и послужило для іудеевъ мотивомъ къ тому, чтобы обвинять Его предъ фари́сеями, какъ преступника, а исцѣленнаго Имъ выставить, какъ наглядное доказательство

1) Ibid.

2) О сохраненіи іудеями субботняго покоя смотр. у Фаррара, страи. 595, примѣч 711.

3) Buxstorf: *Synag. Iudaica*, Basele, 1661, с. 16.

4) Schöttgen: *Horae Hebraicae*, Dresden, 1733, ad Maxt. 12, 9.

Его преступленія; но это было только объективнымъ основаніемъ къ обвиненію Спасителя, субъективнымъ же, несомнѣнно, была не ревность ихъ о соблюденіи закона, а раболѣпство предъ сильными вождями народа—фарисеями. Зная, что фарисеи рѣшились принять строжайшія мѣры не только противъ Иисуса, но и противъ всякаго, кто признаетъ Его за Христа (Іоан. 9, 22) и желая угодить имъ, іудеи и предоставляютъ ихъ суду дѣло объ исцѣленіи Имъ слѣпорожденнаго.

По мнѣнію нѣкоторыхъ толковниковъ, іудеи повели исцѣленнаго къ фарисеямъ не съ враждебною цѣлью обвинить передъ ними І. Христа въ варушеніи субботы, а чтобы обратить ихъ вниманіе на чудесное исцѣленіе и воспользоваться имъ, какъ яснымъ свидѣтельствомъ въ пользу Господа, какъ доказательствомъ Его божественнаго посланничества¹⁾; но евангельскій текстъ не даетъ никакого основанія видѣть въ дѣйствіи іудеевъ доброжелательныя намѣренія въ отношеніи къ І. Христу.

Подъ фарисеями, къ которымъ іудеи повели слѣпорожденнаго, одни изъ толковниковъ разумѣютъ синедріонъ, какъ высшее судебное учрежденіе іудеевъ, допуская при этомъ, что исцѣленный приведенъ былъ въ него не въ день своего исцѣленія—въ субботу, а на другой день²⁾; но другіе отрицаютъ это на томъ основаніи, что слѣпорожденный былъ представленъ на судъ фарисеевъ въ субботу, въ самый день его исцѣленія, когда синедріонъ не могъ собираться, и что для обозначенія синедріона св. Іоаннъ обыкновенно употребляетъ выраженіе: *фарисеи и архіереи* (Іоан. 7, 32; 45 и др.)³⁾. Изъ толковниковъ послѣдней группы одни подъ фарисеями разумѣютъ партію ихъ, состоящую изъ знатнѣйшихъ гражданъ⁴⁾, другіе—частное собраніе нѣкоторыхъ фарисеевъ у одного изъ нихъ⁵⁾, или же въ синагогѣ на дворѣ храма⁶⁾, каковыя собранія регулярно происходили въ субботу⁷⁾. Вѣроятно же всего

1) Olshausen, s. 267.

2) Toluck, s. 195, также: Гроцій, Кальметъ.

3) Godet, p. 140; Shanz, s. 369: Тренчъ, стр. 220; также: Вейсъ, Мейеръ, Шеггъ, Лютардъ и др.

4) Такъ Вейсъ.

5) Такъ Мейеръ.

6) Такъ Шеггъ, Лютардъ.

7) Winer: Realwörterbuch, Leipzig, 1847 г., Band. 2, s. 552.

думать, что слѣпорожденнаго привели на судъ наиболѣе изъ рьяныхъ противниковъ І. Христа, которые всѣмъ были извѣстны въ Іерусалимѣ.

Приведшіе слѣпорожденнаго къ фарисеямъ, несомнѣнно, передали имъ рассказъ его о своемъ исцѣленіи, но они, желая подвергнуть дѣло формальному изслѣдованію, не удовлетворяются ихъ передачей и заставляютъ самого исцѣленнаго рассказать о происшедшемъ съ нимъ, чтобы имѣть возможность основать свой приговоръ на его собственныхъ показаніяхъ. *Спросили его, говоритъ евангелистъ, также и фарисеи, какъ онъ прозрѣлъ* (Іоан. 9, 15). Исцѣленный даетъ имъ отвѣтъ краткій и этой своей краткостью обнаруживающій нѣкоторую рѣзкость. *Онъ сказалъ имъ: брѣніе положилъ Онъ на мои глаза, и я умылся, и вижу* (Іоан. 9, 15)! Краткость отвѣта объясняется, во 1-хъ, тѣмъ, что фарисеямъ дѣло было уже извѣстно изъ рассказа приведшихъ исцѣленнаго къ нимъ, а во 2-хъ, послѣдній уже проникъ въ планы фарисеевъ и намѣренно говоритъ сдержанно. Слова: *также—καὶ* и *и—καί* стиха 15-го выражаютъ собою нѣкоторое нетерпѣніе слѣпого, показываютъ, что вопросы начинаютъ ему надоѣдать ¹⁾.

Изъ рассказа, какъ приведшихъ слѣпорожденнаго, такъ и его самого, обнаруживалось, что исцѣленіе его было чудомъ, что фактъ этого исцѣленія вельзя не отрицать, ни объяснить естественнымъ путемъ: дѣйствительность была за него. Это ясно было для всѣхъ. Но нѣкоторые изъ фарисеевъ, болѣе враждебные и злонамѣренные въ отношеніи къ Іисусу Христу, пытались доказать, что призваніе дѣйствительности чуда не говоритъ за божественное посланничество чудотворца. Полагая въ основаніе своихъ сужденій неприкосновенность постановленій о субботахъ, нарушителемъ которыхъ явился Господь при совершеніи чуда, они говорили: *не отъ Бога этотъ человекъ, потому что не хранитъ субботы* (Іоан. 9, 16). Какъ нарушитель субботы, Онъ не могъ сотворить чуда божественною силою: Богъ не помогаетъ преступающимъ Его законъ. Но другая партія, состоявшая изъ болѣе благоразумныхъ и менѣе враждебно настроенныхъ фарисеевъ, изъ самаго при-

¹⁾ Lodet, p. 141.

званія факта исцѣленія слѣпорожденнаго за дѣйствительное чудо заключаетъ о святости Чудотворца и отвергаетъ нарушение Имъ субботы. Представители этой партіи говорили: *какъ можетъ человекъ грѣшный творить такіа чудеса* (Іоан. 9, 16)? Въ самомъ фактѣ исцѣленія, по ихъ мнѣнію, явно обнаруживалось содѣйствіе Іисусу Христу Духа Божія, который не можетъ проявлять свою цѣлительную силу чрезъ людей грѣшныхъ, явныхъ нарушителей закона, а слѣдовательно, Іисусъ Христосъ есть посланникъ Божій и въ исцѣленіи Имъ слѣпорожденнаго нарушение субботы видѣть нельзя. Последнее они могли утверждать на томъ уже основаніи, что не всѣ іудейскіе учителя были согласны относительно того, что позволялось и что запрещалось дѣлать въ субботу. Одинъ раввинъ думалъ, напримѣръ, что въ субботу можно исцѣлять воспаленные глаза¹⁾. *И была между ними распря* (Іоан. 9, 16), перевѣсъ въ которой брала, несомнѣнно, враждебная Христу партія, какъ болѣе многочисленная и смѣлая, заглушавшая робкіе и боязливые голоса, раздававшіеся въ защиту Іисуса Христа.

За рѣшеніемъ распри фарисеи обращаются къ слѣпорожденному и *говорятъ ему: ты что скажешь о Немъ, потому что Онъ отверзъ тебѣ очи* (Іоан. 9, 17). По мнѣнію нѣкоторыхъ толковниковъ, вопросъ этотъ предлагали члены благонамѣренной партіи фарисеевъ, которые надѣялись, что свидѣтельство самого исцѣленнаго въ пользу Іисуса будетъ имѣть силу въ глазахъ противниковъ Его и заставитъ ихъ признать Его за посланника Божія²⁾; но вѣроятно полагать, что вопросъ исходилъ отъ враждебной Христу партіи фарисеевъ, которые думали, что слѣпорожденный изъ-за страха передъ нами не признаетъ Іисуса за божественнаго посланника, или, по крайней мѣрѣ, выскажетъ о Немъ такое мнѣніе, которое дастъ имъ возможность перетолковывать его по своему. Исцѣленный, честный и правдивый, искренно благодарный своему благодѣтелю, неустрашимо заявляетъ, что онъ считаетъ Іисуса Христа за пророка. Въ отвѣтъ фарисеямъ *онъ сказалъ: это пророкъ* (Іоан. 9, 17). О пророческомъ достоинствѣ Спасите-

¹⁾ Toluck, s. 195.

²⁾ Shanz, s. 370.

ля, а слѣдовательно и о божественномъ Его посланничествѣ, исцѣленный заключаетъ на основаніи своего чудеснаго исцѣленія. Чудотвореніе слѣпорожденный считаетъ, какъ считали и другіе современники Христа (Іоан. 3, 2; 6, 14), за несомнѣнное свидѣтельство божественнаго посланничества.

Нѣкоторые изъ толковниковъ вопросъ фарисеевъ: *ты что скажешь о Немъ, потому что Онъ отверзъ тебѣ очи* (Іоан. 9, 17)? раздѣляютъ на два вопроса: *что ты скажешь о Немъ? и: что ты скажешь относительно того, что Онъ отверзъ тебѣ очи?*¹⁾ Но, очевидно, такого раздѣленія допустить нельзя, потому что фарисеи выражаютъ не двѣ отдѣльныя мысли, а одну—именно: что ты скажешь о Немъ вслѣдствіе того, что Онъ отверзъ тебѣ очи?

Тогда, т. е. послѣ того, какъ слѣпорожденный призналъ Иисуса Христа за пророка, чѣмъ подтвердилъ мнѣніе о Немъ расположенныхъ къ Нему фарисеевъ и отвергъ утвержденіе фарисеевъ враждебныхъ Ему, что Онъ не отъ Бога, *Иудеи не повѣрили, что Онъ былъ слѣпъ и прозрѣлъ, доколѣ не призвали родителей сего прозрѣвшаго* (Іоан. 9, 18).

Подъ *Иудеями* евангелистъ не разумѣетъ какой-нибудь новой группы людей, какъ, напр., архіереевъ, къ которымъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ толковниковъ, былъ представленъ исцѣленный; это тѣ же фарисеи, о которыхъ рѣчь шла выше (ст. 16),—именно, самые враждебные изъ нихъ въ отношеніи къ Господу. Терминомъ *Иудеи* св. Іоаннъ обозначаетъ ихъ не съ точки зрѣнія ихъ положенія въ Израилѣ, а съ точки зрѣнія расположенія къ Иисусу Христу.

Съ самаго начала изслѣдованія дѣла объ исцѣленіи слѣпорожденнаго враждебные Спасителю фарисеи, теперь наименованные евангелистамъ *Иудеями*, искали предлога къ объявленію Его и допустили возможность исцѣленія слѣпорожденнаго только потому, что была суббота и, слѣдовательно, можно было обвинить Иисуса Христа въ нарушеніи ея; но такъ какъ они, получивъ отъ исцѣленнаго неблагопріятный для нихъ отвѣтъ (ст. 17), не достигли этой цѣли, то рѣшили идти другимъ путемъ,—путемъ отрицанія самой слѣпоты приведеннаго

¹⁾ Olshausen, s. 268.

къ нимъ человѣка. Они не повѣрили, что она была слѣпая и прозрѣла (Іоан. 9, 18). „Такъ какъ нельзя было отрицать исцѣленія, говоритъ Олгаузенъ,—они пытаются отрицать слѣпоту“¹⁾. Нѣкоторыми изъ знавшихъ слѣпорожденнаго послѣ его прозрѣнія было высказано предположеніе, что передъ ними не онъ, а другой, только похожій на него, зрячій человѣкъ, никогда не бывшій слѣпымъ (ст. 9). Эта мысль такъ нравилась фари́сеямъ, какъ пригодная для достиженія ими своей цѣли, что они выдаютъ ее за несомнѣнную истину и представляютъ дѣло, какъ сдѣлку между Іисусомъ Христомъ и мнимымъ слѣпымъ. Чтобы представить доказательство истинности своего убѣжденія, фари́сеи позвали къ допросу родителей слѣпорожденнаго въ той увѣренности, что они изъ-за страха предъ ними не признаютъ предстоящаго имъ зрячаго человѣка своимъ сыномъ.

Евангелистъ говоритъ, что іудеи не повѣрили слѣпотѣ и прозрѣнію исцѣленнаго, *доколѣ* не призвали его родителей. *Доколѣ*—*ἕως ὅτου*—не означаетъ здѣсь предѣла, послѣ котораго наступило то, чего до него не было: іудеи, какъ видно изъ послѣдующей рѣчи евангелиста, не повѣрили въ слѣпоту исцѣленнаго и послѣ допроса его родителей. *Доколѣ* съ такимъ значеніемъ употребляется въ Св. Писаніи верѣдко (Быт. 8, 7; Псал. 109, 1; Мѡ. 1, 25; 28, 20 и др.²⁾.

Явившихся родителей Іудеи спросили: *это ли сынъ вашъ, о которомъ вы говорите, что родился слѣпымъ? какъ же онъ теперь видитъ* (Іоан. 9, 19)? Три вопроса, по мнѣнію однихъ толковниковъ, предлагается въ этой рѣчи іудеевъ родителямъ исцѣленнаго: первый—о природной слѣпотѣ ихъ сына; второй—о тожествѣ находившагося передъ ними человѣка съ этимъ сыномъ; третій—о способѣ его прозрѣнія,—при условіи допущенія утвердительнаго отвѣта на два первые вопроса³⁾; а по мнѣнію другихъ—только два: первый—о тожествѣ находившагося предъ ними человѣка съ слѣпорожденнымъ ихъ сыномъ и второй—о способѣ его прозрѣнія⁴⁾. Это послѣднее мнѣніе

1) Ibid.

2) Shanz, S. 70.

3) Златоустъ, Русскій пер. 379; Godet, p. 142.

4) Olshausen, s. 269 f. Тренъ, стр. 222; Shanz, 370.

вѣрнѣе. Изъ стремительности предложенія вопросовъ и изъ строгости и суровости тона, съ которыми они предлагались, родители слѣпорожденнаго поняли, что фарисеи выражаютъ сомнѣнiе относительно слѣпоты и прозрѣвiя ихъ сына и желаютъ слышать отъ нихъ подтвержденiе справедливости этого сомнѣнiя. Имъ предстояло или въ угоду фарисеевъ отвергнуть тожество находившагося передъ ними зрячаго чело-вѣка съ своимъ слѣпорожденнымъ сыномъ, допустить явную ложь и обрѣчь на отвѣтственность за обманъ какъ его, такъ и исцѣлившаго его Иисуса Христа, или же, признавъ совершенiе чуда, самимъ подвергнуться преслѣдованiю за признанiе Иисуса Христа божественнымъ посланникомъ. Природная честность не позволяла имъ допустить явную неправду, какъ она ни была для нихъ выгодна, страхъ же предъ фарисеями препятствовалъ имъ объявить все, что они знали о прозрѣнiи ихъ сына, а потому они прибѣгаютъ къ хитрости: на первый изъ предложенныхъ имъ вопросовъ отвѣчаютъ утвердительно, а отвѣтъ на второй откладываютъ отъ себя, выставя себя въ освѣдомленными въ дѣлѣ и отсылая фарисеевъ за этимъ отвѣтомъ къ самому прозрѣвшему ихъ сыну, который, какъ совершеннолѣтнiй и потому могшiй имѣть собственное сужденiе, зналъ о своемъ исцѣленiи лучше другихъ. *Родители его (слѣпорожденнаго), говоритъ евангелистъ, сказали имъ (фарисеямъ) въ отвѣтъ: мы знаемъ, что это сынъ нашъ и что онъ родился слѣпымъ; а какъ теперь видитъ, не знаемъ, или кто отверзъ ему очи, мы не знаемъ: самъ въ совершенныхъ лѣтахъ, самого спросите, пусть самъ о себѣ скажетъ (Ионн. 9, 20 и 21).*

Далѣе св. Иоаниъ указываетъ причину такого отвѣта родителей на предложенные имъ вопросы: *Такъ отвѣчали, говоритъ онъ, родители его, потому что боялись Иудеевъ; ибо Иудеи говорились уже, чтобы кто признаетъ Ело за Христа, того отлучать отъ синагоги; посему-то родители его и сказали: онъ въ совершенныхъ лѣтахъ, самого спросите (Иоан. 9, 22—23).*

Въ выраженiи: уже — ἤδη советέδειντο οἱ Ἰουδαῖοι.— отъ соудѣратъ согласиться, сговориться,—въ Вульгатѣ conspire), по мнѣнiю однихъ толковниковъ, означаетъ формальное рѣшенiе синедри-

она объ отлученіи отъ синагоги всякаго, кто признаетъ Іисуса за Христа, ¹⁾ а по мнѣнію другихъ, только частное соглашеніе относительно этого архіереевъ и фарисеевъ, которые при первомъ же удобнымъ случаѣ могло быть возведено въ формальное рѣшеніе. ²⁾ Такъ или иначе, только враги Господа употребили всѣ усилія къ огласкѣ принятой ими новой мѣры противъ Него, почему она и была извѣстна родителямъ исцѣленнаго. Боясь подвергнутся ей, они и сваливаютъ все на сына, который уже былъ замѣшанъ въ дѣлѣ, и которому все равно приходилось быть отвѣтчикомъ по нему.

Отлучать отъ синагоги—*ἀποσυνάγωγος*—употребляется только у св. Іоанна (12, 42, 16, 2). Талмудъ различаетъ нѣсколько степеней отлученія. Первая и самая слабая степень отлученія была, такъ называемая, *незифа* или *незифута*, собственно порицаніе, обличеніе. Эта форма отлученія была временною, на тридцать дней, и имѣла значеніе только для одной какой нибудь синагоги. Но продолжительность легко было расширить на двойной и тройной срокъ и *незифа* переходила, въ такъ называемое, отлученіе *ниддуи* на 90 дней, которое признавалось уже и другими синагогами. *Ниддуи* не отлучало совсѣмъ отъ участія въ богослуженіи и вообще отъ храма, гдѣ была особенная дверь для отлученныхъ, но обязывало отлученнаго носить траурныя одежды и запрещало ему участіе въ собраніи десяти лицъ, такъ какъ это отлученіе производилось обыкновенно въ собраніи десяти лицъ. Последнею степенью отлученія былъ *херемъ* или *шаммата*, которая была такъ же тяжела, какъ и римское *interdictio ignis et aquae*. Налагаемое собраніемъ общества, *херемъ* отлучало человека на неопредѣленное время отъ богослуженія и отъ всякихъ сношеній съ людьми. Отлученный уподоблялся мертвецу. Ему не позволялось учиться съ другими; никому нельзя было имѣть съ нимъ викакого общенія; онъ не долженъ былъ даже показываться на дорогѣ; вмѣстѣ съ нимъ было запрещено ѣсть и пить. (См. 1 Кор. 5, 9—14) ³⁾.

¹⁾ Gadet, p. 143; Toluck, s. 196.

²⁾ Shanz., s. 371.

³⁾ Shanz, s. 311, Эдершейма,—см. Вѣра и Разумъ, 1904 г., № 16, стр. 173; Фарраръ, стр. 616, примѣч. 914.

Какая изъ указанныхъ степеней отлученія угрожала тѣмъ, которые признали бы Иисуса за Христа,—толковники относительно этого разногласятъ: по мнѣнiю однихъ—*ниддуи* ¹⁾, а по мнѣнiю другихъ—*херемъ* ²⁾; нужно думать, что послѣдняя, какъ болѣе строгая, которою фарисеи могли надѣяться скорѣе утратить склонныхъ къ признанiю Иисуса Христа за Мессiю. Всякій естественно страшился такого отлученiя; а отсюда не удивительны уклончивость родителей слѣпорожденнаго и нежеланiе ихъ отвѣтить на вопросъ, предлагаемый имъ синедриономъ.

Не добившись отъ родителей слѣпорожденнаго ничего такого, на основанiи чего можно бы было отвергнуть фактъ совершенiя Иисусомъ Христомъ чуда, фарисеи рѣшили заставить ищущаго отрицать чудо на томъ основанiи, что оно совершено въ субботу, т. е. уничтожить фактъ посредствомъ догматическихъ аргументовъ. Слепорожденный во время допроса его родителей былъ удаленъ, и теперь они *вторично призвали человека, который былъ слѣпъ, и сказали ему: воздай славу Богу; мы знаемъ, что человекъ тотъ грѣшникъ* (Иоан. 9, 24). Воздать славу Богу—*δίδουαι δόξαν τῷ θεῷ*—значитъ благоговѣнно почитать одно изъ божественныхъ свойствъ, которое человекъ забылъ или оскорбилъ словомъ или дѣломъ (Ис. Нав. 7, 19; 1 Цар. 6, 5) ³⁾. Признанiе слѣпорожденнаго, что Иисусъ Христосъ есть пророкъ (ст. 17) было сочтено фарисеями за богохульство съ его стороны: давши нарушителю субботы названiе *пророкъ*, онъ посягнулъ на святость и праведность Бога. Это преступное признанiе слѣпорожденный долженъ былъ омытъ отреченiемъ отъ него и признанiемъ противнаго, т. е. что Иисусъ Христосъ—человекъ грѣшный, безбожникъ и преступникъ. Что Иисусъ таковъ,—это иудеи утверждали на непогрѣшимости собственнаго своего авторитета, какъ лицъ которыя были представителями знанiя закона и богословiя во Израилѣ. *Мы знаемъ*—говорятъ они,—а слѣдовательно это такъ и есть и сомнѣваться въ этомъ никто не можетъ. Отсюда само собой вытекало, что Иисусъ Христосъ не могъ сотворить чуда и не сотворилъ его. По мнѣнiю однихъ толковниковъ, фарисеи си-

1) Godet, p. 148.

2) Shanz, s. 372.

3) Godet, p. 144; Фарраръ, стр. 272.

лою своего авторитета хотѣли понудить слѣпорожденнаго отрицать вообще исцѣленіе его, сознаться въ томъ, что онъ слѣпымъ не былъ и что между нимъ и Іисусомъ Христомъ была стачка ¹⁾, а по мнѣнію другихъ, что онъ, не отрицая своей слѣпоты, долженъ былъ только отвергнуть исцѣленіе его Іисусомъ Христомъ и признать это исцѣленіе за непосредственное дѣло Божіе ²⁾. Евангельскій текстъ, повидимому, даетъ основаніе къ тому заключенію, что фарисеи стремились отвергнуть самый фактъ исцѣленія слѣпорожденнаго.

Ссылкою на свой авторитетъ фарисеи не утрашили, а своими догматическими доводами не смутили исцѣленнаго. Онъ, сознавая полную свою некомпетентность въ богословскихъ вопросахъ, смѣло и разумно противопоставляетъ знанію фарисеевъ дѣйствительный фактъ, утверждая что исцѣленіе его есть дѣло, совершенное Іисусомъ Христомъ. *Онъ сказалъ имъ (фарисеямъ) въ отвѣтъ: грѣшникъ ли онъ, не знаю; одно знаю, что я былъ слѣпъ, а теперь вижу* (Іоан. 9, 25). Въ словахъ: *грѣшникъ ли онъ, не знаю* нѣкоторые толковники видятъ иронію слѣпорожденнаго надъ фарисеями ³⁾, но скорѣе въ нихъ выражается уклончивость его отвѣта, намѣренное нежеланіе опровергать мнѣніе фарисеевъ о грѣховности Іисуса Христа. Онъ не хотѣлъ раздражать ихъ, гордо провозгласившихъ: *мы знаемъ*, прежде, чѣмъ это нужно было. Св. Іоаннъ Златоустъ въ объясненіе словъ: *грѣшникъ ли онъ, не знаю* говоритъ: „этими онъ устранилъ отъ себя всякое подозрѣніе и свое свидѣтельство сдѣлалъ безпристрастнымъ, потому что не говорилъ, какъ человѣкъ расположенный, но свидѣствовалъ самымъ дѣломъ“ ⁴⁾.

Видя, что запугиваніемъ нельзя заставить слѣпорожденнаго отрицать фактъ чудеснаго его исцѣленія Іисусомъ, что онъ остается твердымъ въ его признаніи, фарисеи снова спросили его: *что онъ (Іисусъ) сдѣлалъ съ тобой? какъ отверзъ твои очи* (Іоан. 9, 26)? Эти вопросы они предлагали ему въ надеждѣ, что въ какихънибудь подробностяхъ своего разсказа онъ допуститъ.

1) Godet, p. 144; таже: Августанъ, Люгардъ, Вейсъ.

2) Shanz, s. 372.

3) Ibid.

4) Русск. пер. 1902 г. стр. 380

показанія, противорѣчащія прежнему изложенію имъ дѣла (ст. 15), чтобы могло послужить основаніемъ къ отрицанію самаго факта. Не успѣвши отвергнуть чудо путемъ догматическимъ, фарисеи хотятъ подорвать его путемъ критическимъ. Возвращеніе фарисеевъ къ слѣдствію, уже оконченному, раздражаетъ слѣпорожденного, а вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ ему и смѣлости. Видя ихъ напрасныя усилія добиться своей цѣли, онъ смѣло *отвѣчалъ имъ: я уже сказалъ вамъ, и вы не слушали*, т. е. сказалъ имъ о своемъ прозрѣніи чрезъ Іисуса, помазавшаго его глаза брѣвнемъ и повелѣвшаго ему умыться въ купели Силоамской (ст. 15), но они не хотѣли его слышать, не хотѣли вѣрить его разсказу, заподозрили дѣйствительность его слѣпоты и позвали для допроса его родителей (ст. 18). *Что еще хотите вы слышать?* говоритъ онъ, вполне проникая въ ихъ скрытую злонамѣренную цѣль запутать его вопросами. Что онъ зналъ о своемъ исцѣленіи, то высказалъ и отступиться отъ того не хотѣлъ; не могъ онъ и прибавить ничего новаго; да если бы что и прибавилъ, они не стали бы его слушать, не повѣрили бы ему, потому что спрашивали не съ цѣлью узнать истину. Указывая далѣе на ихъ настойчивость въ изслѣдованіи чуда, совершеннаго Іисусомъ, онъ говоритъ: *или и вы хотите сдѣлаться Его учениками* (Іоан. 9, 27)? Разный смыслъ соединяютъ съ этимъ вопросомъ толковники. Одни думаютъ, что слѣпорожденный, не понимая цѣли переспроса о случившемся съ нимъ, допускаетъ возможность, что фарисеи, наконецъ увѣрились въ истинѣ, перестали сомнѣваться въ правдивости его разсказа и готовы сдѣлаться учениками Іисуса Христа ¹⁾. Но не смотря на то, что многіе изъ іудейскихъ начальниковъ вѣровали въ Іисуса Христа (Іоан. 12, 42; ср. 7, 26), невѣроятно, чтобы слѣпорожденный питалъ такую надежду въ отношеніи къ фарисеямъ. Правдоподобнѣе мнѣніе тѣхъ, котарые придаютъ вопросу бывшаго слѣпца ироническое значеніе, полагая, что въ немъ выражалась явная и смѣлая насмѣшка надъ фарисеями, которые никогда не могли сдѣлаться послѣдователями Іисуса Христа и съ благонамѣренною

¹⁾ Тренчъ, стр. 224.

цѣлью настойчиво допытываться о чудѣ ¹⁾. Въ вопросѣ: *не хотите ли и вы сдѣлаться Его учениками?*—*μή καὶ ὑμεῖς θέλετε αὐτοῦ μαθηταὶ γινέσθαι*; частица *μή* указываетъ на отрицательный отвѣтъ, на не возможность отвѣта положительнаго. Достопочтенный Беда справедливо влагаетъ въ уста прозрѣвшаго слова: *iam video, sed non video vos videre* ²⁾.

Плохо содерживаемая злоба фари́сеевъ противъ исцѣленнаго при всѣхъ хитростяхъ, по неудачныхъ попыткахъ ихъ отвергнуть чудесность его исцѣленія, наконецъ, обнаружилась въ ихъ открытомъ гнѣвѣ и укоризненныхъ поношеніяхъ прозрѣвшаго. Считая для себя за тяжкое оскорбленіе называться учениками Иисуса, этого презрѣннаго нарушителя субботы, *они укорили слѣпорожденнаго и сказали: ты ученикъ Его, а мы Моисеевы ученики* (Іоан. 9, 29). Фарисеи въ насмѣшку называютъ слѣпорожденнаго ученикомъ Христа потому, что онъ говоритъ въ Его пользу, что во всемъ поведеніи его они видѣли доказательство его приверженности ко Христу; себя же они обыкновенно называли учениками Моисея, указывая тѣмъ на ревностное исполненіе его закона, хотя въ дѣйствительности давно уже не вѣровали Моисею, въ чемъ ранѣе и обличалъ ихъ Господь (Іоан. 5, 46; ср. 2 кор. 3, 15). Противопоставленіемъ слѣпорожденному самихъ себя (ты—ученикъ Его—*σὺ μαθητὴς ἐχέῃου*, мы—ученики Моисея—*ἡμεῖς τοῦ Μοϋσεως ἐσμὲν μαθηταὶ*) фари́сеи выражаютъ свое самомнѣніе и превозношеніе предъ нимъ, никому неизвѣстнымъ, вышедшимъ изъ простаго, бѣднаго народа. Въ доказательство своего преимущества предъ слѣпорожденнымъ, послѣдователемъ Иисуса, они, ученики Моисея, выставляютъ явное посланичество Моисея отъ Бога въ противоположность совершенной неизвѣстности имъ цѣли явленія Иисуса и его назначенія. *Мы знаемъ, говорятъ они, что съ Моисеемъ говорилъ Богъ; сего же не знаемъ, откуда онъ* (Іоан. 9, 29). Что Богъ говорилъ съ Моисеемъ изъ чудесно горѣвшаго и не сторавшаго куста предъ посольствомъ его въ Египтъ для изведенія оттуда евреевъ, это было извѣстно всѣмъ евреямъ (Исх. гл. 3), а также, конечно, и слѣпорожденному;

¹⁾ Godet, p. 145; Shanz., s. 372; Toluck, s. 196.

²⁾ Цит. у Shanz—а, s. 372.

не лучше другихъ знали это и фарисеи; если же теперь они самоувѣренно говорятъ; *мы знаемъ — ἡμεῖς οἴδαμεν*, то этимъ опять показываютъ свою гордость, свое высокоуміе и мнимое превосходство предъ другими, которые можетъ быть съ большимъ правомъ могли называть себя учениками Моисея, какъ посланника Божія. Объ Иисусѣ фарисеи говорятъ, что они не знаютъ, *откуда Онъ — πόθεν ἐστὶ*, т. е. кѣмъ Онъ посланъ и уполномоченъ учить и дѣйствовать, — есть ли Онъ посланникъ Божій, или простой человѣкъ. *Пόθεν ἐστὶ* равняется *ἐξ οὐρανοῦ, ἢ ἐξ ἀνθρώπου* (Мѡ. 21, 25); въ томъ же значеніи употребилъ это выраженіе и Пилать, когда въ своемъ дворцѣ спрашивалъ Иисуса: *πόθεν εἶ σὺ* (Іоан. 19 9).

Для фарисеевъ доказательствомъ божественнаго посланничества Моисея служило чудесное явленіе ему Бога (Исх. гл. 3) и совершеніе имъ при этомъ чудесъ (Исх. 4, 1—10); между тѣмъ теперь Иисусъ сотворилъ еще большее чудо, и однако они не признавали Его за божественнаго посланника, утверждая, что не знаютъ, откуда Онъ. Въ этомъ ясно обнаруживалось упорное и злостное невѣріе фарисеевъ и враждебность ихъ къ Иисусу. И вотъ исцѣленный съ возрастающею увѣренностію въ свою побѣду и съ священною ревностію о славѣ своего цѣлителя раскрываетъ такое настроеніе фарисеевъ. Онъ сказалъ имъ: *это и удивительно, что вы не знаете, откуда Онъ, а Онъ отверзъ мнѣ очи* (Іоан. 9 30). Удивительнымъ должно было казаться, что такое великое чудо, какъ воссозданіе Иисусомъ Христомъ отсутствовавшаго отъ рожденія зрѣнія, не служило для фарисеевъ доказательствомъ Его посланничества отъ Бога, если бы исцѣленному не было извѣстно ихъ невѣріе. Это то ихъ невѣріе вопреку очевидности обнаруженія божественнаго могущества въ его исцѣленіи, слѣпорожденный съ глубокою ироніею и обличаетъ, представляя его еще большимъ чудомъ, чѣмъ даже самое исцѣленіе.

Въ греческомъ текстѣ конструкція рѣчи 30-го стиха не вполне правильна. Нѣкоторые толковники этотъ стихъ, который читается: *ἐν γὰρ τούτῳ θαυμάσιόν ἐστιν, ὅτι ὑμεῖς οὐκ οἴδατε πόθεν ἐστὶ, καὶ ἀνέφερέ μου τοὺς ὀφθαλμούςς*, передаютъ такъ: „это удивительно, что вы не знаете, откуда Онъ, и что

Онъ открылъ мои глаза“¹⁾. Но въ такомъ случаѣ послѣднее предложеніе было бы излишнимъ. Предложеніе это, очевидно, служить посылкой предыдущаго: *откуда Онъ* и должно бы было быть поставлено прежде. Союзъ *καί* не зависитъ отъ *ὅτι*, а просто выражаетъ противоположность и имѣетъ значеніе не *и*, а *и однако*, а, какъ это встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ евангелія Іоанна (7, 28).

Что убѣжденіе въ истинности божественнаго посланничества Іусуса необходимо должно вытекать изъ сотвореннаго Имъ чуда, это слѣпорожденный доказываетъ фарисеямъ всѣмъ извѣстными доводами. Онъ построитъ простой силлогизмъ, въ которомъ большею посылкой служить мысль, что Богъ проявляетъ чудодѣйственную силу не чрезъ грѣшныхъ, а благочестивыхъ людей (ст. 31); второй посылкой—общеизвѣстная истина, что отъ вѣка никто не отверзалъ очи слѣпому (ст. 32); заключеніемъ—утвержденіе, что если бы Іисусъ не былъ отъ Бога, то онъ не могъ бы творить чудесъ, или иначе, что Онъ есть посланникъ Божій. *Но мы знаемъ*, говоритъ онъ, излагая первую посылку, *что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ; но кто чтитъ Бога, и творитъ волю Его, того слушаетъ* (Іоан. 9, 31). *Мы знаемъ*—*βίδαμεν*, въ противоположность гордымъ фарисеямъ, основывавшимъ мысль о грѣховности Іусуса (ст. 24) и неизвѣстности его происхожденія (ст. 24) на своемъ незыблемомъ ученюмъ авторитетѣ, выражаетъ твердое сложившееся вѣками и потому получившее характеръ общеизвѣстной истины, вѣрованіе простыхъ евреевъ, къ которымъ принадлежалъ и слѣпорожденный, что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ. Этимъ не выражается той мысли, что молитвы вообще грѣшниковъ не доходятъ до Бога, и Онъ ихъ не слушаетъ, что означало бы, что Богъ ни одного человѣка не слушаетъ, такъ какъ всѣ люди, какъ потомки падшаго Адама, грѣшны. Богъ не слушаетъ молитвъ только людей, закоснѣвшихъ въ своихъ грѣхахъ, каковымъ фарисеи хотѣли выставить предъ слѣпорожденнымъ и Іусуса Христа (ст. 16 и 24). Въ Св. Писаніи молитва такихъ грѣшниковъ называется *мерзостью* предъ Богомъ (Ис. 1, 11—15; Притч. Сол. 1, 28; 15, 8, 29; 21, 27;

¹⁾ Такъ Мейеръ, Лютаръ, Вейсъ.

28, 9; Іов. 13, 16; 27, 9 и др.); это было извѣстно каждому еврею; но изъ того же источника было извѣстно и то, что Богъ слушаетъ только людей благочестивыхъ, праведныхъ, которые чтятъ Его и творятъ Его волю (Ис. 64, 4; Пс. 91, 14) и по молитвамъ ихъ даетъ имъ даръ чудотворенія. Даже у раввиновъ не было болѣе распространеннаго ученія, какъ то, что отвѣты на молитвы людей зависѣли отъ *благочестія* и исполненія ими воли Божіей ¹⁾.

Изъ приведеннаго испѣленнымъ довода ясно уже было, что Іисусъ есть божественный посланникъ, но онъ къ нему присоединяетъ другой, не менѣе убѣдительный,—тотъ, что *отъ отца не слышано, чтобы кто отверзъ очи слѣпорожденному* (Іоан. 9, 32). О столь удивительномъ дарованіи могущества Божія какому нибудь человѣку никогда не было слышано, потому что отъ самаго начала міра не было извѣстно, чтобы кто нибудь открылъ глаза слѣпорожденному. Ни самъ Моисей, ни другіе величайшіе пророки не сотворили такого чуда. Объ этомъ ничего не говорится ни въ законѣ, ни у пророковъ. Слѣдовательно, Іисусъ—посланникъ Божій. *Если бы Отецъ не былъ отъ Бога, не могъ бы творить ничего* (Іоан. 9, 33), т. е. ничего чудеснаго, не могъ бы сотворить такого поразительнаго чуда ²⁾.

Неопровержимость доводовъ слѣпорожденнаго, безпощадность его логики, опорнымъ пунктомъ которой былъ принципъ: *то, что есть, то есть*, привели фариसेевъ въ ярость, и они, считая невозможнымъ болѣе вести съ нимъ споръ, проявляютъ свой гнѣвъ въ страстномъ порицаніи слѣпорожденнаго. Они сказали ему *въ отвѣтъ: во грѣхахъ ты весь родился, и ты ли насъ учишь* (Іоан. 9, 34)? Говоря слѣпому, что онъ весь во грѣхахъ родился, фариसेи намекаютъ на его природную слѣпоту, которую рассматриваютъ, какъ доказательство божественнаго проклятія, тяготѣвшаго на немъ за его грѣхи или за грѣхи его родителей. Въ яростномъ ослѣпленіи они и не замѣчали, что сами признали дѣйствительность природной его слѣпоты, которую прежде отрицали, а вмѣстѣ, слѣдовательно, и дѣйствительность чуда. Невѣріе само себя сбличило.

¹⁾ Вѣра и Разумъ 1904, № 16. стр. 177.

²⁾ Евв. Зигавенъ *ничего* обдѣнъ правильно поясняетъ чрезъ обдѣ *тотъ*.

Весь блос, одни изъ толковниковъ относятъ къ грѣховности отъ рожденія ¹⁾, другіе къ грѣховности по тѣлу и душѣ ²⁾, и третьи къ грѣховности по тѣлу, душѣ и всѣмъ сторонамъ его бытія ³⁾. Для фари́сеевъ доказательствомъ грѣховности исцѣленнаго служилъ собственно тѣлесный его недостатокъ,—его слѣпота, а отсюда они уже заключали и о духовной его слѣпотѣ и всецѣлой его грѣховности,—грѣховности по всему его существу.

Фари́сеевъ никто не смѣлъ учить, а тутъ учителемъ ихъ, праведныхъ и непогрѣшимыхъ, явился такой презрѣнный чело-вѣкъ, который носилъ на себѣ тѣлесные слѣды грѣха; они не могли этого равнодушно перенести и въ озлобленіи употребили противъ него *ultima ratio*—грубое насиліе, *выгнали его вонъ*—ἐξέβλου αὐτὸν ἔξω (Іоан. 9, 34). По мнѣнію однихъ толковниковъ, фари́сеи выгнали слѣпорожденнаго изъ того помѣщенія, въ которомъ они находились ⁴⁾, а по мнѣнію другихъ, отлучили стъ синагоги ⁵⁾. Оффиціального отлученія, которое могло быть произведено только синедріономъ, состоявшимъ не изъ однихъ фари́сеевъ, а и саддукеевъ, здѣсь не могло быть. Фари́сеи въ неистовствѣ выгнали теперь исцѣленнаго только изъ зала собранія, можетъ быть, имѣя намѣреніе провозгласить потомъ отлученіе въ синедріонѣ. Нужно думать, что свое намѣреніе они не замедлили и осуществить: на это указываетъ, во 1-хъ, то, что изгнанію его Іисусомъ Христомъ было придано столь большее значеніе, какое едва ли могло соответствовать простому удаленію изъ помѣщенія, въ которомъ происходило дознаніе о чудѣ (Іоан. 9, 35), а во 2-хъ, то, что въ словоупотребленіи христіанской церкви съ ἐκβάλειν обыкновенно соединяется смыслъ отлученія отъ церковнаго общенія ⁶⁾.

Тѣлесное исцѣленіе слѣпорожденнаго было совершено; но за нимъ должно было послѣдовать духовное просвѣщеніе и спасеніе слѣпца. Цѣлью Господа было не одно только открытіе тѣлесныхъ очей его (ст. 3 и 4), но и возбужденіе и укрѣп-

1) Златоустъ, Теофилактъ, Гроцій.

2) Кальвинъ, Лямне.

3) Ольсгаузенъ, Лютардъ.

4) Olshausen, s. 271; Godet, p. 146. Также: Августинъ, Мальдонатъ, Гроцій, Бенгель, Мейеръ, Лютардъ, Толукъ и др.

5) Беда, Еле. Зигабенъ, де-Ветте, Евальдъ и др.

6) Shanz, S. 375; ср. Vitringa: De Sinagoga vet. p. 742.

леніе въ немъ вѣры въ Себя и дарованіе чрезъ то средствъ къ вѣчному спасенію. Для осуществленія этой цѣли Онъ и пользуется благопріятнымъ расположеніемъ исцѣленнаго, выразившійся въ мужественной стойкости его предъ лицомъ враговъ Иисуса, когда онъ твердо исповѣдывалъ Его предъ ними за посланника Божія. *Услышавъ, что фарисеи вынали его (исцѣленнаго) вонъ, и нашедши его, Иисусъ сказалъ ему: ты вѣруешь ли въ Сына Божія (Іоан. 9, 35)?* Господь услышалъ, конечно, не только объ изгнаніи слѣпорожденнаго, но и о причинѣ этого изгнанія, и потому не случайно встрѣтилъ его, а намѣренно разыскалъ, чтобы ободрить его, поддержать его вѣру въ Себя и не только поддержать, но и укрѣпить и усовершенствовать, возвести слѣпорожденнаго на высшую степень вѣрованія въ Себя. Такое именно значеніе имѣлъ вопросъ Иисуса Христа слѣпорожденному о вѣрѣ его въ Сына Божія. Это одинъ изъ такихъ вопросовъ, которые Господь предлагалъ ожидавшимъ отъ него исцѣленій тѣлесныхъ недуговъ и чрезъ которые Онъ старался пролить въ нихъ духовный свѣтъ, возбудить ихъ къ вѣрѣ и вызвать на исповѣданіе ея. И теперь Иисусъ возбуждаетъ въ исцѣленномъ силу, которая уже таилась въ его душѣ, но не была еще развита.

Въ вопросѣ Иисуса Христа: *ты вѣруешь ли въ Сына Божія*, удареніе ставится надъ *ты—сѹ*,—съ цѣлью противопоставить слѣпорожденнаго вообще многимъ невѣрующимъ въ Сына Божія и преимущественно тѣмъ фарисеямъ, для которыхъ вѣра его въ своего цѣлителя, какъ посланника Божія, послужила причиною изгнанія его изъ своего общества. По мнѣнію большинства толковниковъ ¹⁾, названіе *Сынъ Божій*, согласно съ общепринятымъ тогда употребленіемъ, было равнозначуще имени Мессія, но нѣкоторые говорятъ, что въ данномъ случаѣ это названіе означаетъ большее и высшее, чѣмъ Мессія, что имъ опредѣляется для исцѣленнаго не отношеніе Иисуса къ ветховѣтгной теократіи и пророчествамъ, но Его отношеніе къ Богу—Отцу, даровавшему чрезъ Него ему зрѣніе. Въ подтвержденіе такого мнѣнія указывается на 10 гл. ст. 30--36 ев. Іоанна, гдѣ Самъ Иисусъ Христосъ называетъ Себя единосущнымъ Сыномъ Божиимъ, за что фарисеи и хотѣли побить

¹⁾ Shanz, s. 375; Toluck, s. 198; Тренчъ, стр. 226.

Его камнями, какъ богохульника ¹⁾. Но едвали слѣпорожденный съ названіемъ *Сынъ Божій* могъ соединить истинное понятіе о существѣ Сына Божія, какъ втораго лица Св. Троицы, какъ *Единороднаго Сына Божія*, единосущнаго съ Отцемъ. Самимъ апосталамъ, которые постепенно приготовлялись къ воспріятію таинства воплощенія Сына Божія, оно было явлено не плотію и кровію, а Отцемъ небеснымъ (Мѡ. 16. 16—17).

Исцѣленный зналъ, что предъ нимъ находится Іисусъ, который даровалъ ему зрѣніе, котораго Онъ признавалъ за пророка (ст. 17) и смѣло провозгласилъ посланникомъ Божиимъ (ст. 33); нравственно онъ былъ расположенъ къ принятію свидѣтельства Его, какъ о Немъ Самомъ, такъ и о всякомъ другомъ, каково бы ни было это свидѣтельство. Готовъ онъ былъ вѣровать и въ Мессію, во не зная, кто этотъ Мессія, желалъ получить указаніе на Него отъ Іисуса, котораго и спросилъ: *а кто Онъ, Господи, чтобы мнѣ вѣровать въ Него* (Іоан. 9 36)? Слоюзъ *а--каі* указываетъ на быстроту и стремительность рѣчи слѣпорожденнаго, которыя свидѣтельствовали, что онъ безъ колебанія увѣруетъ въ Мессію, когда Іисусъ укажетъ ему Его. На вопросъ слѣпорожденнаго Іисусъ могъ отвѣтить: *это Я*, но Онъ предпочитаетъ выражаться иносказательно, напоминая исцѣленному о совершенномъ надъ нимъ чудѣ, въ которомъ обнаружилось благоволеніе и милосердіе къ нему Мессіи. *Іисусъ сказалъ ему: и видѣлъ ты Его, и онъ говоритъ съ тобою* (Іоан. 9, 37). *Видѣлъ*, т. е. испыталъ Его могущество на себѣ, опытно позналъ Его чрезъ дарованное тебѣ исцѣленіе ²⁾. Словами: *и Онъ говоритъ съ тобою* Іисусъ уже опредѣленно указываетъ на Себя, какъ на Сына Божія; слѣпорожденный, услышавъ, что Сынъ Божій есть Самъ Іисусъ, сказалъ: *вѣрую Господи! и поклонился Ему* (Іоан. 9, 38). Въ данномъ случаѣ когда не было обращено ни просьбы, ни мольбы о помилованіи исцѣленнымъ къ Іисусу Христу, колѣнопреклоненіе его могло выражать только благоговѣніе, не менѣе глубокое, чѣмъ религіозное почитаніе; онъ палъ ницъ предъ Іисусомъ съ чувствами религіознаго страха и благоговѣнія. *Поклонился*

¹⁾ Olshansen, S. 271.

²⁾ Нѣкоторые голковники безъ достаточнаго основанія *видѣлъ*—*ἑώρακε* придаютъ значеніе настоящаго времени: ты видишь Его. См. Spanz. з., 375.

προσκύνησεν отъ προσκυνεῖν глаголь этотъ у св. Іоанна всегда выражаетъ поклоненіе Божеству (4, 20 и слѣд.; 12 20). Поклоненіе слѣпорожденнаго своему дѣлителю, какъ Сыну Божію, было вѣнцемъ постепеннаго просвѣщенія, къ которому онъ пришелъ труднымъ путемъ испытанія вѣры въ борьбѣ съ препятствіями.

Въ то время, какъ исцѣленный благоговѣнно преклонялся предъ Іисусомъ, Іисусъ, тронутый его глубокою вѣрою и грустно настроенный въ противоположность ей явно открывшимся невѣріемъ фариսеевъ, въ торжественной рѣчи обличаетъ это невѣріе, опредѣляя вмѣстѣ съ тѣмъ общее дѣйствіе своего явленія въ мірѣ на людей, не только на іудеевъ, но и на все челоуѣчество—духовное просвѣщеніе однихъ и духовное ослѣпленіе другихъ. Онъ сказалъ: *на судъ пришелъ Я въ міръ сей, чтобы невидящіе видѣли и видящіе стали слѣпы* (Іоан. 9 39). Спаситель отвлеченно говоритъ здѣсь о Своемъ назначеніи быть свѣтомъ міра, о чемъ образно Онъ говоритъ предъ исцѣленіемъ слѣпорожденнаго (Іоан. 9, 5). Пришествіе Его въ міръ собственно имѣло цѣлью просвѣщеніе міра. Но такъ какъ въ отношеніи ко всѣмъ невозможно было достигнуть этой цѣли, потому что не всѣ желали этого просвѣщенія, то пришествіе Спасителя имѣло и другую, второстепенную цѣль: чтобы не принявшіе свѣта были ослѣплены имъ. Просвѣщеніе однихъ и ослѣпленіе другихъ было не слѣдствіемъ суда Спасителя надъ людьми, ибо Онъ не былъ посланъ въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него (Іоан. 3, 17), а нравственнымъ слѣдствіемъ того положенія самыхъ людей, какое было принято ими въ отношеніи къ Іисусу, какъ свѣту міра. Онъ лежалъ на паденіе и на возстаніе многихъ во Израилѣ и въ предметъ пререканій (Лк. 2, 34),—на паденіе невѣрующихъ и на возстаніе вѣрующихъ. Въ выраженіи: *на судъ пришелъ Я въ міръ сей*— ἐκ κριμα ἐγὼ ἐκ τὸν κόσμον τοῦτον ἦλθον—κρίμα не имѣетъ значенія *осужденія*, указываетъ не на цѣль, а на дѣйствіе ¹⁾.

¹⁾ Для обозначенія осужденія въ Новомъ Завѣтѣ обыкновенно употребляется κτήκρίμα (2 Петра, 2, 3; Іуда, 4; Рим. 2, 2; 13, 2 и др.) Лютардъ справедливо замѣчаетъ: не ἐκ κρίματι, т. е. ἵνα κρίνω, но οὐκ ἐκ τὸν κόσμον κρίθηναί. Цит. у Olshausen—а, s. 273.

Подъ *невидящими*—οἱ μὴ βλέποντες—съ пришествіемъ Христа имѣвшими видѣть—βλέπωσι—большинство толковниковъ разумѣютъ тѣхъ, которые сознаютъ и чувствуютъ, что они не видятъ, не знаютъ истины, духовно бѣдствуютъ, что они суть нищіе духомъ, (Мѡ. 5 3), а подъ *видящими*—οἱ βλέποντες—съ пришествіемъ Христа имѣвшими стать слѣпыми—τοφλοὶ γέγοντα:—тѣхъ, которые думаютъ, что они видятъ, знаютъ истину, на самомъ же дѣлѣ не знаютъ ее и нуждаются въ ней (Лк. 11, 52; Мѡ. 11 25; 1 Кор. 21) ¹⁾. Но такое толкованіе произвольно уменьшаетъ смыслъ употребленнаго Спасителемъ выраженія и не согласно съ евангельскимъ текстомъ, потому что слѣпой, исцѣленіе котораго подало Иисусу поводъ къ произнесенію указанныхъ словъ, не болѣе другихъ чувствовалъ свою слѣпоту; и въ духовномъ отношеніи онъ сознавалъ себя только невѣжественнѣе другихъ, но не болѣе невѣжественнымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Лучше мнѣніе тѣхъ толковниковъ ²⁾, которые подъ *невидящими* разумѣютъ людей, дѣйствительно погруженныхъ въ духовное невѣдѣніе,—тѣхъ, про которыхъ іудейскіе начальники говорили: *этотъ народъ, невѣжда въ законъ* (Іоан. 7, 49), а Спаситель которыхъ въ противоположность мудрымъ и разумнымъ называлъ младенцами—νηπίοις (Мѡ. 11, 25, Лк. 10, 21). *Видящіе*—это тѣ, которые говорили про себя: *мы знаемъ* (Іоан. 9, 24 и 29), свѣдующіе въ законѣ, которыхъ Господь именно и называлъ мудрыми и разумными. Первые, не прикрываясь никакимъ знаніемъ, безъ колебанія ввѣряются откровенію божественной истины, которая просвѣщаетъ ихъ духовныя очи, между тѣмъ какъ вторые, гордые своимъ собственнымъ знаніемъ, отвергаютъ божественное откровеніе, христіанскую истину, почему и пребываютъ во мракѣ, дѣлаются духовно слѣпыми. Образомъ первыхъ служилъ тѣлесно и духовно прозрѣвшій слѣпороджденный, а вторыхъ—ожесточившіеся противъ Христа фарисеи. Первый, свачала былъ и тѣлесно, и духовно слѣпой, необразованный, бѣдный духомъ; потомъ же прозрѣлъ и тѣлесными и духовными очами. Вторые были и тѣлесно видящіе и въ духовномъ отношеніи гордые своимъ знаніемъ, однако оказались слѣпыми, не усмотрѣли въ Иисусѣ Мессію. Различіе между

¹⁾ Spanz, s 376; также: Кальвинъ, Люкке, Мейеръ и др. ²⁾ Godet. p. 511.

невидящими—μη βλέποντες и слѣпными—τυφλοί то, что первымъ словомъ обозначается слабое зрѣніе, еще не окончательно развитое, а вторымъ абсолютная слѣпота, явлющаяся слѣдствіемъ разрушенія органа зрѣнія.

Нѣкоторые изъ фарисеевъ, слѣдовавшихъ за Иисусомъ Христомъ, услышавъ рѣчь Его о цѣли пришествія въ міръ, сказали Ему: *неужели и мы слѣпы* (Іоан. 9, 40)? Какъ они поняли слова Спасителя и какой смыслъ соединяютъ съ своимъ вопросомъ, трудно опредѣлить. Возможно, что они правильно поняли обличеніе Его и насмѣшливо спрашиваютъ, неужели Онъ и ихъ, законниковъ и руководителей народныхъ, считаетъ слѣпыми потому только, что они не хотятъ вмѣстѣ съ невѣжественнымъ народомъ признать Его за Мессію.

Отвѣтъ Иисуса Христа на ихъ насмѣшливую рѣчь серьезенъ и важенъ. Вмѣсто того, чтобы разсуждать съ ними о слѣпотѣ, чего, несомнѣнно, они ожидали, *Иисусъ сказалъ имъ: если бы вы были слѣпы, то не имѣли бы грѣха; но какъ вы говорите, что видите, то грѣхъ остается на васъ* (Іоан. 9, 41). Если бы фарисеи включали себя въ среду невѣжественнаго народа, то невѣріе ихъ было бы дѣломъ случайнымъ, грѣхомъ невѣдѣнія и слабости при условіи ихъ покаянія и вѣрѣ могло бы быть имъ прощено, подобно грѣху противъ Сына человѣческаго, который можетъ быть прощенъ какъ въ этомъ вѣкѣ, такъ и въ будущемъ (Мѣ. 12, 31—32). Но ихъ положеніе не таково; они утверждаютъ, что видятъ, —значить, гордятся своимъ знаніемъ и проницательностью, ими *захваченъ ключъ знанія* (Лк. 11, 52),—они владѣютъ знаніемъ закона и пророковъ. Слѣдовательно, они умышленно проверяютъ Мессію. Злые виноградари *увидѣвъ сына, сказали другъ другу: это наследникъ; пойдѣмъ, убьемъ его, и завладѣемъ наследствомъ его* (Мѣ. 21, 38). Таковы желанія и чувства фарисеевъ. Невѣріе ихъ есть отверженіе дознанной истины, есть ожесточеніе и противленіе истинѣ, почему они и не заслуживаютъ прощенія, *грѣхъ ихъ остается на нихъ—ἡ ἀμαρτία ὑμῶν μένει*. Нѣкоторые толковники слова: *грѣхъ остается на васъ* понимаютъ въ томъ смыслѣ, что фарисеи, гордясь своимъ собственнымъ знаніемъ, не могутъ вслѣдствіе этого увѣровать въ Мессію, обратиться къ истинѣ и вѣрѣ и получить прощеніе грѣха, но выраженіе: *грѣхъ остается*

имѣетъ болѣе глубокой смыслъ, — указываетъ, что на такихъ грѣшникахъ *гнѣвъ Божій пребываетъ* (Іоан. 3, 36) и имъ будетъ судъ безъ милости (Іак. 2, 13).

Указанное отношеніе между *невидящими*, незнающими закона и *видящими*, мудрыми въ Израилѣ повторилось въ отношеніи къ язычникамъ и іудеямъ и съ тѣмъ же самымъ результатомъ. Грѣхъ язычниковъ, которые долгое время воздвигали гоненія на христіанскую церковь, прощевъ имъ, между тѣмъ грѣхъ сознательнаго отверженія Мессіи Израилемъ еще тяготѣетъ надъ этимъ народомъ. Спаситель хорошо зналъ, что судъ бывшій цѣлью Его пришествія, долженъ обнять собою весь міръ; вслѣдствіе этого Онъ и сказалъ: *На судъ пришелъ Я во міръ сей* (Іоан. 9, 39).

Исслѣдованіе чуда исцѣленія І. Христомъ слѣпорожденнаго Его врагами-фарисеями, служитъ самымъ вѣрнымъ изображеніемъ пріемовъ новѣйшей, такъ называемой, отрицательной критики въ отношеніи ко всѣмъ вообще чудесамъ І. Христа. Защитники постановленій о субботѣ разсуждали такъ: Богъ не можетъ помогать и оказывать свое содѣйствіе нарушителю субботы; слѣдовательно, чудо, которое приписывается Іисусу, не было. „Отъ невозможности можно заключать къ недѣйствительности. Противники евангельскихъ чудесъ разсуждаютъ по этому образцу, прилагая только къ религіознымъ отношеніямъ научную аксіому: сверхъестественнаго не можетъ быть; поэтому, какъ-бы ясны ни были чудеса І. Христа, ихъ всетаки „не было. Но чудеса, какъ историческіе факты, сами въ себѣ содержатъ твердость и устойчивость, и всякое исслѣдованіе ихъ и стремленіе къ ихъ отрицанію обыкновенно приводятъ къ ихъ признанію, подобно тому, какъ это случилось съ чудомъ исцѣленія слѣпорожденнаго. Враги І. Христа произвели самое строгое и тщательное исслѣдованіе по поводу этого чуда: они усиленно добивались того, чтобы исцѣленный оказался не бывшимъ слѣпцомъ и самъ отвергъ дѣйствительность чуда; допрашивали они родителей его; допрашивали и стороннихъ свидѣтелей, враждебно къ нему расположенныхъ, и однако чудо осталось чудомъ (Іоан. 9, 34).

Ив. Перовъ.

1) Такъ Вейсъ.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА.

По смыслу самаго этого названія видно, что подъ нимъ разумѣется предварительное ознакомленіе съ философіей, въ качествѣ приготовленія или введенія къ дальнѣйшему болѣе обширному изученію ея. Съ чего же слѣдуетъ начинать предварительное ознакомленіе съ философіей? Понятно, что философская пропедевтика выполнитъ свое назначеніе въ томъ лишь случаѣ, когда ею будутъ даны твердыя основанія для дальнѣйшаго изученія философіи, такъ, чтобы не пришлось перечувствоваться и сознаться, что философская пропедевтика нисколько не помогла усвоенію истиннаго философскаго духа, надлежащаго пониманія философіи.

Основы всякой науки составляютъ тѣ ея элементы или начала, которые столь прочно установлены и сдѣлались такимъ ея достояніемъ, что никакія дальнѣшнія перемѣны въ наукѣ не могутъ въ чемъ либо ихъ измѣнить и нарушить, а только развѣ усилить и расширить ихъ важное основоположительное значеніе.

Имѣетъ ли философія такія твердыя и неизмѣнныя основы которыя могли бы служить содержаніемъ для элементарнаго курса философіи, именуемаго пропедевтикой? Такъ какъ вополнѣ установившагося и общепринятаго элементарнаго курса философіи на подобіе ариѳметики, грамматики, не имѣется, то возможно сомнѣніе въ томъ, точно ли въ области философіи есть прочныя и непоколебимыя основныя начала философскаго знанія. Сомнѣніе это выражается въ томъ, что философія, какъ наука, отрицается, что наукою она не признается: не развѣ предпринимались попытки образовать изъ философіи дѣйстви-

тельную несомнѣнную науку; какъ извѣстно, этимъ стремленіемъ ознаменовали себя философская школа Декарта, а затѣмъ позитивизмъ. Однако прочнаго успѣха эти попытки не имѣли, и, какъ прежде, такъ и теперь философія остается далекою отъ того, чтобы сформироваться въ цѣльную и единую общепризнанную научную систему. Въ прежнее время, вмѣсто одной, было много системъ, теперь же повидимому философія раздѣлилась на много отдѣльныхъ вопросовъ, и каждый изъ таковыхъ вопросовъ является предметомъ особыхъ спеціальныхъ изслѣдованій, различающихся между собою по направленію, такъ что въ настоящее время, вмѣсто системъ, мы видимъ лишь разныя философскія направленія, но ни одно изъ этихъ направленій не замыкается въ опредѣленную систему, а проявляется въ множествѣ частныхъ изслѣдованій, уподобляясь въ этомъ случаѣ различнымъ школамъ искусства литературнаго и иныхъ; потому то и говорятъ о философіи, что это скорѣе искусство, нежели наука. Дѣйствительно, не заключается ли въ самой природѣ и существѣ философіи причина того, что не можетъ изъ нея образоваться твердая научная система? Вопросъ этотъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, такъ какъ отъ правильнаго рѣшенія его зависитъ вѣрное пониманіе самой философіи.

Систематическая форма не только нужна для философіи, но, можно сказать даже, — въ образованіи такой формы состоитъ прямая и важнѣйшая ея задача; только велика разница между системою любой отдѣльной науки и системою философскою. Научная система состоитъ въ чисто внѣшнемъ порядкѣ отдѣльныхъ знаній, между тѣмъ какъ систематическая форма философіи состоитъ во внутренней логической связи положеній. Научное положеніе есть точная опредѣленная формула, имѣющая своимъ содержаніемъ нѣкоторое представленіе; по крайней мѣрѣ составныя части формулы, выражающей нѣкоторое научное знаніе, суть представленія, легко усвояемыя памятью, усвояемыя именно такъ, что всегда возможно самое точное ихъ воспроизведеніе. Содержаніемъ философскихъ положеній служатъ *не представленія, а понятія*. Разница между представленіемъ и понятіемъ состоитъ въ томъ, что представ-

леніе есть отдѣльный болѣе или менѣе изолированный образъ, имѣющій опредѣленныя точныя черты, дѣлающія возможнымъ какъ совершенное его усвоеніе, такъ и воспроизведеніе столь же совершенное, точное; понятіе же есть мысль отвлеченная, лишенная элемента наглядности, отдѣльности, и по причинѣ разнообразной связи со многими другими мыслями, дѣлаетъ невозможнымъ ни вполне точное усвоеніе ея во всей полнотѣ, ни воспроизведеніе ея также вполне точно: всякая мысль, всякое отвлеченное понятіе, когда усваивается и воспроизводится, всегда получаетъ болѣе или менѣе индивидуальныя отѣнки, примѣсь субъективныхъ элементовъ того лица, которое эту мысль восприняло и воспроизводитъ въ данномъ случаѣ: треугольникъ, число 10 или 100, животное какое либо, растеніе, всѣ усвоившія подобныя представленія одинаково представляютъ, но можно ли сказать, что всѣ одинаково понимаютъ такіе предметы, какъ душа, справедливость, добро, истина, красота, качество, количество, матерія, духъ и т. д. Подобныя, именуемая отвлеченными, понятія конечно выражаются посредствомъ словъ съ опредѣленнымъ значеніемъ, но всякій кто слышитъ и говоритъ слова, которыми обозначаются отвлеченныя понятія и даже предложенія, формулы, имѣющія цѣлью опредѣлить таковыя понятія, всегда вноситъ въ нихъ болѣе или менѣе свой собственный смыслъ, такъ что подразумеваемое однимъ лицомъ, говорящимъ о подобныхъ предметахъ, никогда не совпадаетъ вполне съ тѣмъ, что подразумеваетъ другое лицо, хоть бы слова и рѣчи ими сказываемыя были повидимому тождественны ¹⁾). Къ возможному умаленію и исключенію такой субъективно-индивидуальной личной примѣси къ философскимъ понятіямъ и должна служить систематическая форма ихъ изложенія. Отдѣльно взятое положеніе можно понять и такъ, и иначе, напр., положеніе, что, по уче-

¹⁾ Потому то при усвоеніи и употребленіи отвлеченныхъ понятій отъ каждаго требуется самостоятельная работа мысли. Представленія же употребляются обыкновенно какъ заученные термины, часто безъ всякой мысли.. Напр., когда говорится объ индивидуумѣ и средѣ, то среда представляется чѣмъ то важнымъ для индивидуума, непреложнымъ и какъ бы священнымъ, но въ требованіяхъ и прозектахъ реформъ со средою совсѣмъ не церемонятся, каждый не прочь переделывать эту среду на свой ладъ.

нію Аристотеля, душа есть форма тѣла, что идеи, по Платону, составляютъ сущность вещей, что вещь въ себѣ, по Кавту, не познаваема, но взятыя въ связи съ цѣлой системой ученія, которому принадлежитъ каждое изъ этихъ положеній, получаютъ опредѣленный смыслъ.

Установленіе точнаго смысла въ отвлеченномъ понятіи достижимо инымъ способомъ; для этого стоитъ лишь связать отвлеченное понятіе съ опредѣленнымъ нагляднымъ представленіемъ. Но дѣло въ томъ, что при этомъ понятіе теряетъ свой философскій характеръ *всеобщности*, всеобъемлемости, а превращается въ положеніе спеціально научное, получаетъ характеръ гипотезы, между тѣмъ, какъ съ точки зрѣнія философской, оно должно имѣть значеніе понятія принципіальнаго, или просто принципа, т. е. должно быть *основнымъ* понятіемъ, слѣдовательно необходимымъ, а не гипотетическимъ. Замѣчаніе это можетъ быть пояснено слѣдующимъ примѣромъ: еще въ древней философіи всегда признавалось несомнѣннымъ то положеніе, что матерія не уничтожима и не происходитъ вновь. Въ новое время, когда химія стала наукой точной, получило опытное доказательство означеннаго положенія: извѣстно, что простыя тѣла, при всѣхъ возможныхъ перемѣнахъ, какъ бы ни соединялись между собою, всегда сохраняютъ свой удѣльный вѣсъ: это есть наглядное доказательство неуничтожаемости матеріи. Но въ такомъ видѣ положеніе о неуничтожаемости матеріи не есть болѣе философское, а *спеціально* научное, ибо относится уже не вообще къ матеріи, а къ тѣмъ тѣламъ, изслѣдованіемъ которыхъ занимается химія; притомъ же оно теряетъ характеръ основного принципіальнаго положенія, а превращается въ гипотезу, ибо ничто не мѣшаетъ думать, что, если бы химическій анализъ могъ простирается, такъ сказать въ безконечность, далѣе всякаго возможнаго предѣла, то послѣдствіемъ такого анализа оказалось бы уничтоженіе матеріи въ смыслѣ отсутствія всякаго вѣса; вѣдъ различали же прежде эфиръ, какъ матерію *невысому* (сохраненіе вѣса оказывалось такимъ образомъ не всеобщимъ свойствомъ) отъ атомовъ вѣсомой матеріи. Теперь и эфиръ признается матеріей вѣсомой; противоположность между вѣсомой

и невѣсомой матеріей отрицается, но остается непонятною, при тождествѣ матеріи, противоположность силъ притягательной и отталкивательной, ибо пока эфиръ считался матеріей невѣсомой, то на отталкивательную силу смотрѣли какъ на принадлежность, какъ на свойство ээира. Въ чемъ же именно состояло философское значеніе въ древности положенія о неуничтожаемости матеріи? Ни у первыхъ, ни у послѣдующихъ древнихъ философовъ точнаго знанія о матеріи, какъ совокупности простыхъ тѣлъ и соединеніи таковыхъ, происходящемъ всегда по опредѣленнымъ точнымъ законамъ, не было, а было лишь философское 'понятіе о ней, какъ основномъ неизмѣнномъ началѣ вещей, заключающемъ въ себѣ и жизненные свойства, а не только свойства физическія и химическія (гилозоизмъ). Къ матеріи, примѣнялось необходимое понятіе *бытія*: немыслимо, чтобы бытіе уничтожилось, обратилось въ ничто, какъ немыслимо и то, чтобы ничто сдѣлалось бытіемъ, чтобы т. е. ничего не было и вдругъ (безъ всякой причины) началось бытіе. Въ этомъ видѣ мысль о неуничтожаемости матеріи, понимаемой то есть какъ бытіе вообще, есть несомнѣнная и необходимая истина, истина имѣющая характеръ всеобщности: *ничто существующее не можетъ уничтожиться*. Но наука точная, опытная не довольствуется положеніями философскими, взятыми въ ихъ всеобщности, а прилагаетъ ихъ къ опредѣленнымъ опытнымъ даннымъ и чрезъ то сообщаетъ имъ ограниченное значеніе, лишаетъ ихъ характера всеобщности. Правда мы видимъ и обратное расширеніе частнаго спеціального тезиса во всеобщую, универсальную мысль: ученіе Дарвина объ измѣняемости видовъ превратилось во всеобщій законъ эволюціи. Но здѣсь проявилось уже не научное стремленіе къ точности, къ удобопредставляемости, а философское побужденіе къ установленію общихъ началъ. Итакъ между стремленіемъ научнымъ къ пріобрѣтенію опредѣленныхъ и точныхъ знаній и философскимъ побужденіемъ къ образованію мыслей со всеобщимъ значеніемъ нѣтъ полного согласія. Побужденія эти несходятся въ направленіяхъ противоположныхъ, и потому интересно и поучительно слѣдить за тѣмъ, какъ въ наукѣ беретъ верхъ то одно, то другое по-

буждевіе. Это мы видимъ и на приведенномъ нами примѣрѣ. Если матерія, понимаемая въ точномъ смыслѣ вещества, лишенаго всякихъ жизненныхъ свойствъ, способнаго единственно къ движенію, къ перемѣщенію, составляетъ основу всякаго бытія, то всѣ жизненныя проявленія, всякія произведенія творческихъ духовныхъ силъ—все подобное подлежитъ полному уничтоженію, за исключеніемъ одного лишь мертваго вещества: организмъ и жизнь имъ проявляемая, всякаго рода прекрасныя формы природы, уничтожаются, и только матеріальныя частицы, изъ которыхъ образованы эти формы, сохраняются, не подлежатъ уничтоженію: прекрасная статуя разбивается на куски, погибаетъ, но частицы мрамора, или точнѣе, тѣхъ простыхъ тѣлъ, которыя входятъ въ составъ мрамора, неуничтожимы; лучшее, прекраснѣйшее, достойнѣйшее погибаетъ, безслѣдно исчезаетъ, а худшее, беспорядочное, безформенное и безобразное сохраняется, остается и не можетъ быть уничтожено. Данныя опыта, факты, и свидѣтельство мысли такимъ образомъ не сходятся между собою, оказываются взаимно противорѣчащими: если мысленно мы будемъ все далѣе продолжать дѣленіе матеріи на все меньшія и меньшія частицы, то должно получиться въ результатъ уничтоженіе матеріи; мысленное уничтоженіе есть отрицаніе; посему мысленное уничтоженіе матеріи есть отрицаніе ея, именно количественной стороны ея; что же остается? Остается качественная ея сторона, именно *сила*, сила же существуетъ не иначе, какъ въ дѣйствіи, ибо силою называется то, что дѣйствуетъ, движетъ, творитъ, производитъ; посему болѣе точно сила называется *энергіей*, — сила, способность — эти слова обозначаютъ энергію въ состояніи потенциальномъ, но и потенція, строго говоря, есть дѣйствіе только задержанное, скрытое. Итакъ вмѣсто того, чтобы говорить о неуничтожаемости матеріи, слѣдуетъ говорить о неуничтожаемости, о сохраненіи энергіи: матерія это не основаніе, сущность, а произведеніе, проявленіе энергіи; что мы называемъ веществомъ, есть лишь сконцентрированная энергія. Опять и это положеніе въ его философской всеобщности ученыхъ спеціалистовъ не могло удовлетворять; имъ могъ довольствоваться философъ Лейбницъ, но для ученыхъ

спеціалистовъ важно собственно примѣненіе общаго положенія въ отдѣльныхъ случаяхъ (для людей практическихъ, опытныхъ, отдѣльные случаи важнѣе принциповъ, которые для нихъ обыкновенно остаются неясными). Какъ въ отношеніи къ положенію о неуничтожаемости матеріи особенную важность придавали тому факту, что удѣльный вѣсъ простыхъ тѣлъ всегда сохраняется неизмѣннымъ, такъ и для мысли о сохраненіи энергіи получило такое же значеніе доказательства сдѣланное Карломъ Мейеромъ (въ 40 годахъ прошлаго столѣтія) открытіе механическаго эквивалента теплоты. И снова, вслѣдствіе этого, философская мысль утратила свое принципіальное значеніе, а вмѣсто того получила значеніе и характеръ гипотезы. Ибо мысль о сохраненіи энергіи формулируется обыкновенно такъ: въ природѣ сохраняется неизмѣнно одинаковсе количество энергіи, измѣняя непрерывно формы своего проявленія. Почему въ природѣ, а не во вселенной? Если вселенная неограниченна, безконечна, то какъ же можно говорить о сохраненіи всегда одинаковаго, т. е. *ограниченнаго* количества (количество неограниченное не мыслимо) энергіи. Говорится еще о превращеніи одного вида энергіи въ другой видъ,—теплота превращается въ движеніе и обратно,—но если строго держаться почвы фактовъ, то можно лишь утверждать *смѣну*, а не превращеніе одного вида энергіи въ другой; превращеніе энергій оказывается *гипотезой*, которой доказать нельзя. И такъ всякій разъ, когда нѣкоторую мысль захотятъ превратить въ опредѣленное, точное знаніе, то, вмѣсто философской концепціи, вмѣсто понятія, получается точное, но спеціальное, т. е. частное, а не всеобщее положеніе, вмѣсто понятія получается представленіе, которое своею точностію, наглядностію, вытѣсняетъ мысль, и потому уже не мыслится, а просто запоминается. Между тѣмъ такая замѣна общей отвлеченной мысли частнымъ представленіемъ ведетъ къ ложному взгляду на философію. Философія понимается, какъ *система знаній*. Какъ возможно осуществить такую систему? Не можетъ одинъ человѣкъ объять своимъ умомъ и усвоить всѣ науки. Поневолѣ приходится довольствоваться либо поверхностнымъ, либо не полнымъ рѣшеніемъ задачи. Чтобы получилась философская си-

стема, для этого, говорятъ, достаточно классифицировать науки, сдѣлать общее энциклопедическое ихъ обзорѣніе. Но для классификаціи требуется единство основаній,—а никакое въ отдѣльности взятое изъ опредѣленій науки, никакой ея признакъ не можетъ быть достаточнымъ для систематизаціи и общаго обзорѣнія наукъ. Есть науки, до того различающіяся между собою, что, не насилуя свойственнаго имъ характера и принадлежащихъ имъ задачъ, не возможно объединить ихъ въ одной системѣ. Другіе понимаютъ философскую систему, какъ сводъ важнѣйшихъ положеній и выводовъ, добываемыхъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ спеціальныхъ наукъ. Но, при такомъ взглядѣ на философію, вмѣсто всеобъемлющей системы научныхъ знаній, получаются отдѣльныя науки, и притомъ такія науки, которыя ничего твердо установленнаго, ничего кромѣ гипотезъ не содержатъ въ себѣ. Такова напр. *біологія*, долженствующая обнять въ себѣ важнѣйшіе результаты всѣхъ біологическихъ наукъ,—ботаника, зоологія,—антропологія, анатомія, физиологія—такова же и *соціологія*, для которой матеріаломъ должны служить науки юридическія, філологическія, историческія. На самомъ дѣлѣ существуютъ біологическія и соціологическія гипотезы, теоріи, но нѣтъ ни біологіи, ни соціологіи какъ науки въ собственномъ смыслѣ. Итакъ надо согласиться съ тѣмъ, что понятіе о философіи, какъ системѣ научныхъ знаній, не вѣрно, ложно. Философія не система знаній, а *система понятій*. Если мы возьмемъ въ руководство это опредѣленіе философіи, то указанныя выше трудности къ выполненію философіей свойственной ей задачи сами собою устраняются. Нѣтъ возможности обнять и усвоить всѣ научныя знанія, но это и не требуется для того, чтобы философія дѣлала свое дѣло. Область философіи составляютъ понятія всеобъемлющія, а для установки такого рода понятій всякій матеріалъ годенъ, будетъ ли этого матеріала много или мало,—это значенія не имѣетъ. Возьмемъ понятіе бытія. Понятіе это простирается на все существующее, есть всеобщее, всеобъемлющее; но это не значитъ, что для уясненія и установленія точнаго смысла этого понятія необходимо познаніе всего существующаго. Достаточно установить признаки бытія, пользу-

ясь съ этой цѣлью представленіемъ одной какой либо вещи, чтобы имѣть право относить таковыя признаки къ неопредѣленному множеству другихъ вещей, нами не познанныхъ; такъ пространство и время мы должны признать условіями существованія для такихъ отдаленныхъ отъ насъ міровыхъ тѣлъ, которыя по отдаленности своей не могутъ подлежать нашему наблюденію, а между тѣмъ нельзя сказать, что понятіе бытія пусто и безсодержательно и въ нашемъ познаніи не имѣетъ значенія. Значеніе этого понятія напротивъ очень важно; недаромъ глаголъ быть во всѣхъ языкахъ соединяется со всякими другими глаголами и является такимъ образомъ основнымъ рѣченіемъ. Безъ этого глагола, слѣдовательно, безъ понятія бытія невозможно было бы никакое сужденіе. Тоже должно сказать о другомъ столь же всеобщемъ и необходимомъ философскомъ понятіи, именно о понятіи познанія; если нами познана хотя бы одна вещь, то и этого уже довольно для составленія понятія о познаніи, ибо тѣже признаки, характеризующіе познаніе, повторяются неизмѣнно, что бы ни было предметомъ познанія. Поэтому, хотя понятіе о томъ, что такое познаніе, что называется знаніемъ, есть всеобщее, ибо простирается на всякаго рода знанія, однако это не значитъ, что для составленія правильной теоріи познанія необходимо усвоить всѣ научныя знанія и что отъ постепеннаго умноженія научныхъ знаній непрерывно должно измѣняться соотвѣтственно и самое понятіе о познаніи. Итакъ система философіи несомнѣнно должна быть универсальною, но не въ томъ смыслѣ, что задача ея состоитъ въ обзорѣни и упорядоченіи всѣхъ отдѣльныхъ наукъ, или же, что она есть сводъ результатовъ изслѣдованія многихъ наукъ, а въ томъ смыслѣ, что содержаніе философіи составляютъ понятія всеобъемлющія, универсальныя. Эта именно особенность философіи составляетъ важное ея преимущество предъ всѣми науками спеціальными и даетъ ей такое значеніе—образовательно-воспитательное, которое ничѣмъ не можетъ быть ни замѣнено, ни превзойдено. Универсальный характеръ философскихъ понятій не въ томъ только состоитъ, что понятія эти простираются на все познаваемое, но также и въ томъ, что обнимаютъ и объединяютъ разныя

стороны человѣческой жизни. Потому то для настоящихъ истинныхъ философовъ не существуетъ раздѣленіе между словомъ и дѣломъ, между знаніемъ и жизнью, теоріей и практикой. Не существуетъ для философовъ по той же причинѣ и другого раздѣленія, именно раздѣленія людей на ученыхъ и неученыхъ, образованныхъ и необразованныхъ, раздѣленія въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается учеными: ученость, пріобрѣтеніе научныхъ знаній до такой степени отчуждаетъ людей, обладающихъ научными знаніями отъ людей невѣжественныхъ, что одни перестаютъ понимать другихъ и первыхъ предрасполагаетъ къ послѣднимъ относиться пренебрежительно и съ глумленіемъ: вѣдь въ самомъ дѣлѣ ничего не можетъ быть общаго между знаніемъ напр. дѣйствительнаго отношенія нашей планеты къ солнцу и тѣмъ невѣжественнымъ представленіемъ, что земля стоитъ, а солнце движется, между геологіей, а также разными космическими теоріями и библейскимъ сказаніемъ о сотвореніи міра, которое одно лишь знаютъ люди неученые и принимаютъ его за непреложную истину: что общаго между научной медициной и знахарствомъ, между научной исторіей и народными сказаніями, легендами. Вообще между научными представленіями и представленіями общенародными почти никакихъ точекъ прикосновенія не имѣется: въ государствахъ просвѣщенныхъ до самыхъ низшихъ слоевъ населенія доходятъ и научныя свѣдѣнія, но обыкновенно въ искаженномъ видѣ, что еще болѣе усугубляетъ раздѣленіе между образованнымъ классомъ и классомъ людей необразованныхъ. Область же философскаго изслѣдованія тѣмъ отличается отъ наукъ спеціальныхъ, что обнимаетъ понятія, составляющія то, что называется здравымъ, общимъ смысломъ, понятія, слѣдовательно, не чуждыя и людямъ необразованнымъ, до такой степени не чуждыя, что эти понятія нерѣдко выражаются людьми невѣжественными въ большей чистотѣ, съ болѣею яркостію и силою, нежели какъ эти же самыя понятія встрѣчаются у людей образованныхъ; для многихъ ученыхъ и образованныхъ напр. такія понятія, какъ добродѣтель, совѣсть, честь, достоинство, святость, вѣрность, духъ, душа сдѣлались пустыми, ничего незначащими словами. По этому преобладающая тенденція фи-

лософіи—не разъединеніе людей, не усиленіе классовыхъ общественныхъ разностей между людьми, а напротивъ установленіе и закрѣпленіе духа общенія, единства сознанія и жизни. Какъ извѣстно, въ философіи въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ какихъ либо спеціальныхъ научныхъ знаніяхъ, проявляется народный духъ, духъ націи, и это именно изъясняется тѣмъ, что корни понятій, изслѣдуемыхъ философіей, заключаются въ глубинѣ общенароднаго смысла, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и смыслъ просто человѣческой, иначе—общечеловѣческой.

Предразсудокъ, что философія не есть система понятій, состоящихъ между собою во внутренней связи, а есть рядъ отдѣльныхъ наукъ, изъ коихъ каждая имѣетъ свой особый предметъ и состоитъ въ упорядоченномъ систематическомъ изложеніи знаній объ этомъ предметѣ, этотъ предразсудокъ издавна впрочемъ существуетъ и всегда оказывалъ вліяніе на способъ пониманія и изложенія философскихъ ученій. Еще Аристотель раздѣлилъ свою философскую систему на части, но эти части единой философской системы, имѣющія между собою внутреннюю, необходимую связь, стали потомъ трактовать, какъ отдѣльныя науки подъ названіемъ метафизики, логики, психологіи, чему въ особенности благопріятствовало то обстоятельство, что система Аристотеля дошла первоначально до схоластиковъ средневѣковья не въ полномъ составѣ, а только въ отдѣльной своей части (логика или діалектика), да и самая логика Аристотеля—отдѣльная часть его системы—была изложена имъ самымъ въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій (особо о категоріяхъ, особо—о сужденіи, особо объ умозаключеніи, особо о софизмахъ). Впрочемъ превращеніе философіи, въ рядъ отдѣльныхъ наукъ, въ изложеніе разнопредметныхъ знаній,—подобно естествознанію, состоящему изъ наукъ спеціальныхъ, легко изъясняется тѣмъ, что *представленіе*, какъ форма знанія, доступнѣе, легче усваивается и легче воспроизводится, нежели отвлеченное понятіе, какъ форма философской мысли (потому то въ современныхъ логикахъ, приспособленныхъ къ опытному знанію, понятіе, какъ особая форма мысли, вовсе отрицается.

Представляя философію въ видѣ ряда отдѣльныхъ наукъ, составляющихъ особую область знанія, — естественно наталкиваются на вопросъ, — какую же изъ этихъ наукъ надо признать основною и слѣдовательно первою въ ряду другихъ? Въ прежнее время такою наукою считалась метафизика. Но метафизика давно уже служитъ предметомъ самыхъ рѣшительныхъ нападковъ и порицаній именно въ отношеніи ея научнаго достоинства. Съ особою тщательностію метафизика была изслѣдована критически Кантомъ, и въ результатъ этой критики оказалось, что метафизика, какъ наука, невозможна; ибо въ метафизикѣ все спорно, безспорнаго ничего нѣтъ. Необходимымъ дополненіемъ къ Кантовой критикѣ метафизики, какъ науки, служитъ извѣстное сужденіе Канта о метафизикѣ; по этому сужденію метафизика представляетъ собою умственное состояніе чловѣка и чловѣчества, предшествующее возникновенію и господству положительнаго научнаго знанія; такимъ образомъ научное знаніе исключаетъ собою метафизику. Кажется достаточно было употреблено усилій для того, чтобы уничтожить метафизику, стереть ее съ лица земли, и однако метафизика существуетъ. И самыя эти нападенія для метафизики вовсе не новость; всегда она была отрицаема. Въ чемъ же дѣло? Нападали и нападають на метафизику, какъ науку, какъ систематическое изложеніе знаній, но эти нападенія безрезультатны потому, что метафизика не есть наука въ смыслѣ системы знаній; метафизика въ этомъ смыслѣ не существовала и не существуетъ. Но существуютъ необходимыя метафизическія понятія, и какъ изложеніе, какъ изслѣдованіе таковыхъ понятій метафизика необходима, такъ необходима, что философія безъ нея и помимо нея немислима.

Сомнѣніе, съ какимъ относились, особенно же теперь относятся, къ метафизикѣ, побуждаетъ считать основною философскою наукою, слѣд. основаніемъ всей философіи—*психологію*. И вотъ слышно, что намѣреваются у насъ ввести въ гимназіи преподаваніе психологіи и логики подъ общимъ названіемъ философской пропедевтики.

Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что психологія есть наука. Вѣдь психологія основывается на опытѣ, имѣетъ дѣло

съ фактами извѣстнаго порядка, а между тѣмъ психологія всегда причислялась къ наукамъ философскимъ. Почему же въ самомъ дѣлѣ не считать психологію за основаніе философіи? Для каждой науки необходимы: а) основаніе и б) орудіе изслѣдованія, методъ. Для всѣхъ наукъ основаніемъ служитъ опытъ, наблюденіе, а психологія—наука опытная, слѣд. психологическій опытъ, опытъ, состоящій въ ознакомленіи съ явленіями психическими—вотъ естественное и необходимое основаніе философіи. Такъ многіе и думаютъ. Что касается инструмента, орудія изслѣдованія, именно метода,—другое необходимое для всякой науки начало, то изслѣдованіе методологическихъ вопросовъ и изложеніе методологическихъ свѣдѣній—задача логики. Логика—наука формальная, а психологія—наука реальная, слѣд. обѣ должны взаимно одна другую восполнять. вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ науки, можно сказать, имѣютъ универсальный характеръ, ибо всѣ явленія человѣческой жизни, а въ томъ числѣ и дѣятельность познавательная, явленія не только жизни индивидуальной, но и общественной, подлежатъ разсмотрѣнію и обсужденію съ точки зрѣнія психологической,—требованія логики также имѣютъ всеобщее значеніе, ибо обязательны для науки, для всякой науки, и для жизни практической: ясность, точность, опредѣленность, послѣдовательность, основательность нужны и въ словѣ и въ дѣлѣ, всегда и вездѣ.

Несомнѣнно, что пропедевтика философская должна сдѣлать нѣчто для философіи; она должна руководить къ ознакомленію съ философіей, къ изученію философіи. Философія, а не что либо иное, есть ея объектъ. Поэтому и въ сужденіи о психологіи, какъ наукѣ пропедевтической въ отношеніи философіи, для насъ важно обратить вниманіе не на то, что она есть наука опытная, а на то, что она есть наука философская. Въ чемъ же состоитъ философское значеніе психологіи?

Опытный характеръ психологіи, какъ науки, полагаютъ въ томъ, что предметъ ея составляютъ психическія явленія, которыя для насъ не иначе познаваемы, какъ чрезъ наблюденіе внѣшнее (надъ другими людьми) и внутреннее, называемое *самонаблюденіемъ, внутреннимъ опытомъ*. Казалось бы, что психологія какъ наука опытная; и имѣетъ важное преимущество

сравнительно съ другими опытными науками, именно естественными въ томъ, что психическія явленія познаваемы посредствомъ двоякаго опыта, а въ новѣйшее время примѣняется къ нимъ и методъ экспериментальный, между тѣмъ явленія природы физической доступны только наблюденію и опыту внѣшнему. Однако, несмотря на давность свою, несмотря на то, что психологія древнѣе многихъ другихъ естественныхъ наукъ, всѣ попытки сдѣлать ее точною наукою не привели ни къ чему, и доселѣ, можно сказать, въ психологіи ничего нѣтъ безспорнаго, твердо установленнаго, такъ что она раздѣляетъ въ этомъ отношеніи судьбу другихъ наукъ философскихъ и, подобно другимъ наукамъ философскимъ, является зависимою въ рѣшеніи подлежащихъ ей изслѣдованію вопросовъ, странно сказать, отъ метафизики, отъ той метафизики, которая вовсе не признается наукою, не признается таковою даже въ той степени, въ какой научность приписывается психологіи. Чѣмъ же объяснить несовершенство, именно нетвердость психологіи, какъ опытной науки, отъ чего это зависитъ? Зависитъ это главнымъ образомъ отъ нераздѣленности и происходящей отсюда неясности, смѣшанности психическихъ явленій. Явленія физическія раздѣлены прежде всего пространствомъ, затѣмъ раздѣльность ихъ обуславливается раздѣльностью внѣшнихъ чувствъ, изъ какихъ каждое воспринимаетъ явленія особаго класса. Потому то безъ всякаго труда съ полною ясностію и раздѣльностью познаются явленія внѣшней природы. Явленія же психическія не раздѣлены одно отъ другого пространствомъ, ибо вообще непространственны и ведѣлимы, а только различимы... Но вѣдь различіе не дается само собою, не воспринимается непосредственно безъ труда, а есть собственное наше дѣло, именно результатъ различающаго акта нашего мышленія, слѣдовательно, для своей установки требуетъ съ нашей стороны нѣкотораго умственнаго усилія, нѣкоторой духовной операціи, а потому самому и не является твердымъ и безспорнымъ, ибо все производимое свободною дѣятельностію мышленія, именно по причинѣ этой свободы, можетъ быть принимаемо и отрицаемо, вообще—можетъ быть оспариваемо. Различаютъ слѣдующія разряды психическихъ явленій: пред-

ставленія, желанія и стремленія, чувствованія и эмоціи. И вотъ хотя положеніе объ этихъ различіяхъ въ области психическихъ явленій можно признать основнымъ, однако указанная различія многими вовсе отрицаются, а вмѣсто того различаются состоянія пассивныя и активныя, т. е. принимается лишь общее различіе, зависящее отъ взаимнаго отношенія психическаго агента къ внѣшнимъ вліяніямъ (дѣйствіе и противодѣйствіе). Этимъ конечно въ принципѣ отрицается своеобразный характеръ психическихъ явленій, ибо подчиняются общему закону дѣйствія и противодѣйствія, а чрезъ то уничтожается интересъ психологіи, какъ особой науки о явленіяхъ особаго рода. Впрочемъ и тѣ, которые признаютъ означенное выше раздѣленіе психическихъ явленій, различно толкуютъ это раздѣленіе, а вслѣдствіе того получаютъ неодинаковые взгляды на психическую жизнь. Такъ одни принимаютъ за основныя психическія явленія представленія (Лейбницъ, Герbartъ и Герbartіанцы), а всѣ другія явленія производятъ отъ представленій, и если притомъ представленія признаются явленіями первичными, неприводными, а вмѣстѣ съ тѣмъ духовными, то получается взглядъ на психическую жизнь *спиритуалистическій*. Другіе (волюнтаристы) основными явленіями признаютъ влеченія или побужденія, представленіямъ же, какъ орудіямъ воли, усвояютъ значеніе вспомогательное, второстепенное. А полагая для всякихъ влеченій—первоначальное основаніе въ тѣлѣ, въ потребностяхъ и состояніяхъ тѣлесныхъ, приходятъ такимъ образомъ ко взгляду на душевную жизнь *материалистическому* или близкому къ материализму. Но спиритуализмъ и материализмъ—это направленія метафизическія. Такимъ образомъ оказывается, что нельзя признать психологію за основную и первую науку въ области философіи. Но быть можетъ, если держаться строго почвы опыта, метафизическія направленія въ истолкованіи психическихъ явленій окажутся излишними? Дѣйствительно, современная психологія стремится къ тому, чтобы быть наукою опытною и только опытною. Если бы такое стремленіе могло осуществиться, и психологія сдѣлалась бы, при помощи метода экспериментальнаго, одною изъ наукъ естественныхъ, тогда изъ

области философіи психологію слѣдовало бы вовсе исключать—такъ физика была нѣкогда философскою наукою, но въ этомъ разѣ невозможна была бы и мысль о томъ, чтобы психологію считать наукою пропедевтической въ области философіи, предварительнымъ руководствомъ къ ознакомленію съ философіей; да и возможно ли въ самомъ дѣлѣ исключеніе изъ психологіи метафизическихъ предположеній. Говорятъ: задача науки въ отношеніи психическихъ явленій та же, что и въ отношеніи всякихъ иныхъ явленій, именно—установленіе общихъ и необходимыхъ ихъ законовъ. Въ отношеніи явленій психическихъ таковыми признаются вапр. законы ассоціаціи (психологія ассоціативная). Предполагается, что сложныя психическія явленія состоятъ изъ другихъ менѣе сложныхъ, и что есть такимъ образомъ простѣйшія элементарныя явленія, составляющія основаніе всѣхъ другихъ. Предположеніе это очевидно взято изъ области явленій тѣлесныхъ, гдѣ простое и сложное ясно и раздѣльно могутъ быть представлены; здѣсь дѣйствительно явленія составляютъ группы разной сложности, раздѣленные пространствомъ и временемъ. Но нельзя говорить о группахъ явленій психическихъ, ибо явленія эти всѣ вообще недѣлимы и нераздѣлены между собою, а потому мысленно можно ассоціировать какія угодно психическія явленія и какъ угодно. Если говорятъ о пространственной и временной смежности представленийъ, какъ законахъ ассоціаціи, то эти отношенія составляютъ принадлежность явленій тѣлесныхъ, къ душевнымъ же явленіямъ подобныя отношенія приложимы лишь въ той мѣрѣ, насколько эти явленія можно рассматривать, какъ копіи явленій тѣлесныхъ; таковы представленія, но и представленія можно ли считать копіями? Ясно, что подобный способъ разсмотрѣнія психическихъ явленій предполагаетъ собою материалистическій взглядъ на душевную жизнь. Вообще есть три точки зрѣнія, съ которыхъ можно рассматривать психическую жизнь. Прежде всего *материалистическая* точка зрѣнія состоитъ въ стремленіи къ отождествленію психическихъ явленій съ тѣлесными состояніями; именно: ощущенія, а затѣмъ и представленія, не различаются отъ нервныхъ раздраженій. Другая точка зрѣнія—*спиритуалистическая*, состоящая въ

томъ, что психическія явленія признаются первичными, не производными, а такъ какъ явленія тѣлесныя тоже даны для насъ въ формѣ явленій психическихъ, именно въ формѣ представлений, то съ этой точки зрѣнія все данное безразлично, все бытіе одухотворяется: весь міръ обращается въ представление, въ фактъ нашего сознанія, которое посему признается единственною подлинною дѣйствительностію. Наконецъ тѣ, которые всѣ данныя явленія раздѣляютъ на психическія и фѣзическія, духовныя и тѣлесныя проводятъ въ психологіи точку зрѣнія такъ назыв. *параллелизма*. Выборъ какого либо изъ этихъ воззрѣній на психическую жизнь необходимъ, а между тѣмъ каждое изъ этихъ воззрѣній есть въ сущности метафизическое и потому уже не безспорное, а проблематическое; для того же, чтобы принятое воззрѣніе оправдать какими либо основаніями, приходится оставить почву опыта, ибо данныя опыта не исключаютъ ни одного изъ названныхъ воззрѣній, и обратиться къ изслѣдованію метафизическому, которое слѣдоват. надо признать въ области философіи не то что необходимымъ, а прямо основнымъ и первоначальнымъ дѣломъ. Что остается дѣлать тѣмъ, которые рѣшились бы во чтобы то ни стало избѣгнуть метафизическихъ предположеній и понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ не быть безотвѣтными относительно вопросовъ принципиальныхъ, основныхъ? Остается возможною лишь абстрактная номенклатура данныхъ опыта безъ всякой квалификаціи, одно обозначеніе ихъ буквами и одни лишь отрицательныя положенія, не дающія опредѣленныхъ представлений, какъ это мы видимъ у *Авенариуса* и *Маха*. Философы эти говорятъ объ основныхъ данныхъ, или элементахъ, описываютъ ихъ сочетанія и распределеніе, но требуютъ не называть таковыя элементы ни тѣлесными, ни духовными (т. е. принимать ихъ за неизвѣстныя?) Конечно такой способъ изслѣдованія и рѣшенія вопросовъ нельзя назвать метафизическимъ, но нельзя признать его и научнымъ, ибо наука, правда, всякія познанія сводитъ къ общимъ положеніямъ, но надо же, чтобы эти положенія заключали въ себѣ ясныя и опредѣленныя представленія. Противъ этого требованія можно указать на положенія математическія, именно—алгебраическія, какъ чисто формальныя, но вѣдь по-

ложенія этого рода имѣютъ лишь методологическое значеніе и никакихъ опредѣленныхъ фактовъ, данныхъ опыта, не выражаютъ. Ужъ лучше оставаться при одномъ индивидуалистически—опытномъ знаніи психическихъ явленій, при томъ знаніи, какое даютъ намъ жизненный—практическій опытъ—собственныя переживанія, а также литературно-художественныя характеристики душевной жизни отдѣльныхъ лицъ и отказаться отъ всякой претензіи на соотвѣтственныя индивидуально-опытнымъ знаніямъ душевной жизни научныя положенія объ этомъ предметѣ ¹⁾.

Профессоръ П. Липинскій.

(Оковчаніе будетъ).

¹⁾ Слѣдуетъ однакожь замѣтить, что хотя Аверариусъ и Махъ въ описаніи данныхъ нашего сознанія стараются совсѣмъ устранить понятіе о духѣ и матеріи, но, вопреки ихъ намѣренію, имъ не удается занять нейтральное положеніе относительно направленій метафизическихъ—матеріализма и спиритуализма, ибо ученіе ихъ явно имѣетъ характеръ матеріалистическій.

Гипнотизмъ и внушеніе предъ судомъ науки и религіи.

(ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Окончаніе *).

II.

Научное значеніе и нравственно-религіозная оцѣнка гипнотическихъ явленій.

§ 3. Достоувѣрность явленій гипнотизма и внушенія. Научно-психологическое и практическое значеніе гипнотическихъ явленій: гипнотизмъ и „безсознательное“; такъ назыв. „гипнотерапія“. Универсальный характеръ и значеніе внушеній; педагогическое и юридическое ихъ примѣненіе и значеніе.

„Кто-то сказалъ, что наука во времена Месмера, выливая изъ корыта мутную воду, въ которой купался ребенокъ—гипнотизмъ, выбросила и его вмѣстѣ съ нею. Но этотъ ребенокъ не умеръ, его приютили, и онъ развился въ цвѣтущаго юношу, подающаго большія надежды“¹⁾... Мы можемъ только прибавить, что этотъ юноша сталъ теперь уже вполне взрослымъ и развитымъ мужчиной... Имѣя за собой такую богатую исторію, будучи теоретически разработанъ во многихъ деталяхъ и обоснованъ сотнями и тысячами фактическихъ данныхъ, гипнотизмъ въ настоящее время уже никому изъ людей науки не внушаетъ сомнѣнія относительно своей достовѣрности. Въ этомъ, смѣемъ думать, хотя отчасти убѣдило читателей наше предыдущее изложеніе исторіи и теоріи гипнотизма. Правда, не такъ давно приходилось слышать возраженія противъ достовѣрности гипнотизма, основанныя на томъ, что при гипнозѣ яко бы возможна симуляція, притворство со стороны гипнотиковъ, продѣлывающихъ все, что имъ приказываютъ, изъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 14 за 1906 г.

¹⁾ Битнеръ, стр. 261.

„угодливости“ экспериментатору или изъ какихъ-либо своекорыстныхъ расчетовъ. Но подобныя возраженія въ настоящее время значительно потеряли свою силу, такъ какъ учеными изслѣдователями придумано не мало средствъ и способовъ для обнаруженія такого притворства со стороны пациентовъ; существуютъ для этой цѣли даже особые приборы. Мы не будемъ останавливаться на изложеніи многочисленныхъ способовъ и средствъ обнаруженія симуляціи въ гипнозѣ, — такъ какъ объ этомъ можно найти свѣдѣнія въ любой книжкѣ по теоріи гипнотизма, — а перейдемъ прямо къ оцѣнкѣ гипнотическихъ явленій съ научной, а затѣмъ — и съ религіозной, точекъ зрѣнія.

Научно-психологическое значеніе гипнотизма въ настоящее время опредѣляется почти исключительно развитіемъ вопроса о такъ называемыхъ „бессознательныхъ“ явленіяхъ душевной жизни человѣка. Этотъ интереснѣйшій, но трудный и мало разработанный, вопросъ психологіи значительно подвинулся въ своемъ развитіи, благодаря гипнотическимъ экспериментамъ. Объяснимъ кратко — въ чемъ здѣсь дѣло.

Всѣмъ извѣстно, что очень многія изъ пережитыхъ нами душевныхъ состояній и явленій не сознаются нами въ каждый данный моментъ: они весьма легко забываются и, какъ говорятъ иногда, переходятъ въ область „бессознательнаго“. Вообще, область психическихъ явленій безпредѣльна и далеко не исчерпывается *сознательными* актами и состояніями: жизнь духа какъ-бы не вмѣщается въ тѣсныхъ предѣлахъ сознанія, такъ что наше „я“ знаетъ лишь незначительную ея часть. Между тѣмъ, эти несознаваемые нами психическіе акты играютъ весьма важную роль въ общей экономіи душевной жизни. Значеніе „бессознательнаго“, можно сказать, безпредѣльно. Это именно оно, а не иное что-нибудь, облегчаетъ намъ процессъ мышленія, когда мы опускаемъ общеизвѣстныя для насъ послышки и мыслимъ одними заключеніями: — оно облегчаетъ процессъ воспоминанія, когда мы механически выбрасываемъ промежуточные звенья какой-нибудь сложной ассоціаціи и т. п. Но что-же такое это „бессознательное“ по своей природѣ? Вотъ на этотъ-то вопросъ теперь часто изъ устъ психолога можно

услышать такой отвѣтъ; „безсознательнаго“ въ строгомъ смыслѣ слова нѣтъ и быть не можетъ; такъ наз. „безсознательное“ есть только *minimum* сознанія, не ощущаемый нашей сознательной сферой. Къ такому выводу пришла психологія на основаніи—главнымъ образомъ—наблюденія надъ „безсознательными“, или лучше—автоматическими, дѣйствіями гипнотиковъ. Здѣсь имѣютъ важное значеніе факты и явленія гипнотическаго сомнамбулизма, а особенно—катаlepsія и анестезія. Извѣстно, напр., что въ сомнамбулическомъ состояніи субъектъ прекрасно излагаетъ на бумагѣ все, что ему приказываетъ экспериментаторъ,—хотя продѣлываетъ это „безсознательно“ (какъ говорятъ обычно) и потомъ—ничего не помнитъ. Такъ сомнамбула Люси, по приказанію Pierré'a Janet, правильно умножаетъ 739 на 42, пишетъ письмо—безъ всякаго даже внушенія идеи для содержанія письма, продѣлываетъ другіе сложные акты по внушенію экспериментатора, и повидимому—совершенно „безсознательно“, такъ какъ по пробужденіи ничего не помнитъ о нихъ. Последнее обстоятельство (отсутствіе воспоминавія) можетъ быть объяснено только тѣмъ, что вышеуказанные психическіе акты, при совершеніи ихъ, имѣли самую минимальную интенсивность, почему и не были ясно сознаваемы. Итакъ, выходитъ, что *иногда* совершенно „безсознательно“ могутъ быть исполняемы дѣйствія, *всегда* обыкновенно сопровождающіяся работой мысли. Но развѣ здѣсь не явное противорѣчіе? Могутъ конечно, спросить:—почему же всѣ указанные акты не сознаются субъектомъ? Потому, отвѣтимъ мы, что они совершаются при *minimum*ѣ, сознанія, направленаго экспериментаторомъ въ одну какую-либо сторону и вслѣдствіе сего крайне суженнаго въ сферѣ своей активной дѣятельности: вѣдь намъ уже извѣстно, что у гипнотика активная дѣятельность внѣшнихъ чувствъ прекращается, а вниманіе всецѣло сосредоточивается на идеѣ внушенія („моноидеизмъ“ Брэда). Далѣе. Въ катаlepsическомъ состояніи, какъ мы знаемъ, у субъектовъ обнаруживается способность къ автоматической ассоціаціи представленій¹⁾, что не можетъ быть объяснено, какъ показано выше, изъ однихъ

¹⁾ Ср. P. Janet—L'automatisme psychologique. Par. 1889 (многочисл. примѣры).

только физиологическихъ причинъ, а предполагаетъ дѣятельность сознанія, хотя-бы самую слабую. Но что такое автоматическое или „безсознательное“ сознаніе каталептика?... — *Contradictio in adjecto!*... Наконецъ, чѣмъ объяснить то явленіе, что если вниманіе сомнамбула привлечь на вещь, употребленіе которой ему извѣстно, то онъ, какъ бы выходя изъ своего безсознательнаго состоянія, начинаетъ производить вполне цѣлесообразныя дѣйствія. Укажемъ примѣръ. Намъ уже извѣстно, что анестезированную руку можно колоть, рѣзать, жечь,—и субъектъ ничего не чувствуетъ. Но если вложить, напримѣръ, въ эту руку зонтикъ, то субъектъ раскрываетъ его и простираетъ надъ головой; когда вкладываютъ въ руку ключъ, рука вертитъ имъ, какъ бы запирая дверь; когда вкладываютъ карандашъ, рука начинаетъ чертить знаки, соотвѣтствующіе тѣмъ или другимъ письменнымъ знакамъ. Почему въ этихъ случаяхъ анестезированная рука „безсознательнаго“ субъекта отличается зонтикъ отъ ключа и отъ карандаша,—почему она ясно различаетъ каждый изъ этихъ предметовъ?... Различающая дѣятельность не является—ли здѣсь признакомъ сознанія и участія въ указанныхъ актахъ мыслительной дѣятельности, хотя бы въ самой слабой степени?... Такимъ образомъ и здѣсь мы встрѣчаемся съ своего рода „безсознательнымъ сознаніемъ“, т. е. съ минимумомъ сознанія,—и здѣсь мы видимъ, что терминъ „безсознательное“ не точенъ, такъ какъ „безсознательнаго“ въ абсолютномъ смыслѣ нѣтъ, а есть только „*minimum* сознанія“. Мы уже говорили о томъ, что дѣятельность сознанія не прекращается—какъ во время обыкновеннаго сна, такъ и во время гипноза, не смотря на то, что мы не помнимъ многихъ сновидѣній, а гипнотикъ по пробужденіи, не помнитъ сдѣланныхъ ему внушеній. Очень часто случается, что какая-либо мысль, тревожившая извѣстнаго субъекта предъ сномъ, при пробужденіи *первою* является въ его сознаніи, какъ будто она была въ немъ (сознаніи) все время и на нее шла во время сна вся оставшаяся психическая энергія. Равнымъ образомъ кому не случалось засыпать съ мыслию о томъ или другомъ вопросѣ или неудавшемся рѣшеніи трудной задачи и просыпаться съ искомымъ рѣшеніемъ? Вотъ это-то рѣшеніе и дается

тѣмъ психическимъ процессомъ, который мы неточно (и даже невѣрно) называемъ „безсознательнымъ“, потому что не помнимъ о немъ, но который на самомъ дѣлѣ представляетъ весьма интенсивную работу сознанія, сосредоточеннаго на одной только идеѣ, не занятаго ничѣмъ другимъ и—потому—до крайности суженнаго въ своемъ объемѣ. Это суженіе сознанія мы и называемъ „минимумомъ“ его. Вообще, сознаніе—эта основная психическая сила—не можетъ ни на одинъ моментъ уничтожиться и перейти въ „абсолютную безсознательность“, какъ и всякая другая, даже физическая, сила не можетъ прекратить свою дѣятельность и все-таки оставаться силой. Мы не можемъ себѣ представить такого момента, когда бы, напр., сила тяготѣнія вдругъ перестала дѣйствовать,—когда бы камень, брошенный вверхъ, не упалъ на землю, а застрялъ бы въ пустомъ пространствѣ... Наше сознаніе бессмертно...

Такой взглядъ на природу „безсознательныхъ“ или —точнѣе—*несознаваемыхъ нами* процессовъ легко приводитъ насъ и къ другому положенію новѣйшей психологіи, именно—что *абсолютнаго* или полнаго забвенія нѣтъ и быть не можетъ. Само собою понятно, что если не существуетъ „безсознательнаго“, а существуетъ только „минимумъ сознанія“ или крайнее суженіе его объема, то нѣтъ и полнаго забвенія, а есть только крайняя степень ослабленія памяти. Разсмотрѣнными нами выше явленія гипермнезіи, наблюдаемой у гипнотиковъ, прекрасно подтверждаютъ это. Въ явленіяхъ гипнотической гипермнезіи мы встрѣчаемся съ поразительными фактами припоминанія самыхъ ничтожныхъ и слабыхъ впечатлѣній, которыя въ бодрственномъ состояніи никогда не сознаются субъектомъ. А если такъ, то значитъ, ни одинъ элементъ сознанія, ни одно впечатлѣніе, не исчезаютъ безслѣдно и навсегда, по при извѣстныхъ условіяхъ (хотя-бы даже искусственныхъ) могутъ быть снова воспроизведены. Абсолютнаго забвенія нѣтъ. Для иллюстраціи и для доказательства того, что въ состояніи гипноза воспроизводятся иногда самыя отдаленныя и—повидимому—абсолютно забытыя впечатлѣнія, мы приведемъ еще одинъ примѣръ гипермнезіи. Одна сомнамбула находилась въ кабинетѣ Шарко въ гипнотическомъ состояніи въ то время, когда

туда вошелъ докторъ дѣтской больницы Парро. Спрошенная объ имени иностранца, сомнамбула назвала его совершенно вѣрно. Оказалось, что двухлѣтнимъ ребенкомъ она была въ госпиталѣ, гдѣ находился и лѣчилъ больныхъ упомянутый врачъ ¹⁾. Комментаріи къ этому факту, кажется, излишни... Что можетъ быть слабѣе и отдаленнѣе впечатлѣній дѣтства, или даже—младенчества?...

Переходя къ вопросу о практическомъ значеніи гипнотизма, мы должны упомянуть, прежде всего, о такъ называемой „гипнотерапіи“, т. е.—лѣченіи болѣзней гипнотизмомъ и внушеніемъ. Многочисленные и достовѣрные факты успѣшнаго излѣченія болѣзней гипнотизмомъ и—вообще—психическимъ воздѣйствіемъ собраны—главнымъ образомъ—во французской литературѣ о гипнотизмѣ ²⁾. Мы не станемъ приводить здѣсь этихъ фактовъ; замѣтимъ только, что излѣченію гипнотическимъ внушеніемъ легче всего поддаются разнаго рода нервныя болѣзни, дурныя привычки, страсти и т. д. Бернгеймъ рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ паціентовъ, 72-хъ лѣтнемъ старикѣ, страшномъ алкоголикѣ, страдавшемъ къ тому же и ревматизмомъ. Врачи, считая старика неисправимымъ пьяницей, давно махнули на него рукой, но Бернгеймъ довольно скоро излѣчилъ его гипнотизмомъ. Послѣ нѣсколькихъ усыпленій, старикъ самъ попросилъ вычеркнуть изъ его дневной діеты водку, которая давалась ему, какъ безнадежному алкоголику, а спустя нѣкоторое время—записался даже въ общество трезвости и сталъ его ревностнѣйшимъ членомъ. Ревматическія боли скоро тоже исчезли, и во всю свою остальную жизнь старикъ отличался строгимъ воздержаніемъ въ пищѣ и питьѣ ³⁾. Не слѣдуетъ, однако, думать, что терапевтическое примѣненіе гипнотизма и внушенія не заключаетъ въ себѣ никакой опасности. Только въ рукахъ свѣдущаго и опытнаго врача гипнотизмъ можетъ быть полезенъ. Такой врачъ, замѣтивши, напр., что дыханіе и пульсъ паціента во время гип-

¹⁾ *Bine и Пере*—Жив. магнетизмъ, стр. 151.

²⁾ См., напр. у *Culler'a*—*La thérapeutique suggestive*, Paris 1893; *Liébaull*—*Thérapeutique suggestive*, Paris 1891 и др.

³⁾ *Витнеръ*, стр. 246.

ноза становятся неправильными и что появляются извѣстные нервные симптомы, предвѣщающіе неблагопріятныя послѣдствія, тотчасъ же прекращаетъ опытъ. Не такъ поступаютъ несвѣдущіе гипнотизеры: они подвергаютъ субъекта всякимъ случайностямъ, и результатомъ ихъ опытовъ бываетъ часто мучительная головная боль, дрожаніе мускуловъ и т. п. Не такъ давно въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ Германіи практиковалъ въ качествѣ гипнотизера бывшій цирюльникъ, и „одинъ господинъ, добровольно согласившійся гипнотизироваться, упалъ въ судорогахъ“. Французскій судъ приговорилъ въ 1887 году одного экспериментатора къ штрафу въ 1200 франковъ за гипнотизированіе мальчика, такъ какъ слѣдствіемъ гипноза и здѣсь были судороги ¹⁾. Подобныхъ примѣровъ можно привести цѣлыя сотни; но мы будемъ еще имѣть случай ниже поговорить о юридическомъ значеніи и примѣненіи гипнотизма и внушенія, а теперь скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ педагогическомъ значеніи.

Въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы уже пробовали примѣнять гипнотизмъ и внушеніе въ воспитательныхъ домахъ и исправительныхъ заведеніяхъ. Но это еще пока *ria desideria*... Когда дѣло идетъ о воспитаніи, то здѣсь, конечно, можно говорить о громадномъ значеніи внушенія вообще, а не внушенія гипнотическаго. Внушеніе, какъ мы уже знаемъ, не соединяется необходимо съ гипнозомъ: оно возможно и въ бодрственномъ состояніи, и даже—на разстояніи („мысленное внушеніе“). Мало того, оно есть явленіе весьма естественное и, можно сказать, универсальное. Вотъ такое-то обычное внушеніе представляетъ великую силу въ рукахъ опытнаго воспитателя—для искорененія дурныхъ привычекъ, скверныхъ наклонностей, несимпатичныхъ чертъ характера ребенка, страстей и т. п. Ребенокъ способенъ совершенно безсознательно повиноваться умѣлому внушенію, такъ что мысль о непослушаніи можетъ даже никогда и не возникнуть въ его умѣ. Конечно, такое внушеніе не должно переходить извѣстныхъ границъ, чтобы естественная склонность ребенка къ авторитету не убила въ немъ современемъ всякую самостоятельность. А

¹⁾ *Лурье*, стр. 18—20.

это возможно, если на душу ребенка будутъ всегда дѣйствовать безъ разумныхъ убѣжденій, и исключительно только однимъ внушеніемъ. Что касается гипнотизма, то едва ли онъ можетъ быть примѣняемъ въ педагогической практикѣ. Форель рассказываетъ, напр., объ одномъ мальчикѣ, который былъ за-гипнотизированъ съ цѣлью исправленія его отъ лѣни; на нѣкоторое время гипнозъ подѣйствовалъ, ребенокъ сталъ прилежнымъ; но потомъ лѣнь опять взяла свое. Когда же мальчика хотѣли загипнотизировать вторично, то онъ на отрѣзъ отказался, такъ какъ внушенное гипнозомъ прилежаніе было для него очень тягостно и непріятно. Если здравая педагогика имѣетъ цѣлью воспитать въ ребенкѣ любовь, а не отвращеніе, къ труду, то она, конечно, не станетъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ.

Въ заключеніе своей рѣчи о практическомъ значеніи гипнотизма и внушенія, мы хотѣли-бы еще разъ указать на всеобщій характеръ и универсальное, такъ сказать, значеніе внушеній вообще. Всѣ мы, отъ дѣтской колыбели—до глубокой старости, испытываемъ и воспринимаемъ массу всевозможныхъ внушеній отъ окружающей насъ среды совершенно „безсознательно“, точнѣе—„несознательно“: мы поглощаемъ эти внушенія, какъ воздухъ. Это не мѣшало-бы помнить яримъ поборникамъ „свободы“ въ современномъ значеніи слова, провозглашающимъ девизъ: „долой авторитеты и предрасудки! да здравствуетъ свобода“!... Объ этихъ борцахъ за свободу смѣло можно сказать, что они ниспровергли всѣ авторитеты, кромѣ—несомнѣнно—авторитетовъ собственныхъ нянекъ и мамокъ, съ молокомъ которыхъ они впитали въ себя большинство своихъ симпатій и принциповъ. Эти люди забываютъ ту простую истину, что наши личныя убѣжденія и симпатіи складываются задолго до того момента, когда въ насъ вырабатывается способность критическаго анализа, и что часто никакія усилія ума не могутъ поборотъ тѣхъ идей, которыя запали въ душу съ дѣтства, подѣ влияніемъ окружающей среды или превратнаго воспитанія. Впрочемъ, сколько-бы авторитетовъ люди ни ниспровергли, все равно они никогда не освободятся изъ-подъ власти чужого вліянія: вся разница въ томъ только, что на-

мѣсто ниспровергнутыхъ заслуженныхъ авторитетовъ могутъ явиться авторитеты призрачныя, ведостойныя. „Не давая себѣ въ томъ отчета,—говоритъ проф. Льебо,—мы приобретаемъ моральныя и политическія понятія, фамилныя, расовыя предразсудки и т. п., впитываемъ въ себя идеи, которыя составляютъ вокругъ насъ густую атмосферу“... А что сказать о тѣхъ безгласныхъ овцахъ „освободительнаго движенія“, которыя играютъ роль настоящихъ козловъ отпущенія, подставляя свои головы подъ плаху—прежде еще, чѣмъ успѣли даже понять—что такое это освободительное движеніе и каковы его благіе результаты?... Исторія не представляетъ примѣровъ болѣе невинныхъ жертвъ безпощаднаго общественнаго внушенія!... Сила и универсальное значеніе обычнаго непосредственнаго внушенія настолько велики, что благодаря ему, мы часто какъ будто теряемъ способность критическаго отношенія къ фактамъ и явленіямъ окружающей насъ дѣйствительности. Это одинаково справедливо—какъ по отношенію, напр., къ научной теоріи или гипотезѣ, сразу и безотчетно подкупающей насъ своимъ остроуміемъ, всеобщимъ признаніемъ или ученымъ авторитетомъ,—такъ и по отношенію къ какой-нибудь оперной пѣвицѣ, прославившейся своими гастрольями въ нашемъ городѣ... Слава такихъ кумировъ современной буржуазной и блуждающей мысли, каковы—напр.—М. Горькій и Л. Толстой, въ значительной мѣрѣ обусловливается этой силой и ролью общественнаго внушенія. Можно съ увѣренностью сказать, что если бы Л. Толстой подписалъ свою фамилію подъ любымъ произведеніемъ какого-нибудь бездарнаго беллетриста, то почитатели графа восхищались-бы этимъ произведеніемъ и нашли-бы здѣсь цѣлое море такихъ глубоко-оригинальныхъ идей, о какихъ никогда и не мечталъ самъ писатель—авторъ.

§ 4. Гипнотизмъ и религія въ древнее и новое время: гипнотизмъ и языческія религіи; гипнотизмъ и средніе вѣка; гипнотизмъ, христіанство и свобода воли. Моральная оцѣнка явленій гипнотизма и внушенія: злоупотребленія; преступныя внушенія.

Въ первомъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія мы уже говорили о томъ, что хотя происхожденіе современнаго гипнотизма отно-

сится къ недавнему сравнительно прошлому, но историческіе прецеденты ея коренятся въ глубокой древности, а именно — въ языческихъ гаданіяхъ, мантикѣ, теургіи и т. п. Поэтому, намѣреваясь теперь говорить объ отношеніи гипнотизма къ религіи вообще, мы вправѣ заглянуть и въ языческую древность, и въ средніе вѣка, такъ какъ и тамъ всюду можно видѣть слѣды гипнотизма, или — во всякомъ случаѣ — находить явленія, сродныя гипнозу и внушенію.

У всѣхъ народовъ древности мантика, магія и — вообще — тѣ явленія, которыя мы теперь называемъ внѣнотическими, стояли въ самой тѣсной и неразрывной связи съ языческой религіей. — такъ такъ въ объясненіи и пониманіи природы этихъ явленій господствовала теологическая точка зрѣнія: все сводилось къ вѣрѣ въ духовъ, демоновъ, гениевъ, которые служили посредниками между людьми и богами, и открывали людямъ будущее, сносясь непосредственно съ магами, чародѣями и т. п. Эта же теологическая точка зрѣнія на явленія, сродныя гипнозу и внушенію, перешла и въ средніе вѣка, и здѣсь — въ рукахъ средневѣковаго католицизма — принесла много бѣдъ человечеству. Вѣдь, съ этой точки зрѣнія, занятіе патологической магіей, а значитъ — и гипнотизмомъ, есть волшебство и чародѣйство въ буквальномъ смыслѣ слова, а всякій медумъ и гипнотизеръ суть орудія діавольской силы, слуги діавола; нервно — больные, напр. — истеричные, эпилептики, считались бѣсноватыми или одержимыми діаволомъ. Отсюда получаютъ свое начало, съ одной стороны, тѣ преслѣдованія всякихъ магнетизеровъ и пытки одержимыхъ — больныхъ, а — съ другой — тѣ ищѣленія бѣсноватыхъ посредствомъ заклинаній, — которыми заклеивали себя въ исторіи средневѣковый католицизмъ. Вліяніе злыхъ духовъ распространялось, безъ всякихъ для сего основаній въ Св. Писаніи и преданіи, на всю область ненормальныхъ явленій духовно-тѣлесной жизни человѣка, — хотя очень многія изъ этихъ явленій подлежатъ естественному объясненію и въ настоящее время изучаются патологіей. Можно сказать, что для средневѣковаго католицизма всѣ люди дѣлились на двѣ категоріи: здоровыхъ и бѣсноватыхъ. Отсюда ясно, что лѣчить больныхъ можно было только заклинаніями,

къ которымъ и прибѣгали нерѣдко почтенныя католическія патеры. Заклинанія въ этомъ случаѣ играли роль настоящихъ внушеній; а если къ этому прибавить, что больного почти всегда предварительно подвергали жестокой пыткѣ, чтобы узнать—дѣйствительно-ли онъ одержимъ дѣяволемъ,—то намъ будетъ понятно—почему заклинанія иногда достигали своей цѣли и облегчали болѣзнь: нервно-больной, или истеричный, впадалъ въ глубокой гипнозъ и всцѣлялся самовнушеніемъ, такъ какъ въра въ силу заклинаній была непоколебима и всеобща. Итакъ, преслѣдуя всякихъ магнетизеровъ и гипнотизеровъ, какъ „слугъ дѣвола“, подвергая пыткамъ или сожигая на кострахъ несчастныхъ больныхъ, какъ одержимыхъ злымъ духомъ колдуновъ, представители средневѣковаго католицизма сами пользовались гипнозомъ и внушеніемъ,—только были еще болѣе суевѣрны. Все дѣло въ томъ, что къ явленіямъ гипнотизма и внушенія, а также къ объясненію разнаго рода болѣзней, излѣчиваемыхъ этими средствами, прилагалась совершенно неумѣстная въ данномъ случаѣ теологическая точка зрѣнія. Она сказывается во всѣхъ почти заклинаніяхъ. Вотъ—для примѣра—текстъ одного заклинанія: „О, ты, душегубецъ, окаянный дѣяволъ, нечистый духъ, искушитель, лжець, еретикъ, пьяница, безумецъ! Заклинаю тебя, именемъ Господа нашего, выйди немедленно изъ этого человѣческаго тѣла, скройся въ пучинахъ морей, или исчезни въ безплодныхъ деревьяхъ, или въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ниодной христіанской души“... и т. д. Или еще: „Изыди, злой духъ, полный кривды и беззаконія; изыди, исчадіе лжи, изгнанникъ изъ общества ангеловъ; изыди, змѣя, оупостать хитрости и бунта; изыди“... и т. д. ¹⁾. Однако, и эти сильныя заклинанія католическихъ патеровъ часто оставались безплодными,—а иногда, наоборотъ, дѣло обходилось хорошо и безъ всякихъ заклинаній (это въ тѣхъ случаяхъ, конечно, когда устранялась теологическая точка зрѣнія). Вотъ одинъ случай, записанный сострадательнымъ защитникомъ несчастныхъ бѣсновалыхъ. Одна горожанка была у обѣдни вмѣстѣ со служанкою; съ послѣднею сдѣлался демоническій припадокъ; но почтенная дама, чуждая католическихъ

¹⁾ Ш. Рише. — Сомнамбулизмъ, демонизмъ и яды интеллекта. Рус. пер. стр. 241.

теологическихъ воззрѣній на природу демонизма, не смутилась и рѣшила примѣнить свои средства; по возвращеніи домой, она основательно высѣкла свою служанку,— послѣ чего дьяволъ рѣшилъ, что пребываніе его въ тѣлѣ, подвергаемомъ подобнымъ оскорбительнымъ внушеніямъ, далеко не заманчиво, и—убрался по добру, по здорову ¹⁾...

Вообще, слѣдуетъ сказать, что теологическая точка зрѣнія на природу явленій, сродныхъ гипнотизму и внушенію, дѣйствительно приближала представителей средневѣковаго католицизма и ихъ гипнотическую практику (заклинанія) къ языческой мантикѣ. А въ основѣ этой послѣдней лежали грубое суевѣріе и ложь, противныя истинной религіи и нравственности и достойные осужденія,—такъ какъ языческіе гадатели приписывали дѣйствіе своихъ магическихъ операцій не естественнымъ причинамъ, а общенію съ богами и демонами. Совершенно не то теперь, когда теологическая точка зрѣнія на явленія гипнотизма и внушенія отошла въ область преданій,—когда гипнотизмъ получилъ свое научно-психологическое объясненіе съ точки зрѣнія естественныхъ законовъ духовно-тѣлесной жизни человѣка. Къ современнымъ гипнотизерамъ и экспериментаторамъ странно уже было-бы прилагать ту нравственную мѣрку, какая приложима къ жрецамъ и служителямъ мантики.

Но въ какомъ-же отношеніи вообще стоитъ гипнотизмъ къ истинной религіи, къ христіанству, въ настоящее время? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы не можемъ сказать, чтобы явленія гипнотизма и внушенія противорѣчили какимъ-либо теоретическимъ положеніямъ или основнымъ пунктамъ христіанской религіи. Скорѣе—даже—наоборотъ. Самое Божественное Откровеніе, какъ сообщеніе человѣку высшихъ, недоступныхъ обыкновенному знанію, истинъ, сопровождаемое необходимымъ условіемъ—неземнымъ вдохновеніемъ и просвѣтленіемъ сознанія воспріимлющихъ это откровеніе лицъ, *есть актъ внушенія*. Возможность такого непосредственнаго внушенія, слабую аналогію котораго можно—между прочимъ—видѣть въ вышеописанныхъ фактахъ и явленіяхъ обыкновеннаго „мыс-

¹⁾ *Битнеръ*.—Чудеса гипнотизма, стр. 53—54.

леннаго внушенія“, основывается на *сродствѣ* человѣческаго духа съ Бесконечнымъ Духомъ Божественнымъ. А сродство это опредѣляется тѣмъ, что человѣческій духъ имѣетъ начало своего бытія и источникъ своей познавательной дѣятельности въ Божественномъ (ср. Быт. II. 7; Іов. XXXII, 8; Притч. II, 6). Подобная идея—о возможности общенія Божества со „сроднымъ“ Ему духомъ человѣческимъ, таготеющимъ къ Нему по самой природѣ своей, не чужда была уже великому философу древности Платону и подробно раскрыта у свв. отцовъ и учителей Церкви ¹⁾. Въ этомъ же находятъ свое объясненіе факты библейскаго пророчества, гдѣ мы встрѣчаемся съ явленіями, необычными въ исторіи другихъ народовъ. Ветхозавѣтный пророкъ,—этотъ вдохновенный посланникъ Іеговы, носитель и проповѣдникъ высшихъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ, воспитанный цѣлымъ рядомъ непрерывныхъ Божественныхъ внушеній,—не похожъ на языческаго мантика: онъ чуждъ экстаза и изступленія, ибо для него внушающей Силой является Св. Духъ, который не можетъ производить въ душѣ помраченія, какъ свѣтъ—не производитъ тьмы. Возрожденный „святыми внушеніями“ (Sanctis suggestionibus—Оригенъ), пророкъ созерцаетъ небесныя картины и, вдохновляемый ими, безстрашно идетъ „глаголомъ жечі сердца людей“... Онъ всецѣло проникнуть той живой вѣрой, которая составляетъ, какъ мы видѣли, первое и необходимое условіе всякаго внушенія ²⁾.

Что касается собственно христіанства, то и здѣсь идеи сверхъестественнаго воздѣйствія, благодати, всеисцѣляющей вѣры и т. д. составляютъ, можно сказать, центръ и основаніе всего остальнаго. Конечно, мы далеки отъ мысли злоупотреблять фактами естественно-психологическаго внушенія и объяснять—по аналогіи съ ними—чудесныя Евангельскія исцѣленія, какъ это дѣлаетъ напр. Бернгеймъ, или—всѣ христіанскіе догматы (твореніе, воплощеніе и проч.), какъ наивно пы-

¹⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ нашей статьѣ о пророч. состояніяхъ (Харьковъ 1902 г.).

²⁾ Подробнѣе о состояніяхъ пророческаго вдохновенія—по аналогіи съ фактами и явленіями естественно-психологическаго внушенія—см. въ той-же статьѣ, напечат. въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1902-й годъ.

тается сдѣлать это Шмидкунцъ ¹⁾). Всѣмъ такимъ психологамъ слѣдуетъ замѣтить, во-первыхъ, что аналогія—не доказательство, и что законъ *аналогии* есть законъ относительный, который не вездѣ можетъ быть приложимъ съ одинаковымъ правомъ, а во вторыхъ—что евангельскія событія имѣли много неизвѣстныхъ обуславливающихъ обстоятельствъ, чудесный и сверхъестественный характеръ которыхъ не позволяетъ простираť блѣдныя естественно-научныя аналогіи и гипотезы въ эту область. Экспериментаторъ не можетъ заставить своего субъекта ходить по водамъ, не можетъ повелѣвать вѣтрами и бурей, вообще—простираť свое вліяніе на стихіи: онъ является господиномъ только, такъ сказать, въ области человѣческой, въ сферѣ психо-физическихъ проявленій человѣческой природы и можетъ видоизмѣнять эти проявленія. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать того, что факты естественно-психологическаго внушенія по своей, такъ сказать, общей идеѣ могутъ отчасти служить къ уразумѣнію нѣкоторыхъ положеній христіанской религіи. Чудо, конечно, какъ явленіе сверхъестественное, совершается Божественною силою. Однако, не слѣдуетъ думать, что оно для своего осуществленія требуетъ непременно всякій разъ нарушенія тѣхъ законовъ природы, которые установлены Самимъ-же Творцомъ. Въ сферѣ тѣхъ-же *обычныхъ* законовъ и силъ оно только проявляется съ *необыкновенной* силой и интенсивностью. Это особенно слѣдуетъ сказать о проявленіяхъ духовной жизни или бытія вообще: по выраженію ученаго еп. Хрисанеа, „чрезвычайное, сверхъестественное состояніе духа виждется на основахъ естественныхъ“. Отсюда—евангельская вѣра, творящая чудеса, не должна называться чѣмъ-то невѣроятнымъ. На почвѣ живой вѣры христіанина, естественно ему присущей, составляющей его коренное духовное достояніе, совершаются чудеса Божественной силой, Божественнымъ воздѣйствіемъ, или, если угодно, даже—*сверхъестественнымъ* Божественнымъ *внушеніемъ*, которое возрождаетъ человѣка *естественно*, т. е.—безъ нарушенія или какого-либо извращенія законовъ его психической организаціи. Вѣдь, мы должны помнить (согласно сказанному выше), что внушеніе

¹⁾ *Schmidkunz—Psychologie der Suggestidu,—Stuttd. 1892.*

оано по себѣ—явленіе весьма естественное и по своимъ проявленіямъ—универсальное въ духовной жизни людей. Отсюда—Божественныя воздѣйствія на возрождаемаго человѣка не могутъ казаться чѣмъ-то *противоестественнымъ*; они только *сверхъестественны*,—*супра*—натуральны, а не *сонтра*—натуральны. Вѣра, по Евангелію, способна творить чудеса, прежде всего, въ собственномъ духовномъ мірѣ человѣка—въ смыслѣ духовно-нравственнаго возрожденія человѣка до богоуподобленія. Возрѣваемая-же Божественною благодатью, вѣра дѣйствуетъ еще сильнѣе, достигая въ святыхъ людяхъ своего апогея и проявляясь въ чудесныхъ дѣйствіяхъ даже внѣ человеческого духа, вліяя—такъ сказать—уже на самую внѣшнюю природу. Это значеніе вѣры, какъ величайшаго фактора и двигателя духовной жизни человѣка, не только не отрицается, но даже подтверждается явленіями гипнотическаго внушенія, въ которыхъ, какъ мы видѣли, одна *уверенность* субъекта въ томъ, что извѣстное состояніе наступитъ, вызываетъ это состояніе, „идея создаетъ гипнозъ“ (Бернгеймъ), „одни психические моменты вызываютъ извѣстныя дѣйствія“ (Вундъ)—подъ вліаніемъ внушенія...

Въ нѣсколько иномъ отношеніи стоятъ явленія гипнотическаго внушенія къ вопросу о *свободѣ воли*. Христіанство, конечно, не можетъ отрицать свободную волю человѣка. Между тѣмъ многіе изслѣдователи гипнотизма говорятъ, что послѣ всего того, что намъ извѣстно о внушеніи по отношенію къ нашимъ страстямъ, мыслямъ, всему нашему внутреннему міру, всей нашей дѣятельности, не можетъ быть и рѣчи о свободѣ воли. Все, что касается свободы воли, сводится здѣсь къ внушенію или самовнушенію. Но большинство подобныхъ сужденій основано на недоразумѣніи, по которому свободныя дѣйствія отождествляются съ безпричинными. На самомъ дѣлѣ, всѣ наши свободныя дѣйствія имѣютъ, конечно, свою причину,—такъ какъ вообще не можетъ быть дѣйствія безъ причины, и эта причина есть наша свободная воля. При томъ-же болѣе безпристрастные изслѣдователи гипнотизма признаютъ, что свободная воля гипнотика все-таки есть сила, съ которой прихо-

дится считаться экспериментатору, и что въ состояніи гипноза вообще не всегда наблюдается абсолютная потеря воли (*абудія*). Субъектъ можетъ, напр., сопротивляться неприятымъ для него внушеніямъ и нерѣдко приказаній не исполняетъ, если они идутъ въ разрѣзъ съ его убѣжденіями¹⁾. Поэтому-то сами экспериментаторы признаютъ, что для успѣшнаго введенія въ сознаніе извѣстнаго субъекта какой-либо идеи (т. е. — для внушенія) весьма важно повліять на обычную дѣятельность его разума и воли и подчинить эти психическія силы внушаемой идеѣ, или же оправдать предъ ними эту идею, т. е. (другими словами) подѣйствовать на свободныя убѣжденія субъекта. Кромѣ того, даже субъекты, легко поддающіеся гипнозу, реагируютъ на внушенія экспериментатора весьма разнообразно, въ зависимости отъ своихъ индивидуальныхъ особенностей и отличій, а это означаетъ, что они не теряютъ своей личности²⁾. По мнѣнію Бюхнера, истинное основаніе всѣхъ гипнотическихъ явленій заключается въ волѣ личности, служащей объектомъ опыта: „добрая воля гипнотизируемаго субъекта есть необходимое условіе гипноза; посему, скептики, реалисты, саркастическія натуры трудно гипнотизируемы“³⁾... Такими сужденіями, очевидно, въ принципѣ отрицается полный автоматизмъ или механичность гипнотическихъ состояній. Если же часто бываетъ, что сопротивленія субъекта ни къ чему не приводятъ и воля экспериментатора беретъ верхъ, — если подъ вліяніемъ, особенно, гипнотическаго воспитанія экспериментаторъ безъ труда заставляетъ субъекта продѣлывать самыя нелѣпыя и — даже — преступныя дѣйствія, — то это уже относится къ злоупотребленіямъ и есть дѣло моральной оцѣнки гипнотическихъ явленій.

„Изъ всѣхъ отношеній, говоритъ Вундтъ, въ которыя можетъ стать человѣкъ къ человѣку, самое безнравственное — то, когда одинъ становится машиной во власти другого. И это

¹⁾ Гилларовъ, стр. 171; Кирилловъ, стр. 78; Forel, в. 58 и 100. Особенно много фактовъ у Боки — Гипнотизмъ.

²⁾ Ср. Bernheim — Hypnotisme. . etc. p. 98; Вундтъ — Основъ фізіол. психологій, стр. 925.

³⁾ Büchner — Wahrheit und Dichtung im Hypnotismus.

не только въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, обращенный въ машину, служитъ орудіемъ безнравственныхъ цѣлей, но такое отношеніе безнравственно само по себѣ, совершенно независимо отъ того, какъ оно прилагается¹⁾. Частая гипнотизація приводитъ къ тому, что внушенія очень легко производятся и въ состояніи бодрствованія. А это уже ясно показываетъ, что нравственная устойчивость подобныхъ субъектовъ сильно ослаблена. Дѣйствительно, опыты показали, что въ состояніи гипноза человѣкъ можетъ совершить преступленіе безъ всякаго повода, по одному только внушенію. Мало того,—подъ вліяніемъ вызываемыхъ гипнозомъ отрицательныхъ галлюцинацій,—субъектъ можетъ обвинить себя въ небываломъ преступленіи и съ необычайной живостью рассказать о немъ. Такимъ образомъ, гипнотизмъ можетъ имѣть и чисто криминальное значеніе. Гипнотику очень легко внушить подписать какой угодно вексель, поддѣлать чью-нибудь подпись, дать ложное показаніе и т. д. Нечего и говорить, что уголовная отвѣтственность во всѣхъ указанныхъ случаяхъ должна падать на дѣйствительнаго преступника, т. е.—(на) экспериментатора, а не на гипнотика, котораго слѣдуетъ приравнять въ этомъ отношеніи къ душевно-больному.

Изъ сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ, что гипнотическія внушенія не могутъ имѣть никакого положительнаго значенія. Вѣдь, посредствомъ ихъ же открывается возможность подчасъ обнаружить дѣйствительное и скрытое преступленіе. Кроме того, внушенія въ рукахъ благонамѣреннаго человѣка, какъ мы уже говорили (§ 3 й), могутъ имѣть громадное педагогическое значеніе. Что же касается всякихъ злоупотребленій, то, вѣдь, злоупотреблять можно всѣмъ рѣшительно, а не однимъ только гипнотизмомъ... Въ этомъ случаѣ намъ остается только съ грустью повторить слова одного мыслителя, который сказалъ: „все выходитъ прекраснымъ изъ рукъ Творца, но все портится въ рукахъ человѣка“!²⁾...

¹⁾ *Видтъ*—Гипнотизмъ и внушеніе.

²⁾ Ж. Ж. Руссо: „tout est bien, sortant des mains de l'auteur des choses: tout dégénère entre les mains de l'homme“ (Emile). См. „Dictionnaire de Pédagogie“... de T. Buisson, sur l'article „Roussau“.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

§ 5. Спиритизмъ, медиумизмъ, анимизмъ и проч. въ ихъ отношеніи къ гипнотизму. Степень научной достовѣрности спиритическихъ и вообще медиумическихъ явленій.

Хотѣлось бы въ заключеніе подробнѣе поговорить о спиритизмѣ, но рассматриваемый съ психологической точки зрѣнія онъ не долженъ быть смѣшиваемъ или даже отождествляемъ съ гипнотизмомъ, и изучающій явленія гипнотизма не обязанъ быть специалистомъ непременно и въ области спиритизма, такъ какъ между этими двумя явленіями мало или почти ничего нѣтъ общаго. Гипнотизмъ давно уже служитъ предметомъ научно-психологическаго изслѣдованія, — тогда какъ въ спиритизмѣ еще до сихъ поръ строго не разграничена истина отъ обмана со стороны медиумовъ. Положительная наука можетъ пока или молчаливо признавать реальность нѣкоторыхъ спиритическихъ явленій, или совершенно отрицать спиритизмъ. Нѣкоторые даже полагаютъ, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ теоріи гипнотизма, а вмѣстѣ съ этимъ — интереса къ изученію всего загадочнаго въ человѣческой природѣ, спиритизмъ совершенно исчезнетъ, — такъ какъ „опла его заключается въ нашемъ незнаніи и въ отсутствіи мужества признать это“¹⁾.

Въ нашей русской литературѣ есть одно сочиненіе, представляющее собою плодъ добросовѣстнаго и вполне обстоятельнаго изученія всѣхъ спиритическихъ явленій; это — книга А. Н. Аксакова „Анимизмъ и спиритизмъ“. Почтенный авторъ, посвятившій всю свою жизнь изученію спиритизма и его различныхъ видовъ, объясняетъ спиритизмъ, какъ и всѣ медиумическія явленія, на почвѣ „бессознательнаго дѣйствія живого неловѣка“, предполагая, что ваша психическая бессознательная дѣятельность не ограничивается предѣлами нашего тѣла, но можетъ проявлять себя физически (и даже пластически) и внѣ границъ тѣлесной сферы медиума. Изученію „бессознательнаго“ въ нашей природѣ Аксаковъ придаетъ очень важное значеніе, и ставитъ въ зависимость отъ этого судьбу спиритизма. Такимъ образомъ, почтенный защитникъ спиритизма приближается здѣсь къ явленіямъ гипнотизма, въ которыхъ „бессознательное“, какъ мы видѣли, играетъ очень

¹⁾ *Витнеръ*, стр. 260.

важную роль и даже получаетъ свое надлежащее объясненіе. Но упорно стоя на сторонѣ медиумизма, Аксаковъ всю область явленій, представляющихъ несознаваемые („безсознательныя“) реальныя дѣйствія внутренняго существа живого человѣка за предѣлами его физическаго организма, обозначаетъ (въ отличіе отъ спиритизма) словомъ *анимизмъ*. Этотъ-то анимизмъ Аксаковъ называетъ *первой* большою категоріей, подъ которую можно подвести всѣ медиумическія явленія. *Вторую* категорію этихъ явленій нашъ авторъ обозначаетъ терминомъ *персонизмъ*. Подъ этимъ названіемъ онъ объединяетъ „всѣ психическія безсознательныя явленія, имѣющія мѣсто *внутри* предѣловъ тѣлесной сферы медиума (въ отличіе отъ анимизма), коихъ отличительная черта состоитъ большей частью въ персонификаціи, т. е. — въ принятіи не только имени, но и характера *личности*, посторонней медиуму“. Въ этихъ явленіяхъ Аксаковъ справедливо видитъ проявленіе раздвоенія сознанія и довольно паивно усматриваетъ *великій фактъ* двойственности нашего психическаго существа“, — забывая, очевидно, еще болѣе *великій фактъ* единства и тождества нашего самознанія. Здѣсь опять мы должны замѣтить, что факты раздвоенія сознанія или измѣненія личности наблюдаются и въ вѣдуральномъ и въ искусственномъ сомнамбулизмѣ, а главное — при пивновѣ (какъ мы видѣли) въ искусственно вызванныхъ галлюцинаціяхъ. Въ этихъ-то явленіяхъ гипнотизма указанные факты и находятъ свое объясненіе, и отнюдь не могутъ служить доказательствомъ реальности спиритическихъ сеансовъ, гдѣ часто вмѣсто дѣйствительнаго раздвоенія сознанія или личности просто бываетъ поддѣлка и обманъ со стороны медиумовъ, — чего не отрицаетъ и самъ Аксаковъ. Наконецъ, *третью* категорію медиумическихъ явленій Аксаковъ называетъ *спиритизмомъ* въ собственномъ смыслѣ. Сюда относятся тѣ-же явленія анимизма и персонизма, но въ тѣхъ случаяхъ, когда „дѣйствующая причина ихъ находится не только внѣ медиума, но и внѣ нашей сферы бытія“. Однако, „дузовъ“ нашъ авторъ не признаетъ въ качествѣ главныхъ дѣятелей на спиритическихъ сеансахъ, и предлагаетъ даже замѣнить соблазнительное названіе „спиритизмъ“ словомъ „медиумизмъ“.

Изъ представленнаго обѣглаго обзора теоріи Аксакова видно,

что первыя двѣ категоріи медиумическихъ явленій (т. е. анимизмъ и персонизмъ), за которыми современная наука только и можетъ признать вѣроятность, вторгаются въ область гипнотизма, и—несомнѣнно—только благодаря ему трактуются, какъ явленія болѣе или менѣе реальныя, а спиритизмъ (3я категорія) по прежнему остается не у дѣль. Самъ Аксаковъ сознается, что въ спиритизмѣ нѣтъ возможности всякій разъ изобличить ошибку или обманъ,—особенно—въ присутствіи профессиональныхъ медиумовъ, сдѣлавшихъ спиритическіе сеансы средствомъ своего существованія.

Чтобы заслужить всеобщее признаніе, всякое явленіе должно выдержать критику научнаго эксперимента, такъ какъ всякая положительная наука должна быть экспериментальной. Гипнотизмъ вполне удовлетворяетъ требованіямъ научнаго эксперимента,—тогда какъ для спиритизма это пока еще—*rius desiderium*. Вся сила научнаго эксперимента состоитъ въ томъ, чтобы его можно было всякій разъ повторять при тѣхъ-же условіяхъ; а для этого самыя условія должны: 1) быть извѣстны, 2) приведены въ возможно простой видъ и 3) находиться въ распоряженіи экспериментатора (В. С. Соловьевъ). Между тѣмъ, въ опытахъ чисто-спиритическихъ (если даже предположить реальность явленій спиритизма) главныя условія, т. е. тѣ существа, которыя дѣйствуютъ на медиума (кто-бы они ни были—умершіе индивиды, или „духи“) 1) опредѣленно неизвѣстны, 2) предполагаются крайне сложными и загадочными и 3) никогда не находится въ распоряженіи экспериментатора.

Что касается, наконецъ, пониманія самой производящей или основной причины спиритическихъ явленій, то пока еще спириты видятъ эту причину въ „безсознательномъ“, или-же въ магическихъ силахъ души, бѣда не велика, но—разъ они начинаютъ наполнять свои лабораторіи настоящими „духами“, то уже напоминаютъ намъ языческихъ маговъ, или—по меньшей мѣрѣ—средневѣковыхъ патеровъ—заклинателей... Здѣсь въ объясненіе спиритическихъ явленій вводится уже та суетвѣрная теологическая точка зрѣнія, которая, какъ мы видѣли, натворила много бѣдъ въ эпоху средневѣковаго католицизма, когда была прилагается къ объясненію гипнотизма и сродныхъ съ нимъ явленій.

Теодоръ Владимірскій.

ИЗВѢСТІЯ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Августа № 15 1906 года.

Содержаніе. I. Именной Высочайшій Указъ, данный Правительствующему Сенату.— Предложеніе Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Харьковской Духовной Консисторіи.— Епархіальныя Извѣщенія.— Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ Эмеритальной кассы духовенства Харьковскій епархія за 1905 годъ.— Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ Духовномъ Училищѣ за 1905—1906 учебный годъ.— Отъ Купянскаго Уѣзднаго Отдѣленія Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.— Отъ Совѣта Харьковскаго Отдѣленія Попечительства о глухонѣмыхъ

I.

Именной Высочайшій указъ,

данный Правительствующему Сенату.

Юля 27-го. „Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія, Двора Нашего, въ званіи камергера, дѣйствительному статскому совѣтнику *Извольскому*—**Всемилоостивѣйше повелѣваемъ** быть **Оберъ-Прокуроромъ** Святыѣшаго Синода, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи“.

Предложеніе Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Харьковской Духовной Консисторіи.

Консисторія сообщать епархіальному миссіонеру И. Е. Айвазову, что я признаю полезнымъ и желаю, чтобы онъ въ осеннія и зимнія миссіонерскія окружныя собранія епархіальнаго духовенства преподавалъ ему систематически свѣдѣнія о существующихъ въ Харьковской епархіи сектахъ, а равно объ основаніяхъ и способахъ опроверженія оныхъ и въ краткомъ, но обстоятельномъ, видѣ изложилъ то и другое на бумагѣ, чтобы бесѣды эти могли быть напечатаны въ журналѣ «Вѣра и Разумъ», потомъ изъяты отсюда въ видѣ оттисковъ и розданы тому же духовенству для руководства.

Это принесетъ гораздо больше пользы, нежели предлагаемые имъ миссіонерскіе курсы, на содержаніе которыхъ пока еще у насъ нѣтъ денегъ.

Хорошо тоже самое сдѣлать относительно видовъ старообрядчества, имѣющихся въ Харьковской епархіи.

На подлинномъ подписано:

Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

№ 435. Августа 10 дня 1906 г.

Епархіальныя извѣщенія.

1. Обь открытіи прихода съ причтомъ.

Указомъ Св. Синода, отъ 28 іюля 1906 г. за № 8094 дано знать, что согласно ходатайству Харьковскаго Епархіальнаго Преосвященнаго при Николаевской церкви, села Александровки, Богодуховскаго уѣзда, приписанной къ Покровской церкви, слоб. Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, возстановленъ самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ овященника и псаломщика, съ назначеніемъ на содержаніе сего причта казеннаго жалованья: священнику 300 руб. и псаломщику 100 руб.

2 Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ Преображенской церкви, слободы Закотной, Старобѣльскаго уѣзда, *Василій Григоровичъ* опредѣленъ 24 іюля н. г. на 2-е священническое мѣсто при Петро-Павловской церкви, сл. Павловки, того же уѣзда.

б) Діаконъ-псаломщикъ церкви, сл. Райгородки, Изюмскаго уѣзда *Іоаннъ Павловъ* опредѣленъ 30-го іюля на діаконское мѣсто при церкви, сл. Закотной, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Крестьянинъ *Леоптій Максименко* опредѣленъ 25 іюля н. д. псаломщика къ Благовѣщенской церкви, слоб. Благодатной, Волчанскаго у.

г) Крестьянинъ *Гордѣй Левенецъ* опредѣленъ 25-го іюля н. д. псаломщика къ Троицкой церкви, слоб. Черкаскаго Бинкаца, Зміевского уѣзда

д) Бывшій псаломщикъ *Владиміръ Яновскій* опредѣленъ 25-го іюля на псаломщицкое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Волоховки, Волчанскаго уѣзда.

е) Заштатный псаломщикъ *Михаилъ Коитковскій* опредѣленъ 26-го іюля на псаломщицкое мѣсто при Преображенской церкви, слоб. Половинкиной, Старобѣльскаго уѣзда.

ж) Крестьянинъ *Косьма Муха* опредѣленъ 25 іюля н. д. псаломщика къ Андреевской церкви, слободы Оватовой-Лучки, Купянскаго уѣзда.

з) Сынъ псаломщика *Алексеѣй Федоровскій* допущенъ 1-го августа къ исправленію должности псаломщика при Архангело-Михаиловской церкви, слоб. Даниловка, Старобѣльскаго уѣзда.

і) Осыъ псаломщика *Феодоръ Рубинскій* допущенъ 2-го августа къ исправленію должности псаломщика при Николаевской церкви, слоб. Деркачевки, Лебедискаго уѣзда.

н) Крестьянинъ *Евменій Кушнаревъ* опредѣленъ 7 августа на псаломщицкое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Царбориной, Изюмскаго уѣзда.

3. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Іосифо-Обручницкой церкви, слободы Мечебнловой, Изюмскаго уѣзда, Сергій *Любарскій* перемѣщенъ 8 августа на священническое мѣсто при Троицкой церкви, слободы Славгородка, Ахтырскаго уѣзда.

б) Псаломщикъ Благовѣщенской церкви, слободы Благодатной, Волчанскаго уѣзда, Евгений *Ильяшенко* перемѣщенъ 25 іюля на псаломщицкое мѣсто при Преображенской церкви, города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

в) Псаломщикъ Преображенской церкви, слободы Половинкиной, Старобѣльскаго уѣзда, Иванъ *Протопоповъ* перемѣщенъ 26 іюля на псаломщицкое мѣсто при Воскресенской церкви, села Хорошева, Харьковскаго уѣзда.

г) Псаломщикъ Андреевской церкви, слободы Сватовой-Луки, Купянскаго уѣзда, Семенъ *Полтавцевъ* перемѣщенъ 26 іюля на псаломщицкое мѣсто при Соборной Покровской церкви, города Ахтырки.

4. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Петро Павловской церкви, слоб. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, Александръ *Воскобойниковъ*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 19 іюля 1906 года.

б) Священникъ Свято-Духовской церкви, слободы Копоновки, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Шимловъ*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 31 іюля 1906 года.

в) Священникъ Троицкой церкви, слободы Славгородка, Ахтырскаго уѣзда, Арсеній *Любарскій*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 8-го августа.

5. О смерти духовенства.

а) Псаломщикъ Воскресенской церкви, села Хорошева, Харьковскаго уѣзда, Константинъ *Поповъ* умеръ 20 іюля 1906 года.

б) Псаломщикъ Архангело-Михаиловской церкви, слободы Даниловки, Старобѣльскаго уѣзда, Андрей *Федоровскій* умеръ 22 іюля 1906 года.

6. О пожертвованіи.

Въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ 1906 года въ Харьковскую Духовную Консисторію поступило пожертвованій отъ церквей и монастырей епархій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая 1293 рубля 15 коп., а съ прежде поступившими 4276 рублей 64 коп.

7. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Петро-Павловской церкви, слободы Шаровой, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 25-го іюля старостою крестьянинъ *Вмельянъ Кучеренко*.

б) Къ Сошествіевской церкви, хутора Пѣвлева, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 24 іюля старостою крестьянинъ *Димитрій Бабешковъ*.

в) Къ Успенской церкви, слободы Стрѣльцовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 24 іюля старостою крестьянинъ *Прскопій Горловъ*.

г) Къ Митрофаніевской церкви, слоб. Куземовки, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 24 іюля старостою крестьянинъ *Васпій Бавык*.

д) Къ Николаевской церкви, слободы Семеповки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 24 іюля старостою крестьянинъ *Акимъ Капустникъ*.

е) Къ Θεодосіевской церкви, слободы Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 24 іюля старостою крестьянинъ *Филиппъ Гиренко*.

ж) Къ Николаевской церкви, слоб. Царьборисовой, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 27 февраля старостою дворянинъ *Григорій Сафоновъ*.

з) Къ Николаевской церкви, слоб. Лививки, Зміевского уѣзда, утвержденъ 31 іюля старостою крестьянинъ *Севастіанъ Сотниковъ*.

і) Къ Христорождественской церкви, слоб. Береки, Зміевского уѣзда, утвержденъ 31 іюля крестьянинъ *Иванъ Булаковъ*.

к) Къ Георгіевской церкви, села Филанкова, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 1 августа старостою крестьянинъ *Іуліанъ Папуця*.

л) Къ Трехсвятительской церкви, слободы Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 4 августа старостою крестьянинъ *Василій Щербакъ*.

м) Къ Георгіевской церкви, слободы Бѣловода, Оумскаго уѣзда, утвержденъ 3 августа старостою крестьянинъ *Петръ Емельяненко*.

8. Объ утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности..

а) И. д. псаломщика Богородичной церкви, слоб. Александрополя Старобѣльскаго уѣзда, *Яковъ Шапошиковъ* утвержденъ въ должности псаломщика 24 іюля сего года.

б) И. д. псаломщика Петро-Павловской церкви, слоб. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, *Михаилъ Капустникъ* утвержденъ въ должности псаломщика 24 іюля н. года.

в) И. д. псаломщика Успенской церкви, слоб. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда, *Игнатій Стефановскій* утвержденъ въ должности псаломщика 24 іюля сего года.

г) И. д. псаломщика Вознесенской церкви, села Лизина, Старобѣльскаго уѣзда, Григорій *Молчановъ* утвержденъ 24 іюля въ должности псаломщика.

д) И. д. псаломщика церкви села Овчарова, Старобѣльскаго уѣзда, Евгеній *Сокальскій* утвержденъ въ должности псаломщика 24 іюля н. г.

е) И. д. псаломщика Тихоновской церкви, слободы Остельмаховки, Купянскаго уѣзда, Алексѣй *Лижнижскій* утвержденъ въ должности псаломщика 31 іюля сего года.

9. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

а) Священникъ Покровской церкви, слоб. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда, Михаилъ *Орловъ* утвержденъ въ должности законоучителя Декретшевскаго народнаго училища, Богодуховскаго уѣзда 1 августа 1906 г.

б) Священникъ Троицкой церкви, города Славянска, Изюмскаго уѣзда, Стефанъ *Жуковъ* уволенъ 3 августа отъ должности законоучителя Славянскаго однокласснаго училища.

в) Священникъ Успенской церкви, слободы Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Ветуховъ* утвержденъ 2 августа въ должности законоучителя Бѣлокуракинскаго народнаго училища.

10. В а к а н т н ы я м ѣ с т а.

а) Священническія.

При Николаевской церкви, слоб. Николаевки 1-й, Волчанскаго уѣзда.

— Свято-Духовской церкви, слоб. Копоновки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, села Александровки, Богодуховскаго уѣзда.

— Іосифо Обручницкой церкви, слободы Мечебилковой, Изюмскаго уѣзда.

б) Діаконскія.

При Александро-Невской церкви, села Рай-Александровки, Изюмскаго у.

в) Псаломщичкія:

При Харьковской Институтской Маріе-Магдалинской церкви.

— Сергіевской церкви, Харьковской 2-й гимназіи.

При Осіе-Андреевской церкви, Харьковскаго Реальнаго училища.

— Архангело-Миханловской церкви, села Райгородка, Изюмскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, села Александровки, Богодуховскаго уѣзда.

О Т Ч Е Т Ъ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи. (Одиннадцатый годъ со времени открытія кассы).

Къ 1-му января 1905 года въ остаткѣ отъ 1904 года суммъ эмеритальной кассы состояло 978420 р. 21 к.

Сумма сія заключалась:

1. Въ билетѣ 1-го внутрен. съ выигрыш. займа въ	100	—	»
2. Въ билетѣ 2-го внутрен. съ выигрыш. займа въ	100	—	»
3. Въ билетѣ дворян. земельн. съ выигр. займа въ	100	—	»
4. Въ 9-ти свидѣтельствахъ 4 ^o /о Государственной ренты по 1000 р. каждое, на	9000	—	»
5. Въ 3-хъ свидѣтельствахъ тойже ренты по 100 р. каждое на	300	—	»
6. Въ квитанціи Харьковской конторы Государственнаго Банка отъ 24 сентября 1904 г. за № 328537 на отданныя Конторѣ Банка, для обмѣна купонныхъ листовъ, свидѣтельства 4 ^o /о Государственной ренты, на сумму	848600	—	»
7. Въ долговыхъ квитанціяхъ Правленія Харьковского Епархіальнаго свѣчнаго завода	120000	—	»
8. Наличными деньгами	220	21	»
<hr/>			
Итого	978420	р. 21	к.

Въ теченіе 1905 года поступило:

I. Наличными деньгами:

а) Членскихъ взносовъ отъ участниковъ кассы обязательныхъ и добровольныхъ	31682	—	»
(Въ томъ числѣ: взносовъ за 1905 г. 30920 р., недоимокъ за прежніе годы—174 р. и взносовъ за будущіе годы 588 р.).			
б) Взносовъ отъ церквей епархіи по § 15 уст. кас.	8705	82	»
в) Взносовъ отъ Епархіальнаго свѣчнаго завода по § 16 уст. кассы	20000	—	»
(Въ томъ числѣ: за 2 полов. 1904 г. 10000 р. и за 1 полов. 1905 г. 10000 р.).			

г) Процентовъ на капиталъ кассы	40725 р. 17 к.
(Въ томъ числѣ засчитано 360 р. 88 к., уплаченныхъ кассою при покупкѣ процентныхъ бумагъ, за проценты по текущимъ купонамъ. См. I ст. расход. лит. 3).	
д) Штрафныхъ за несвоевременное представленіе взносовъ	46 " 72 "
е) Взносовъ на управленіе кассою	2321 " 6 "
ж) Случайныхъ поступленій	117 " 55 "
(Возвращ. благочин. эмерит. пенс. за смертію и выходомъ въ замуж. подругателей).	
з) Оборотныхъ—за проданныя процентныя бумаги	421 " 79 "
<hr/>	
Итого	103500 р. 10 к.

II. Билетами:

а) Приобрѣтено процентныхъ бумагъ за наличныя деньги	83600 р. — к.
б) Поступило билетовъ въ обмѣнъ за мелкія процентныя бумаги	19900 " — "
в) Получены изъ Харьковской конторы Государственнаго Банка свидѣтельства 4% государственной ренты, послѣ обмѣна купонныхъ листовъ, на	848600 " — "
<hr/>	
Итого	952100 р. — к.

III. Долговыми квитанціями Правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода въ 1905 г. на приходъ суммъ не поступало.

Всего—наличными деньгами и билетами въ 1905 г. поступило на приходъ 1055620 р. 11 к.

А съ остаточными отъ прошлаго 1904 г. въ 1905 г. на приходъ значится:

Наличными деньгами	103740 р. 32 к.
Билетами	1810300 " — "
Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода	120000 р. — к.
<hr/>	
А всего	2034040 р. 32 к.

Въ теченіе 1905 года израсходовано:

I. Наличными деньгами:

а) На выдачу эмеритальной пенсіи	24171 р. 27 к.
(Въ эту сумму входятъ 117 р. 55 к., возвращ. благочин. обратно въ кассу, см. I ст. приход. лѣт. ж.).	
б) На выдачу процентовъ съ капитала, собраннаго отъ духовенства епархіи въ пользу семействъ умершихъ священно и церковно-служителей	2620 „ 24 „
в) На выдачу жалованья членамъ Правленія и другимъ служащимъ въ кассѣ	1746 „ — „
г) На канцелярскія принадлежности, почтовые и другіе мелкіе расходы по кассѣ	83 „ 37 „
д) На застраховку выигрышныхъ билетовъ отъ тиражей погашенія	26 „ 40 „
е) На возвратъ взносовъ	103 „ — „
ж) На уплату Харьковской конторѣ Государственнаго Банка за храненіе процентныхъ бумагъ	360 „ — „
з) На покупку процентныхъ бумагъ	73637 „ 90 „
(Въ томъ числѣ уиочено за проценты по текущимъ купонамъ 360 р. 88 к.).	

Итого 102748 р. 18 к.

II. Билетами.

а) Продано процентныхъ бумагъ для обмѣна на болѣе крупныя	500 р. — к.
б) Обмѣнены мелкія процентныя бумаги на болѣе крупныя	19900 „ — „
в) Выписана въ расходъ квитанція Харьковской конторы Государственнаго Банка, за полученіемъ свидѣтельствъ 4 ⁰ / ₀ Государственной ренты, послѣ обмѣна купонныхъ листовъ, на	848600 „ — „
<hr/>	
Итого	869000 р. — к.

III. Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода въ 1905 г. въ расходъ суммъ не поступало.

Всего — наличными деньгами и билетами въ 1905 г. израсходовано 971748 р. 18 к.

Къ 1-му января 1906 года состоитъ въ остаткѣ:

Наличными деньгами	992 р. 14 к.
Билетами	941300 „ — „
Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода	120000 „ — „
<hr/>	
А всего	1062292 р. 14 к.

Въ истекшемъ 1905 году выдана эмеритальная пенсія

По Ахтырскому уѣзду—1659 руб. 62 к., по Богодуховскому уѣзду—1589 руб. 95 коп., по Валковскому уѣзду—982 руб. 15 коп., по Волчанскому уѣзду—1102 руб. 15 коп., по Зміевскому уѣзду—2715 руб. 65 коп., по Изюмскому уѣзду—2839 руб. 85 коп., по Купянскому уѣзду—1647 руб. 75 коп., по Лебединскому уѣзду—1963 руб. 5 коп., по Старобѣльскому уѣзду—4293 руб. 35 коп., по Сумскому уѣзду—1904 руб. 90 коп., по г. Харькову—1768 руб. 25 коп., по Харьковскому уѣзду—1704 руб. 60 к., а всего по епархіи—24171 руб. 27 к.

Предсѣдатель правленія, Протоіерей *Іоаннъ Знаменскій*.

Члены } Казначей, Протоіерей *Александръ Θεодоровскій*.
 Правленія: } Дѣлопроизводитель, Протоіерей *Николай Гутниковъ*.

Бухгалтеръ кассы псаломщикъ *Тихонъ Степурскій*.

1906 года іюля 5 дня, настоящей отчетъ свѣренъ съ прихода-расходною книгою за 1905 годъ и во всѣхъ статьяхъ признается правильнымъ.

Члены Временно- } Священникъ *Даніилъ Поповъ*.
 Ревизионнаго Комитета } Священникъ *Сергій Уманцевъ*.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1905—1906 учебный годъ.

Смотритель училища, протоіерей Арвадій Θεодоровичъ *Грузовъ*, кандидатъ богословія, имѣеть ордена: св. Анны 3 ст. и св. Станислава 3 ст., наперстный крестъ, камилавку, серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III и знакъ Краснаго Креста. По окончаніи курса наукъ въ Московской духовной академіи въ 1876 г. со степенью кандидата богословія и правомъ искать степени магистра, не подвергаясь устному испытанію, состоялъ преподавателемъ исторіи въ Московскомъ Комисаровскомъ техническомъ училищѣ (1876—1886 г.), исторіи, географіи и педагогикѣ въ Александро-Маріинскомъ и Маріинскомъ женскихъ училищахъ въ Москвѣ, вѣдомства Императрицы Маріи (1875—

1890 г.): Въ 1890 году рукоположенъ во священника настоятеля Вознесенской с. Песокъ церкви, при г. Изюмъ; съ 24-го іюня 1892 назначенъ смотрителемъ училища.

Помощникъ смотрителя, священникъ Іаковъ Прокофѣевичъ *Матусевичъ*, кандидатъ богословія, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст., серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III и фюлатовую скуфью; окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1892 г., 21 октября 1893 г. назначенъ учителемъ церковно-приходской школы въ с. Витонижъ, Волынской губ., 12 марта 1894 г. опредѣленъ на должность надзирателя въ Мѣлецкое духовное училище, 1-го августа 1894 г. перевѣщенъ на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи; съ 3 сентября 1899 г. проходитъ должность заочника въ Харьковскомъ земледѣльческомъ училищѣ, 31 января 1901 года назначенъ на настоящую должность.

Преподаватели:

1. Русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ, кандидатъ богословія Федоръ Федоровичъ *Горамизъ*; по окончаніи курса въ С.-Петербургской духовной академіи со степенью кандидата богословія и правомъ искать степень магистра, не подвергаясь новому устному испытанію, назначенъ 3 октября 1902 года учителемъ Сумскаго духовнаго училища; съ 2 іюля 1903 года по 30 марта 1905 года состоялъ членомъ Правленія училища.

2. Стерній учитель—учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ 1 классѣ, надворный совѣтникъ, Владиміръ Васильевичъ *Сукачевъ*, имѣеть орденъ св. Анны 3 ст., св. Станислава 3 ст. и серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III. Въ 1880 году окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента, съ 9 ноября 1880 г. учитель латинскаго языка въ Ахтырскомъ, нынѣ Сумскомъ, духовномъ училищѣ; 19 августа 1885 г. преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ.

3. Греческаго языка, надворный совѣтникъ, кандидатъ богословія Алексѣй Михайловичъ *Литкевича*. Окончилъ курсъ ученія въ Московской духовной академіи въ 1897 г., съ 15 августа 1898 г. состоялъ въ должности надзирателя-репетитора Харьковской духовной семинаріи; 12-го сентября 1899 г. назначенъ учителемъ Сумскаго духовнаго училища; 1 марта 1906 г. назначенъ членомъ училищнаго Правленія.

4. Латинскаго языка, надворный совѣтникъ, кандидатъ богословія Александръ Григорьевичъ *Дьякофъ*. Окончилъ курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи въ 1897 г., съ 14 сентября 1899 года состоялъ на

должности надзирателя-репетитора Харьковскаго. духовнаго училища; съ 1 сентября 1901 состоятъ учителемъ Сумскаго духовнаго училища.

5. Арифметики и географіи—кандидатъ богословіи Ваенгій Дмитріевичъ *Шишовъ*. Въ настоящей должности съ 28 апрѣля 1905 года.

6. Церковнаго пѣнія (онъ же надзиратель-репетиторъ III класса и письмоводитель Правленія училища) окончившій курсъ семинаріи Павелъ Кирилловичъ *Карповъ*. По окончаніи въ 1902 году курса наукъ въ Харьковской духовной семинаріи, 1 сентября того же года опредѣленъ на настоящія должности.

7. Приготовительнаго класса (онъ же учитель музыки) надворный совѣтникъ Василій Васильевичъ *Пѣкровскій*, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст. и серебряную медаль въ память царствованія Император Александра III; въ 1886 г. окончилъ курсъ наукъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента, съ 10 февраля 1887 г.—надзиратель-репетиторъ Ахтырскаго, нынѣ Сумскаго духовнаго училища, 5 августа того же года опредѣленъ учителемъ приготовительнаго класса

Надзиратели-репетиторы училища:

IV класса студентъ семинаріи, надв. сов. Сергій Яковлевичъ *Суминовъ* имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст. Окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи въ 1893 г., въ настоящей должности съ 10-го марта 1894 года.

II класса студентъ семинаріи Леонидъ Дмитріевичъ *Лазаревъ*. По окончаніи въ 1903 г. курса наукъ въ Харьковской духовной семинаріи 1 сентября того же года опредѣленъ на настоящую должность. Съ 1904 г. состоятъ законоучителемъ въ начальномъ училищѣ Сумскаго Комитета Грамотности.

II класса — окончившій курсъ Харьковской духовной семинаріи Дмитрій Александровичъ *Грызодубовъ*. По окончаніи въ 1903 г. курса семинаріи, съ 1 сентября того же года, по 28 октября 1905 года состоялъ учителемъ Ахтырской Соборно-Покровской церковно-приходской школы. Въ настоящей должности утвержденъ 28 октября 1905 года. Съ 12-го февраля 1906 г. состоятъ законоучителемъ Сумской Пророко-Мильниковой церковно-приходской школы.

Приготовительнаго класса — окончившій курсъ Курской духовной семинаріи Иванъ Николаевичъ *Вулкановъ*. По окончаніи въ 1903 г. курса семинаріи, 1 сентября того же года, утвержденъ въ настоящей должности. Съ 1904 г. состоятъ законоучителемъ Сумской Троицкой церковно-приходской школы.

Отъ Купянскаго Уѣзднаго Отдѣленія Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Объявленіе о вакантныхъ учительскихъ мѣстахъ церковныхъ школъ Купянскаго уѣзда:

1. Въ слободѣ *Кармазиновка*. Школа церковно-приходская съ жалованьемъ—200 рублей изъ суммъ казеннаго кредита; есть квартира (желательно учительницу, окончившую епархіальное женское училище).

2. Въ сл. *Краснянкѣ*, при Архангело-Михайловской церкви. Школа церковно-приходская съ жалованьемъ—280 рублей (150 руб. казенныхъ и 130 мѣстныхъ) желательно учительницу, окончившую епархіальное женское училище. Квартира есть.

3. Въ сл. *Нижней-Дубанки*, при Александро-Невской церкви, вакансія 2-го учителя. Школа церковно-приходская съ жалованьемъ 150 руб. изъ казенныхъ суммъ; есть квартира; (желательно учительницу, окончившую Епархіальное женское училище).

4. Въ сл. *Покровскѣ*, при Троицкой церкви, вакансія 2-го учителя. Школа церковно-приходская съ жалованьемъ изъ суммъ казеннаго кредита—96 рублей; есть квартира.

Отъ Совѣта Харьковскаго Отдѣленія Попечительства о глухонѣмыхъ.

Отъ разрѣшенія Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ приходскихъ и монастырскихъ церквахъ, Харьковской епархіи, произвелъ сборъ въ пользу глухонѣмыхъ, въ недѣлю жезъ Муроносиць, 16 апрѣля сего 1906 года. Какового сбора въ распоряженіе мѣстнаго попечительства о глухонѣмыхъ, съ 1-го мая по 1-е августа, и поступило:

Отъ Харьковскаго Покровскаго монастыря 10 руб. 45 к., Старобѣльскаго Скорбященскаго женскаго монастыря 7 р., Рыснѣвскаго Св. Дмитріевскаго монастыря 4 р. 80 к., Высочинновскаго Казанскаго монастыря 2 р. 60 к., Ахтырскаго Св. Троицкаго монастыря 1 р. 82 коп., Николаевскаго Двничьяго монастыря 4 р. 70 к., Богодуховскаго Св.-Троицкаго женскаго монастыря 4 р. 75 к., отъ прихожанъ Троицкой церкви слоб. Черняговки, Старобѣльскаго уѣзда 5 р., отъ благочинныхъ церквей: 3 го округа Лебединскаго уѣзда 9 р. 26 к., 2 округа Волчанскаго уѣзда 24 р.

66 к., 4 округа Изюмского уѣзда 22 р. 15 к., 5 округа Старобѣльскаго уѣзда 18 р. 20 к., 1 округа г. Харькова 102 руб. 20 коп., 4 округа Харьковскаго уѣзда 12 р. 03 к., 1 округа Волчанскаго уѣзда 28 руб. 70 коп., 1 округа Лебединскаго уѣзда 29 руб. 22 коп., 2 округа Изюмскаго уѣзда 20 руб. 89 коп., 1 округа Старобѣльскаго уѣзда 13 руб. 65 коп., 2 округа Харьковскаго уѣзда 22 руб. 90 коп., 1 округа Богодуховскаго уѣзда 15 р. 81 коп., 4 округа Старобѣльскаго уѣзда 50 р. 91 к., 1 округа Сумскаго уѣзда 49 руб. 23 к., 1 округа Ахтырскаго уѣзда 35 р. 31 к., 3 округа Изюмскаго уѣзда 30 р. 83 к., 3 округа Зміевскаго уѣзда 39 р. 76 к., 1 округа Харьковскаго уѣзда 14 р. 23 к., 1 округа Валковскаго уѣзда 28 р.; отъ монастырей: Хорошевскаго Вознесенскаго Дѣвичьяго 6 р. 19 к., Успенско-Серафимовскаго женскаго—Купянскаго уѣзда 2 р. 50 к., Куряжскаго мужскаго, Преображенскаго 2 р. 45 к., Свято-Горскаго Успенскаго 3 руб.; отъ священника Александро-Невской церкви сл. Александровки Василя Савченка того же сбора 1 р. 10 к.; отъ благочинныхъ того же сбора: 3 округа Волчанскаго уѣзда 17 р. 02 коп., 1 округа Купянскаго уѣзда 25 р., 3 округа Старобѣльскаго уѣзда 21 р. 27 к., 1 округа Зміевскаго уѣзда 15 руб. 19 коп., 2 округа Богодуховскаго уѣзда 29 р. 35 к., 2 округа Сумскаго уѣзда 24 руб. 80 коп., 3 округа Сумскаго уѣзда 14 р. 50 к., 2 округа г. Харькова (отъ Александро-Невской церкви 2 р. 50 к. и другихъ церквей 72 р. 90 коп.), всего 75 руб. 40 к., 1 округа Изюмскаго уѣзда 14 р. 06 к., 3 округа Харьковскаго уѣзда 15 р. 32 к., 2 округа Валковскаго уѣзда 21 руб. 58 к., 3 округа Ахтырскаго уѣзда 10 р. 17 к., 2 округа Лебединскаго уѣзда 18 р. 96 к., 2 округа Купянскаго уѣзда 28 р. 04 к., 2 округа Старобѣльскаго уѣзда 22 руб. 29 к., 3 округа Купянскаго уѣзда 38 руб. 30 к., 2 округа Ахтырскаго уѣзда 27 руб. 17 к. и 2 округа Сумскаго уѣзда 10 руб. 30 коп. Всего сбора одна тысяча пятьдесятъ три рубля (1053 р. 02 к.) 02 к.

Совѣтъ Харьковскаго Отдѣленія Попечительства о глухонѣмыхъ приноситъ глубокую свою благодарность о.о. благочиннымъ, настоятелямъ монастырей и церквей Харьковской епархіи и всѣмъ потрудившимся по сбору для глухонѣмыхъ; лицъ же еще не доставившихъ выше означеннаго сбора почтительнѣйше проситъ послѣшить представленіемъ такового.

1906 года, августа 3 дня № 72.

Членъ Совѣта, казначей, учредитель училища глухонѣмыхъ въ Харьковѣ,
Протогереи Василій Ветуховъ.

ІІ.

Содержаніе. II. Обращеніе Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, и Ахтырскаго, къ духовенству Харьковской епархіи, по поводу безпорядковъ бывшихъ въ Харьковской Семинаріи.—Къ вопросу объ обезпеченіи духовенства опредѣленнымъ содержаніемъ. *Священника Николая Кротяко.*—О необходимости назначенія православному духовенству опредѣленнаго содержанія. *Священника Поликарпа Пестрякова.*—Изъ жизни расколо-сектавства. Миссіонерскій листокъ. Къ вопросу о дѣйствительности Бѣловрипцкой іерархіи. *І. Корнѣенко.*—Изъ дневника миссіонера. Къ предстоящему епархіальнѣму съѣзду духовенства *И. Айвазова.*—Памяти заслуженнаго ординарнаго профессора Киевской Дух. Академіи *П. Ив. Ляницкаго. Л. Б.*—Епархіальная хроника. Архіерейскія богослуженія:—Вновь открываемая второклассная учительская церковно-приходская школа.—Описаніе 25 лѣтняго юбилея смотрителя Купянскаго Духовнаго Учлища *Ивана Ивановича Григоровича.*—Иноепархіальный отдѣлъ.—Внутреннее церковное Обзоріе. Къ вопросу церковно-приходскихъ совѣтасъ. *Священника Д. Попова.*—Вниманію родителей дѣтей, обучающихся въ Воронежской Духовной Семинаріи отъ Высокопреосвященнаго Анастасія, Архіепископа Воронежскаго и Задонскаго.—Разныя извѣстія и замѣтки. Церковно-общественная жизнь.—Объявленія.

Обращеніе Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, къ духовенству Харьковской епархіи, по поводу безпорядковъ бывшихъ въ Харьковской Семинаріи.

Безпорядки, произведенные учениками Харьковской духовной Семинаріи въ концѣ сентября прошеднаго года, и въ январѣ и февралѣ текущаго года, причинили много непріятностей епархіальному и семинарскому начальству, и еще больше горя и скорбей самимъ ученикамъ, родителямъ и родственникамъ ихъ и положили черное пятно и на семинарію, и на епархію. А покушеніе на жизнь ректора Семинаріи, протоіерея Знаменскаго, привело въ ужасъ всѣхъ благомыслящихъ людей. Епархіальное начальство и семинарское прилагали всѣ свои заботы о благосостояніи Семинаріи и ея воспитанниковъ и все стараніе о сохраненіи въ ней порядка. Я лично самъ наблюдалъ за Семинарскою жизнью, входилъ въ общеніе съ учениками посредствомъ бесѣды, выслушивалъ ихъ заявленія, и провѣрялъ оныя, чрезъ нарочитыхъ лицъ. При этомъ отечески дѣлаю вразумленіе и предостереженіе; увѣщавалъ ихъ быть добрыми и благонадежными воспитанниками и, въ предупрежденіе безпорядковъ, много разъ повторялъ слова: „Поберегите себя и пожайдите вашихъ родителей“. Бесѣда же моя съ учениками вечеромъ въ день первыхъ безпорядковъ, (28 сентября), когда я плакалъ, бесѣдуя съ учениками, никогда не изгладится изъ моей памяти. Но злое сѣмя, кѣмъ-то

посѣянное, произросло: безпорядки повторились. Отъ послѣдствій оныхъ много слезъ пришлось пролить, и вѣроятно еще проливается самими бывшими учениками Семинаріи: и ихъ родителями и родственниками.

Избавь насъ, Господь на будущее время отъ такого горя! Приближается время открытія ученія въ учебныхъ заведеніяхъ, а равно и въ нашей Семинаріи. Во главѣ Семинаріи теперь поставлено новое начальство; несомнѣнно съ своей стороны оно будетъ прилагать всѣ свои заботы о благосостояніи Семинаріи; и ея питомцевъ. Благовременно обратится и къ родителямъ, и къ родственникамъ нашихъ воспитанниковъ, и просить ихъ наставленія и внушенія своимъ дѣтямъ касательно ихъ благого поведенія во время ученія въ стѣнахъ учебныхъ заведеній и внѣ оныхъ. Родительскія и родственныя наставленія, проникнутыя родительскою любовію къ дѣтямъ, несомнѣнно будутъ дѣйствительнѣе мѣръ, употребляемыхъ начальствомъ для воспитанія ихъ дѣтей. И я прошу родителей и родственниковъ воспитанниковъ нашихъ учебныхъ заведеній внушить своимъ дѣтямъ—быть благоправными, скромными, послушными, прилежными къ наукамъ, усердными къ молитвѣ и строгими: къ исполненію принятыхъ правилъ и установленныхъ порядковъ: въ учебныхъ заведеніяхъ и увѣрить ихъ, что епархіальное начальство и начальство Семинаріи заботилось и будетъ заботиться объ ихъ дѣтяхъ, какъ требуетъ того долгъ и совѣсть съ полною благожелательностію. Что же касается къ общему нашему начальству, то—всѣмъ намъ извѣстно изъ журнала „*Церковная Вѣдомость*“, что оно употребляетъ всѣ свои заботы къ улучшенію нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, и уже приступило къ соображенію новыхъ положеній: оныхъ, канонныхъ несомнѣнно, будутъ введены въ самомъ недалекомъ будущемъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОБЕЗПЕЧЕНІИ ДУХОВЕНСТВА, ОПРЕДѢЛЕННЫМЪ СОДЕРЖАНІЕМЪ.

I.

Въ печати нѣкоторые открыто высказывались противъ назначенія духовенству опредѣленнаго жалованья, на томъ-де осно-

званіи, что духовенство въ случаѣ обезпеченія его опредѣленнымъ содержаніемъ превратится въ чиновниковъ и дѣло живого служенія ихъ сдѣлается мертвымъ, сухимъ, формальнымъ. По этому поводу, невольно, самъ собою запрашивается вопросъ: ужели это такъ? Почему слово чиновникъ представляется такимъ страшнымъ ревпителямъ нынѣшней системы обезпеченія духовенства и дѣйствительно-ли нынѣшніе чиновники всѣ безъ исключенія сухіе формалисты, какими выставляютъ ихъ?

Боязнь чиновничества имѣетъ за собою историческое основаніе. Дѣйствительно, было время, когда чиновники служили притчей во языцѣхъ. Литература сохранила намъ много памятниковъ типичныхъ представителей чиновнаго міра временъ давнопрошедшихъ. Типы Грибоѣдова и имъ подобные, дѣйствительно, были не люди, а какія то особенныя существа. Ихъ міросозерцаніе, ихъ нравственный обликъ достаточно ярко обрисовывается въ слѣдующемъ четырехстишіи:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки,
Бери, что только можешь взять,
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ ни на то, чтобъ брать.

Эгоизмъ, безсердечіе, взяточничество, страсть къ крючкотворству—вотъ та атмосфера, въ которой жили и которой дышали чиновники—крючки стараго времени. И если бы современное духовенство выродилось въ такой именно классъ и унаслѣдовало бы всѣ ихъ пороки и недостатки, тогда, конечно, было бы чего бояться. Но, вѣдь, теперь уже не то время, что было раньше, прошедшее не возвратится назадъ, ему минула давность. Типамъ Грибоѣдова и имъ подобнымъ теперь насталъ конецъ, они умерли для настоящаго времени и не воскреснутъ больше. Если же они и теперь еще кое гдѣ проявляются, то ихъ существованіе не что иное, какъ анахронизмъ. Безъ этого и нельзя. Несовершенства въ жизни вездѣ есть, онѣ неизбѣжны. Негодяи были, есть и будутъ не только среди чиновниковъ, но и среди всякаго другаго класса. Развѣ въ и нашемъ духовномъ мірѣ нѣтъ лицъ, унижающихъ свое служеніе? Но кто же изъ образованныхъ рѣшится на этомъ основаніи порицать все духовное сословіе, какъ таковое! Теперь вѣкъ

просвѣщенія, время поворота въ сторону идеализма. Въмѣстѣ съ ростомъ культуры, въ значительной степени и очень замѣтнымъ образомъ культивируется и нашъ чиновный классъ и въ интеллектуальномъ и въ моральномъ отношеніи. Справедливость, поэтому, требуетъ измѣнить взглядъ и на современное чиновничество. Теперь среди чиновниковъ достойныхъ лицъ больше, чѣмъ это было раньше. Продажныя души теперь составляютъ меньшинство, таковыми являются только отдѣльныя исключительныя личности. Справедливо ли, поэтому, по отдѣльнымъ личностямъ чернить цѣлый классъ? Очевидно, съ этой стороны нѣтъ основаній самимъ бояться и другихъ устрашать чиновничествомъ.

II.

Священникъ А. С., пожелавшій остаться неизвѣстнымъ, въ № 7 журнала: „Вѣра и Разумъ“ за текущій годъ, помѣстилъ свою замѣтку на тему: „Нѣсколько словъ по поводу голоса изъ среды сельскаго духовенства о причинахъ домогательства воспитанниковъ духовныхъ семинарій къ поступленію въ высшія свѣтскія учебныя заведенія“. Выказываясь по этому злободневному вопросу, о. А. С. говоритъ, что „вынѣшнее бѣдствующее духовенство, получивши достаточное обезпеченіе, превратится въ сытое чиновничество, и сама церковь, потерявши всякій религіозный обликъ, сдѣлается государствомъ въ государствѣ“... Изъ приведенной выдержки подчеркиваемъ выраженія: „бѣдствующее духовенство и сытое чиновничество“. Повидимому авторъ замѣтки представляетъ себѣ дѣло такъ.— Духовенство было, есть и будетъ великою нравственною силою по отношенію къ своей паствѣ до тѣхъ поръ, пока оно было и будетъ бѣдствующимъ сословіемъ, и что стоитъ только дать духовенству приличное содержаніе, какъ оно превратится въ сытое (?) чиновничество, и историческая заслуга его отойдетъ въ область преданія, а о нравственномъ вліаніи его на народъ останутся однѣ только воспоминанія. Намъ кажется, что священникъ А. С. увлекся внѣшнею, механическою связью понятій и перенесъ ее совсѣмъ въ чуждую несравнимую область. У него выходитъ такъ, что 1, всякій получающій опредѣлен-

ное жалованье, независимо отъ рода службы, есть чиновникъ или, по крайней мѣрѣ, такого можно назвать чиновникомъ и что 2, богатство порождаетъ сытыхъ чиновниковъ и сухое формальное отношеніе къ дѣлу. А потому и необходимо держать духовенство въ черномъ тѣлѣ, а то, чего добраго, духовенство забросить свое дѣло.

Прежде всего неправдоподобнымъ является мнѣніе священника А. С. о бѣдности духовенства. Высказываться по этому вопросу въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ едва ли возможно, такъ какъ капиталовъ духовенства никто не считалъ. Можно только дѣлать предположенія объ этомъ. Интересно знать, какія же данныя можетъ представить о. А. С. въ пользу своего мнѣнія? Мнѣ думается, было бы правдоподобнѣе предполагать совершенно обратное. Въ большинствѣ случаевъ наше духовенство (имѣемъ въ виду Харьковскую епархію), безспорно обладаетъ такими средствами, которыя говорятъ, если не въ пользу ихъ богатства и зажиточности (и таковыхъ не мало), то во всякомъ случаѣ въ пользу достаточности. А потому нельзя согласиться съ мнѣніемъ священника А. С. о томъ, что наше духовенство бѣдствуетъ и если о. А. С. придаетъ этому обстоятельству очень большое значеніе, то онъ ошибается. Но оставимъ этотъ вопросъ, перейдемъ къ болѣе важному.

III.

Признаю за абсурдъ ту мысль, что всякій получающій опредѣленное жалованье есть чиновникъ. Если бы это было такъ, тогда къ категоріи чиновниковъ слѣдовало бы отнести не только жокардныхъ чиновниковъ, но такъ же и лицъ другихъ профессій, получающихъ опредѣленное содержаніе, напр.: инженеровъ, техниковъ, землемѣровъ, управляющихъ, докторовъ, фельдшеровъ, стражниковъ и, если угодно, дворниковъ, кучеровъ и всякаго рода другую прислугу. Всѣ эти перечисленные „должностныя“ лица получаютъ опредѣленное содержаніе. Но причислить всѣхъ ихъ къ разряду чиновниковъ и сказать, что служба ихъ суха и формальна ни въ какомъ случаѣ невозможно. Съ этимъ, безъ сомнѣнія, согласится всякій. Но намъ

скажутъ: слово чиновникъ надо понимать въ букввальномъ смыслѣ, относя къ таковымъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ въ томъ или иномъ государственномъ учрежденіи. Но въ такомъ случаѣ спрашивается: родъ дѣятельности государственныхъ чиновниковъ можно ли сравнить съ дѣятельностію приходского духовенства?

Я полагаю, что нѣтъ надобности подробно и основательно доказывать справедливость того положенія, что служба духовенства и служба государственныхъ чиновниковъ—противоположныя. Безъ сомнѣнія, родъ службы государственныхъ чиновниковъ по своему существу вноситъ нѣкоторую сухость и формальность въ ихъ дѣла. Написать рапортъ, отъношеніе, зарегистрировать №№ входящихъ и исходящихъ бумагъ и т. п.—все это такія дѣла, къ которымъ можно относиться безъ волненія, равнодушно, не внося сюда ни любви, ни ненависти. Но дѣлать отсюда заключеніе, что и чиновники всѣ безъ исключеній сухіе формалисты, едва ли справедливо.

Духовенство, въ силу настоящаго положенія вещей, поставлено въ необходимость въ нѣкоторыхъ только случаяхъ быть формальнымъ. Такъ, намъ кажется, напр., на духовенство возложено совершенно чуждое ему дѣло, давать различнымъ лицамъ и учрежденіямъ справки и свѣдѣнія, представлять въ волостныя правленія призывныя метрическія выписи и т. п. И если еще что либо найдется подобное, то, вѣдь, всего этого весьма недостаточно для того, чтобы говорить о формализмѣ духовенства. Указанныя обстоятельства не составляютъ существа служенія духовенства и среди послѣдняго довольно часто раздаются голоса протеста и высказываются пожеланія объ изъятіи этихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія духовенства. И если это отбросить, то у духовенства останется одна живая область, безправничная сфера нравственнаго вліянія пастыря на паству. Посмотрите на обратную сторону того креста, который мы носимъ на персяхъ. Здѣсь въ словахъ Апостола обстоятельно изображенъ идеаль пастырскаго служенія: „Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою и чистотою“ (1 Тим. 4,—12). Что же можетъ быть чище и возвышеннѣе этого идеала? Какое другое человѣческое служеніе, какое дру-

гое поприще общественной дѣятельности можетъ сравниться съ нимъ? Здѣсь совмѣщается все и живое слово проповѣди и внѣшній прамѣръ и сила внутренняго настроенія. И я не нахожу такихъ признаковъ, по которымъ можно было бы сравнивать дѣятельность духовенства съ дѣятельностію чиновниковъ. Назначеніе духовенству жалованья сути не измѣнитъ. Это обстоятельство измѣнитъ только внѣшнюю матеріальную сторону дѣла, улучшить бытъ духовенства, избавить его отъ дефектовъ востоящаго времени. Идеѣвая же сторона—служеніе религіи словомъ, житіемъ и благочестіемъ—останется та же. Въ этомъ отношеніи измѣненій не послѣдуетъ. Разница только въ томъ, что тогда освобожденному отъ матеріальнаго гвѣта духовенству легче и свободнѣе будетъ приближаться къ своему идеалу. И если указанный идеалъ возвышенъ, то это не значитъ, что онъ недостижимъ и неосуществимъ. По мѣрѣ силъ возможно стремиться къ проведенію его въ жизнь, устраняя всѣ встрѣчающіяся на пути препятствія. Какъ бы ни была жизнь несовершенна, однако же путь къ совершенству или, выражаясь языкомъ церковнымъ, путь къ святости возможенъ и никому не прегражденъ. Правда, что чѣмъ больше препятствій преодолеваетъ подвижникъ, тѣмъ больше заслугъ принадлежитъ ему. Но дѣло въ томъ, что на пути къ совершенству могутъ встрѣтиться препятствія и личныя, внутреннія и постороннія. Я, напр., могу быть плохимъ пастыремъ, потому что имѣю много личныхъ недостатковъ. Но стоитъ мнѣ избавиться отъ нихъ, и я пастырь „добрый“. Но бываютъ такія обстоятельства, внѣ насъ находящіяся, измѣнитъ которыя мы не можемъ и которыя такъ или иначе препятствуютъ намъ быть совершенными. Въ давномъ случаѣ вопросъ о способѣ современнаго вознагражденія духовенства за требы и есть та внѣшняя причина разъединенія пастыря съ пасомыми, удалить которую духовенство не можетъ и считаться съ этимъ духовенству приходится всякій разъ. Какъ я могу говорить проповѣдь, напр., о безкорыстїи и довольствѣ малымъ, когда знаю что это можетъ нанести мнѣ матеріальный ущербъ, и мы въ такихъ случаяхъ очень часто воздерживаемся отъ произнесенія подобныхъ проповѣдей? Для иллюстраціи приведу

примѣръ. Я приготовилъ проповѣдь на тему о тлѣнности богатства и о довольствѣ малымъ, имѣлъ намѣреніе произнести ее на слѣдующій день въ церкви. Случилось такъ, что наканунѣ пришелъ ко мнѣ человекъ „договариваться“ за вѣнчаніе. За трудъ я назначилъ незначительную плату, самую умѣренную. Крестьянинъ продолжалъ не соглашаться. Я настаивалъ на своемъ, доказывая, что моя плата за вѣнчаніе—плата не высокая, раньше платили 15—25 руб. Онъ упорно стоялъ на своемъ, причемъ въ словахъ и выраженіяхъ не стѣснялся. Словомъ, мы договорились до того, что я уже не могъ на другой день произнести проповѣдь о довольствѣ малымъ. . Стыдно было поучать другого, въ то время, когда слова расходятся съ дѣломъ. Чувствовалась ненормальность.

IV.

По поводу изложеннаго могутъ сказать: чтобы не было стыдно произносить проповѣдей о довольствѣ малымъ, пусть причтъ довольствуется „добровольными даявіями“ прихожанъ. Больно слышать подобныя слова. Добровольныя даянія въ настоящее время—отжившее явленіе въ русской жизни. Подобная система хороша только по идеѣ, на практикѣ же она не осуществима. Наглядной иллюстраціей къ сказанному служитъ слѣдующій примѣръ, имѣвшій мѣсто въ одномъ селѣ Т—ой епархіи. „Причтъ, говоритъ свящ. П., желая сохранить истинно-пастырскія отношенія съ своими пасомыми, рѣшилъ не брать ни копѣйки за требоисправленія, а вмѣсто этого вывѣсить кружку, куда каждый клалъ бы свою лепту по желанію, о чемъ и оповѣщены были прихожане. Черезъ мѣсяць высыпана была кружка, въ которой оказалось *нѣсколько копѣекъ, грошей и солдатскихъ мѣдныхъ туговицъ*... Пришлось причту опять возвратиться къ „*притрашванію*“.

Описанныхъ случаевъ на Руси бываетъ, конечно, сотни. Чтобы подѣлиться ими съ читающимъ обществомъ, нужны цѣлыя страницы. Необходимо теперь придти къ заключенію, что существующій способъ обезпеченія духовенства есть от-

жившее явленіе, анахронизмъ. Сборы и „добровольная“ плата за требенсправленія лежатъ тяжелымъ бременемъ на духовенствѣ. Они унижаютъ послѣднее, обезличаютъ его, ослабляютъ связь между пастыремъ и пасомыми. По своей матеріальной необеспеченности духовенство скорѣе становится на путь порока, который даетъ поводъ интеллигенціи въ современной литературѣ зло высмѣивать его, какъ напр., статья „Худая молва“ въ „Журналѣ для всѣхъ“ и др.

„Ряды духовенства рѣдѣютъ: боязнь „кормленія огъ прихода“ заставляеть лучшія силы изъ окончившихъ духовныя семинаріи идти на болѣе обеспеченную гражданскую службу, стремиться въ университеты и другія высшія учебныя заведенія“. (Руководство для сельск. паст. 1903 г. 51 стр.).

А вотъ голосъ самыхъ пасомыхъ, голосъ авторитетный. Въ приговорѣ Лыневскаго сельскаго схода, въ которомъ участвовали 401 крестьянинъ, говорится: „имѣли сужденіе о томъ, что православное духовенство въ настоящее время содержится на средства прихода, получая вознагражденіе за отправленіе служебныхъ обязанностей и разныхъ религіозныхъ требъ отъ прихожанъ деньгами и натурой, и при такихъ условіяхъ нерѣдко возникаютъ серьезныя недоразумѣнія между пастырями православной церкви и церковно-служителями съ прихожанами, создающія тяжелое положеніе, какъ для пастырей православной церкви и остальныхъ церковно-служителей, такъ равно и прихожанъ; при такомъ ненормальномъ положеніи, въ которомъ нынѣ находится православное духовенство, оно *потеряло всякое довѣріе и уваженіе прихожанъ; почему поученія пастырей православной церкви не могутъ быть плодотворными; при дальнѣйшемъ такомъ ненормальномъ положеніи православная вѣра наша можетъ утратить свое значеніе*, а потому единогласно постановили: ходатайствовать предъ Государственной Думой о томъ, чтобы православное духовенство не жило съ прихода, а получало опредѣленное вознагражденіе какъ за службу, такъ равно и за отправленіе всѣхъ требъ изъ Государственнаго казначейства; при такихъ условіяхъ будутъ устранены тѣ ненормальныя явленія между

духовенствомъ и прихожанами, какія создались существующимъ нынѣ положеніемъ“. („Наканунѣ“ № 51, 1906 г.).

Къ приведенному нечего прибавить, настолько мысли, выраженные въ Лыневскомъ приговорѣ ясны, опредѣленны и справедливы. Сама жизнь выдвигаетъ на очередь назрѣвшій вопросъ и его необходимо разрѣшить, иначе „православная вѣра наша можетъ утратить свое значеніе“.

V.

Тому, кто близко къ сердцу принимаетъ всякую ненормальность, всякое противорѣчіе жизни съ идеальными представленіями о долгѣ, понятно будетъ, какъ тяжело теперь духовенству питаться отъ алтаря. Въ вѣкъ Апостольскій, вѣкъ чрезвычайнаго изліянія даровъ Святаго Духа, когда вѣра наша только что начинала жить, когда сами вѣрующіе свято и ненарушимо хранили завѣты отцовъ, когда вѣра ихъ была чиста и непоколебима, когда приношенія въ храмъ и въ пользу служителей храма дѣлались отъ всего сердца, тогда и питаться отъ алтаря служителямъ послѣдняго было не трудно. Теперь же, съ появленіемъ множества сектъ и разныхъ ученій, когда вѣра граничитъ съ безвѣріемъ, когда на мѣсто живой пламенной вѣры становится индифферентное отношеніе къ религіи, когда жертва оскудѣла,—питаться отъ алтаря на идеальныхъ началахъ весьма затруднительно. Мѣняются времена, мѣняются и люди, а вмѣстѣ съ ними измѣняются и условія жизни. То, что раньше, въ доброе старое время, было идеальнымъ, или по крайней мѣрѣ нормальнымъ, теперь является отжившимъ бременемъ. Въ вѣкъ Апостольскій и въ послѣдующія времена духовенству не давали мѣдныхъ пуговицъ въ качествѣ награды за трудъ, не составляли приговоровъ объ измѣненіи формы и способа обезпеченія духовенства, тогда и можно было жить на добровольныя даванія, а теперь совсѣмъ этимъ приходится считаться,—не то настало время... Очевидно, всѣ близко почувствовали ненормальность современнаго способа обезпеченія духовенства и всѣ, за исключеніемъ немно-

гихъ, ждутъ того дня, когда ненормальность эта отойдетъ въ область преданій. Да благословитъ Богъ тотъ день и часъ!

„О, нѣтъ! Не вѣрю я, не вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета:
Еще настанетъ день... Вдохнетъ и жизнь и силу
Въ нашъ обветшалый міръ ученіе Христа“.

Плещеевъ

VI.

Чтобы не быть ложно понятымъ, нахожу необходимымъ сдѣлать слѣдующее разъясненіе. Нравственное вліяніе духовенства на народъ, безспорно, есть дѣло исключительно личнаго нравственнаго совершенства пастырей и ставить его въ зависимость отъ того или другого способа обезпеченія духовенства нельзя. Добродѣтель не обусловливается богатствомъ или бѣдностію, точно такъ же, какъ и порочность не есть слѣдствіе того или иного экономическаго состоянія. Нельзя, поэтому, говорить, что порочность есть исключительное достояніе богатыхъ классовъ, а добродѣтель—бѣдныхъ. Неоспоримо, что можно и въ бѣдности быть честнымъ человѣкомъ и въ богатствѣ негодяемъ, какъ равно и наоборотъ. Если такъ, тогда понятно, что вопросъ о матеріальной обезпечности духовенства играетъ здѣсь роль несущественную, а постольку, поскольку онъ является *вспомоществующимъ, облегчающимъ средствомъ въ дѣлѣ служенія народу*. Если духовенству будетъ назначено опредѣленное жалованье, тогда оно, освободившись отъ матеріальной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственной зависимости отъ прихожанъ, *не будетъ заботиться объ изысканіи средствъ къ жизни, а будетъ знать исключительно одно только свое дѣло*, на что оно назначено и къ чему призвано. И это дастъ духовенству возможность ближе стать къ своему идеалу...

Священникъ Николай Кротенко.

Ол. Боровая, Купинскаго уѣзда.

О необходимости назначенія православному духовенству опредѣленнаго содержанія.

За время моей депутатской практики мнѣ не разъ приходилось наталкиваться на слѣдственные дѣла по жалобамъ прихожанъ на духовенство за вымогательства.

Все это меня наводило на мысль: неужели-же въ самомъ дѣлѣ наше духовенство настолько *жадно* что можетъ позволить себѣ заниматься вымогательствомъ?

Нѣтъ!... Духовенство не жадно; но что оно вынуждено бываетъ иногда просить плату за требоисправленія,—это фактъ.

Слишкомъ смѣлое, чтобы не сказать болѣе, обвиненіе въ вымогательствѣ станетъ вполне понятнымъ, если имѣть въ виду, что по отношенію къ духовенству понятіе о вымогательствѣ растяжимо до безконечности. Совершилъ, напримѣръ, священникъ погребеніе или другое какое либо требоисправленіе, и видя, что прихожанинъ и не думаетъ доброхотно уплатить причту за трудъ, самъ проситъ уплатить, скажемъ, 10 копѣекъ; и это, повидимому, законное требованіе священника является для прихожанина достаточнымъ поводомъ, чтобы обвинить священника въ вымогательствѣ, практическимъ результатомъ чего является слѣдствіе, судъ и надпись въ формулярѣ священника, что подъ судомъ и слѣдствіемъ былъ по обвиненію въ вымогательствѣ.

Совершенно случайно мнѣ пришлось быть очевидцемъ траги-комической сцены, происшедшей между городскимъ священникомъ и его интеллигентной прихожанкой.

Получаетъ эта прихожанка отъ священника какую-то метрическую выписъ и даетъ ему за трудъ на весь причтъ, состоящій изъ священника, діакона и псаломщика, десять коп. Священникъ, не говоря ни слова, возвращаетъ ей эти 10 к. Прихожанка раскрываетъ кошелекъ, вынимаетъ еще пятакъ и подаетъ священнику 15 коп. и снова священникъ молча возвращаетъ ей эти 15 коп... Раскланиваются и... сцена окончилась.

Не имѣй священникъ самообладанія, скажи слово и обвиненіе въ вымогательствѣ готово, а дальше... слѣдствіе, судъ и

надпись въ формулярѣ. По моему глубокому убѣжденію всѣ мы священники, и городскіе и сельскіе, и старые и молодые, такъ или иначе „вымогаемъ“ со своихъ прихожанъ съ тѣмъ только различіемъ, что старые священники дѣлаютъ это какъ то умѣло, искусно, и называютъ это искусство „умѣньемъ жить съ людьми“, а другіе, преимущественно молодые іереи, не постигаютъ этого искусства и попадаютъ подъ слѣдствія.

Чѣмъ виноваты такіе не искусные іереи и можно-ли ихъ обвинять за это?

Мы, конечно, не говоримъ про тѣхъ іереевъ, которые дѣйствительно вымогаютъ. Называть черное бѣлымъ было бы поменьшей мѣрѣ смѣшно!... Мы не имѣемъ въ виду священнослужителей, намѣревающихся жвть именно добродетельными „даяніями“ и надѣющихся получить за свой трудъ хотя какое нибудь вознагражденіе со стороны пасомыхъ. Скажемъ не обинуясь, что бывають случаи, когда жить добродетельнымъ подаваніемъ значить быть въ буквальномъ смыслѣ слова немощнымъ: жалованья нѣтъ, вкладовъ денежныхъ нѣтъ, о доходахъ съ церковной земли можно совсѣмъ не говорить, такъ какъ при современныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ священнику, почти нѣтъ времени заниматься хозяйствомъ...

Однако возвращаюсь къ началу. Въ своей прекрасной и глубоко-назидательной бесѣдѣ съ о.о. Благочинными нашъ маститый Архипастырь Архіепископъ Арсеній, указывая на нѣкоторыя замѣченныя имъ, нестроенія церковныя, говоритъ, что онъ знаетъ „примѣры, когда слѣдователи держали дѣла по пяти и болѣе мѣсяцевъ, допускали пристрастіе при производствѣ дѣлъ и, наконецъ, позволяли себѣ прямо отказываться отъ многихъ изъ нихъ“.

Такая медлительность и даже отказъ отъ производства слѣдствій, являясь преступными въ случаяхъ, дальше въ той-же бесѣдѣ указанныхъ Владыкой, могутъ находить себѣ нѣкоторое объясненіе при слѣдственныхъ дѣлахъ именно за вымогательства.

Замедляя слѣдствіе по дѣлу о вымогательствѣ, депутатъ даетъ своему собрату возможность приготовиться къ защитѣ, надѣясь, что все-исцѣляющее время смягчитъ и притупитъ

первую остроту возникшаго на сей почвѣ раздора между обвинителемъ и обвиняемымъ.

Затѣмъ отказъ отъ слѣдствія по дѣлу о вымогательствѣ дѣлается иногда депутатами именно въ видахъ охраны чести самого духовенства. Зная по опыту, оцѣнку прихожанами труда священно-служителей, депутатъ не имѣетъ нравственной мощи вести дѣло по обвиненію въ вымогательствѣ.

Мы глубоко убѣждены, что при приличномъ обеспеченіи духовенства казеннымъ жалованьемъ, эта категорія преступленій совершенно исчезла бы изъ практики духовныхъ слѣдователей.

Но когда же наступитъ это счастливое время? Въ предсборной комиссіи возбуждены многіе вопросы, направленные къ улучшенію всего строя церковно-приходской жизни; но, если не ошибаемся, ни одно засѣданіе Комиссіи не было посвящено вопросу о содержаніи духовенства.

Но если и теперь этотъ вопросъ не будетъ рассмотрѣнъ и рѣшенъ, когда же это настанетъ, когда???

Депутатъ 3-го Старобѣльскаго округа

Священникъ Полжаръ Пестряковъ.

Сл. Осянова.

ИЗЪ ЖИЗНИ РАСКОЛО-СЕКТАНСТВА. МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Къ вопросу о дѣйствительности бѣлориничной іерархіи.

Высочайшій указъ о свободѣ вѣроисповѣданія всколыхнулъ и наше старообрядчество, особенно наиболѣе многочисленную и хорошо организованную вѣтвь его—пріемлющихъ австрійское священство. У этихъ послѣднихъ явилась надежда достигнуть признанія со стороны Церкви російской своей іерархіи законной и благодатной. Такъ въ „Голосѣ старообрядца“ за текущій годъ г. III-въ выражаетъ увѣренность, что предстоящій всероссійскій соборъ „вынужденъ будетъ признать не только дѣйствительность, но и каноническое достоинство старообрядческой іерархіи, которая *вполнѣ законна и благодатна* (№ 51.

Ст.: „О признаніи старообрядческой іерархіи дѣйствительной)“. Что же поддерживаетъ такую увѣренность у послѣдователей бѣлокриницкой іерархіи? А видите ли, проф. Ивановскій смотритъ на бѣлокриницкую іерархію, какъ на *дѣйствительную*, склоненъ „видѣть въ членахъ австрійской іерархіи не простыхъ мірянъ только, тѣмъ болѣе самозванцевъ, а людей посвященныхъ въ известной степени (Миссіон. Обоз. 1906 г. № 5 стр. 705—714)“. Слова же проф. Ивановскаго, какъ учителя миссіонеровъ и руководителя миссіонерскихъ бесѣдъ, по заявленію г. Ш-ва, *должны быть обязательны* для многочисленныхъ миссіонеровъ правительственной церкви. А главное предвыборное присутствіе будто бы рѣшило возможнымъ признать старообрядческую іерархію дѣйствительною.

То вѣрно, что проф. Ивановскій готовъ признать бѣлокриницкую іерархію *дѣйствительной*. Основаніемъ для такого признанія служатъ: внѣшняя преемственность хиротоніи, отсутствіе ересей, требующихъ перекрещиванія, сомнительность изверженія изъ сана м. Амвросія и даже формальнаго каноническаго запрещенія и, наконецъ, то обстоятельство, что духовенство древнихъ и новыхъ раскольниковъ и еретиковъ—новаціанъ, донатистовъ, несторіанъ, армявъ, католиковъ, англиканъ, „не мыслилось и не мыслится, какъ простецы (стр. 709)“. Но, признавая бѣлокриницкую хиротонію дѣйствительной, проф. Ивановскій далѣе оговаривается, что она противоканоническая и раскольничья и наконецъ безблагодатная. Съ послѣдними мыслями проф. Ивановскаго и доказательствами въ пользу ихъ г-ну Ш-ву слѣдовало бы посчитаться, а не ограничиваться голословнымъ и лживымъ утвержденіемъ, что въ теченіе 60 лѣтъ миссіонеры господствующей церкви не привели ни одного каноническаго и историческаго основанія противъ дѣйствительности и законности бѣлокриницкой іерархіи. Вѣдь нельзя же не считатьъ старообрядцамъ съ тѣмъ, что бывший боснійскій м. Амвросій отдѣлился отъ греческой Церкви не изъ за содержанія ея ересей, а изъ за личнаго неудовольствія на патріарховъ константинопольскихъ, безъ суда надъ ними и самовольно перешелъ въ общ. ство, которое также самовольно изъ за обрядовыхъ разностей отдѣлилось отъ греко-россійской

Церкви, не имѣло законной іерархіи въ теченіе 200 слишкомъ лѣтъ, которое смотрѣло на греко-россійскую Церковь какъ на еретическую и на него самого, какъ на еретика и приняло его въ сущемъ санѣ митрополита чрезъ миропомазаніе? Сколько во всемъ этомъ внутренняго противорѣчія и произвола! Всѣ эти дѣйствія и состоянія не могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія церковныхъ правилъ и данныхъ исторіи (Напр. 34 ап; 15 пр. 1 всел. соб., 13 и 15 антiox., 15 пр. перво-втор. соб. и проч.). Церковные *каноны* не указъ для защитника *каноническаго* достоинства бѣлокриницкаго священства, потому, дескать, что многіе изъ этихъ правилъ не соблюдаются іерархіею православною церкви. „Врачу, исцѣлися самъ“, „смѣшно было бы слушать рѣчи о честности отъ вора“—вотъ какова логика, вотъ какими жалкими словами защищаетъ г. Ш-в: свою незаконную іерархію! Да развѣ нарушеніе православною іерархіею церковныхъ канонѡвъ, если съ этимъ согласиться, даетъ основаніе къ признанію законности бѣлокриницкой іерархіи? Слушать отъ вора рѣчь о честности, быть можетъ, и смѣшно, но доказать этимъ путемъ свою честность весьма трудно для человѣка съ здравою логикою. Не мѣшало бы ревнителями бѣлокриницкой іерархіи припомнить слѣдующіе слова проф. Ивановскаго изъ той же статьи: „даже и приравненіе, по признанію хиротоніи, членѡвъ Бѣлокриницкой іерархіи къ помянутымъ диссидентамъ дѣлаетъ имъ еще небольшую честь и *едва ли можетъ надмевать ихъ и давать основаніе къ широкимъ, успокоительнымъ для нихъ выводамъ*“... (709 стр.).

Цѣль статьи проф. Ивановскаго заключается вовсе не въ обвиненіи бѣлокриницкаго священства и его послѣдователей и осужденіи православною іерархіи и православныхъ миссіонеровъ. Въ полемикѣ по вопросу о бѣлокриницкомъ священствѣ онъ отмѣчаетъ точки зрѣнія борющихся сторонъ, слабыя и сильныя стороны въ ихъ возраженіяхъ, и все это въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы рѣшить другой вопросъ: нельзя ли примирить послѣдователей австрійскаго священства съ Церковію православною чрезъ принятіе обращающихся членѡвъ бѣлокриницкой іерархіи *въ сущихъ санахъ* по примѣру практики древней Церкви въ отношеніи къ новаціанскимъ обществамъ, ибо нѣ-

которые изъ послѣдователей бѣлокриницкаго священства „заявляютъ, что при приѣмѣ ихъ въ сущихъ санахъ имъ легче было бы прійти въ церковь православную (705 стр.)“? Слѣдовательно проф. Ивановскаго занимаетъ вопросъ о способахъ привлеченія послѣдователей австрійскаго священства въ Церковь православную. При чемъ свои мысли онъ отдаетъ на судъ церковной власти, а не дѣлаетъ ихъ обязательными для кого-бы ни было, какъ утверждаетъ это г. Ш-въ. „Если, говоритъ проф. Ивановскій, отъ измѣненія чинопріема будетъ польза для церкви чрезъ облегченіе въ нее доступа отчуждавшимся, раскольничествующимъ,—пусть церковная власть въ силу присущихъ ей правъ это сдѣлаетъ, и мы должны преклониться предъ нею. Если же это породитъ еще большую смуту и вредъ, то пусть остается существующая практика... (714 стр.)“ Предполагается такимъ образомъ, что члены бѣлокриницкой іерархіи могутъ тогда быть признаны въ сущихъ санахъ, когда вступятъ въ единеніе съ Церковію православною, т. е. торжественно откажутся отъ своихъ заблужденій, отъ взгляда на новоисправленные обряды, какъ еретическіе, на начертаніе имени Спасителя Иисусъ какъ на имя антихриста и проч. На такихъ условіяхъ принималась древнею Церковію іерархія новаціанъ (казаровъ)¹⁾. Въ этомъ и вся суть дѣла, а ревнитель бѣлокриницкаго священства, объ этомъ единеніи вовсе и не думаетъ, а только пророчествуетъ, что всероссійскій соборъ долженъ будетъ признать каноническое достоинство этой іерархіи, „которая вполне законна и благодатна“, и что члены господствующей церкви, прочитавъ статью проф. Ивановскаго, должны „умолкнуть со своими нападками на бѣлокриницкую іерархію“. Согласилась ли предсоборная коммиссія, какъ утверждаетъ г. Ш-въ, признать бѣлокриницкую іерархію дѣйствительной или нѣтъ—(указаній на это мы нигдѣ не встрѣтили и представлялъ ли проф. Ивановскій разсматриваемую статью, какъ докладъ предсоборной коммиссіи,—не знаемъ), не представляетъ послѣ сказаннаго той особой важности, какую придаетъ этому ревнитель старины.

Г. Корнѣенко.

¹⁾ 8 пр. 1 всея, соб., 95 пр. 6 всея. соб.

ИЗЪ ДНЕВНИКА МИССИОНЕРА.

Х.

Къ предстоящему епархіальному съѣзду духовенства.

Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 года о вѣротерпимости въ связи съ возвращенными манифестомъ 17 октября свободами сказался, какъ то установлено на послѣднемъ областномъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ г. Одессѣ. („В. и Раз.“ №№ 22—24 1905 г.) и въ засѣданіяхъ VI Отдѣла Предсоборнаго Присутствія, въ сектанскомъ мірѣ большимъ подъемомъ духа и, главнымъ образомъ, усиленіемъ организованной пропаганды. Все это при почти полной безнаказанности не только частной, но и публичной проповѣди религіозныхъ лжеученій и притомъ съ цѣлью совращенія въ оныя православныхъ, грозитъ нашей Церкви еще большими бѣдствіями.

Въ Харьковской епархіи давно свили себѣ прочныя гнѣзда наиболѣе склонныя къ прозелитизму секты штундистовъ и хлыстовъ. Въ настоящее время мѣстные штундисты открыли въ г. Харьковѣ при центральномъ штундовомъ Комитетѣ особый „Союзъ вѣрующихъ евангельскихъ христіанъ“ на подобіе нашихъ братствъ; оставивъ въ силѣ прежніе „библейскіе вечера“, они учредили еще спеціальныя „миссіонерскіе курсы“ для возможно лучшаго обученія на нихъ дѣлу пропаганды городскихъ и особенно сельскихъ штундовыхъ „пресвитеровъ“, проповѣдниковъ и рядовыхъ „братій“; увеличили институтъ разъѣздныхъ проповѣдниковъ, которыхъ насчитываютъ болѣе десяти и т. д. Перечисленныя и имъ подобныя мѣры направлены, главнымъ образомъ, на дѣло пропаганды штундизма среди православныхъ, особенно проживающихъ въ селахъ, деревняхъ и хуторахъ.

Кромѣ упомянутыхъ сектъ есть въ Харьковской епархіи и другія,—это секты скопцовъ, іеговистовъ и толстовцевъ. Последніе дѣятельно ведутъ среди православныхъ социальнорелигіозную пропаганду, имѣющую для себя удобную почву въ современной сумятицѣ. Я не упоминаю здѣсь о тѣхъ лжеученіяхъ, которыя, будучи въ своемъ существѣ безрелигіозными

или даже враждебными всякой религіи, однако усилено пропагандируются въ народѣ подъ христіанскимъ обличемъ.

Все это побуждаетъ насъ обратить серьезное вниманіе на болѣе мощную организацію въ предѣлахъ Харьковской епархіи отпора со стороны Православной Церкви всѣмъ лжеученіямъ, особенно въ мѣстахъ наибольшаго ихъ развитія, каковыми являются уѣзды: Богодуховскій, Валковскій, Волчанскій и Купянскій. Съ этою цѣлью мы признаемъ необходимымъ прежде всего открытіе въ г. Харьковѣ *миссіонерскихъ курсовъ*, которые происходили бы въ одинъ изъ наиболѣе свободныхъ у духовенства мѣсяцевъ въ году и на которые приглашались бы священнослужители, церковнослужители, міряне—ревнителі православія—преимущественно изъ зараженныхъ лжеученіями приходовъ съ цѣлью возможно лучшей подготовки ихъ къ борьбѣ съ сектанствомъ и вообще съ пропагандою ложныхъ религіозныхъ воззрѣній. Расчитывая курсы ежегодно на пятьдесятъ человѣкъ, всѣ расходы по устройству оныхъ, разумѣя путевые и мѣсячное содержаніе курсистовъ можно опредѣлить приблизительно не болѣе 1500 рублей. Занятія могли бы происходить, съ надлежащаго разрѣшенія, въ прекрасномъ залѣ Духовнаго училища. Польза для миссіонерскаго дѣла въ епархіи отъ такихъ курсовъ настолько ясна и общепризнана, что не нуждается въ особой на этотъ разъ защитѣ. А ничтожная ежегодно затрата на курсы побуждаетъ насъ вѣрить, что духовенство епархіи используетъ эту прекрасную мѣру для пользы святого дѣла, которому оно призвано служить.

Но наши пожеланія идутъ и дальше. Принимая во вниманіе, что наиболѣе зараженныхъ въ епархіи уѣздовъ четыре, это Богодуховскій, Валковскій, Волчанскій и Купянскій, мы считаемъ весьма полезнымъ учрежденіе двухъ должностей *окружныхъ миссіонеровъ*, изъ которыхъ одна для Богодуховскаго и Валковскаго уѣздовъ, а другая для Волчанскаго и Купянскаго. О такихъ окружныхъ миссіонерахъ ходатайствовали даже миссіонерскіе съѣзды духовенства, какъ на примѣръ бывшій въ 1905 г. съѣздъ въ г. Богодуховѣ, на которомъ благоволилъ присутствовать Высокопреосвященный Владыка („В. и Р.“ 1905 г. № 18). Содержаніе окружныхъ миссіонеровъ изъ лицъ

окончившихъ курсъ духовной семинаріи и уже проявившихъ способность къ миссіонерству, обойдется въ годъ каждаго не болѣе 1600 руб. съ прогонными, что для двухъ миссіонеровъ составитъ 3200 р. въ годъ.

Оба учрежденія, т. е.: миссіонерскіе курсы и окружная миссія, какъ мы имѣли возможность лично ознакомиться, ожидаются многими пастырями нашей епархіи и, опираясь на ихъ желаніе, мы съ особенною радостью привѣтствовали бы появленіе этихъ учрежденій, пригодность которыхъ уже испытана, въ Харьковской церкви ¹⁾.

Далѣе. Въ цѣляхъ возможно лучшаго сближенія всѣхъ дѣятелей миссіи на общемъ у нихъ поприщѣ, съ цѣлью возможно полнаго освѣщенія всѣхъ вопросовъ миссіи и, главнымъ образомъ, вопросовъ борьбы съ сектанскими лжеученіями, желательно было бы открытіе при „Извѣстіяхъ по Харьковской епархіи“ особаго „Миссіонерскаго листка“, размѣромъ въ одинъ печатный листъ ежемѣсячно, какъ то существуетъ во многихъ епархіяхъ и чего польза для Церкви въ ея борьбѣ съ мѣстными лжеученіями неоспорима.

Вотъ тѣ думы, которыми мы сочли долгомъ подѣлиться съ читателями „Извѣстій по Харьковской епархіи“ наканунѣ открытія въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года епархіальнаго съѣзда духовенства, отъ котораго будетъ зависѣть осуществленіе проектированнаго нами и нашими единомышленниками изъ духовенства зараженныхъ въ епархіи сектами приходоѡ.

И. Айвазовъ.

Харьковъ. 28 іюля, 1906 года.

Памяти заслужен. ординарнаго профессора Кіевской Духовной Академіи П. Ив. Линицкаго.

Нашъ философскій міръ, замѣтно оживившійся въ послѣднее время, въ тоже время продолжаетъ нести тяжелыя утраты въ лицѣ лучшихъ представителей нашей философской мысли. За короткое время у насъ сошли въ могилу профф. Кудрявцевъ, Гротъ, Соловьевъ, Козловъ, кн. Трубецкой и др.,—наши коренныя философскаго

¹⁾ Высокопреосвященный Арсеній благоволилъ рѣшить этотъ вопросъ въ полномъ смыслѣ, болѣе удобномъ для епархіальной миссіи (см. въ началѣ „Извѣстій“ въ н. вн.).

мышленія, не успѣвъ подарить обществу законченнаго и цѣльнаго міросозерцанія съ своихъ философскихъ точекъ зрѣнія. Вотъ и еще открылась преждевременная могила одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ намъ философовъ: въ іюлѣ текущаго года тихо, безболѣзненно отошелъ въ вѣчность заслуженный ординарный профессоръ Кіевской Духовной Академіи по кафедрѣ философіи, д. ст. сов. Петръ Ивановичъ Лвняцкій, такъ много потрудившійся для любимой имъ науки.

Имя П. Ив. Лвняцкаго хорошо было извѣстно не только въ предѣлахъ Кіевской епархіи, но и за предѣлами ея. Безъ преувеличенія можно сказать, что со смертію П. Ив. великую утрату понесла вся ученая и просвѣщенная Россія. Большую потерю понесъ съ кончиною П. Ив. и нашъ журналъ: много лѣтъ почившій былъ желаннымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала „Вѣра и Разумъ“.

Сынъ священника Харьковской епархіи, почившій окончилъ курсъ въ 1861 г. однимъ изъ лучшихъ учениковъ въ Харьковской духовной семинаріи. Затѣмъ онъ былъ посланъ для продолженія образованія въ Кіевскую духовную академію. Здѣсь, блестяще окончивъ курсъ, П. И. оставленъ былъ при академіи для преподаванія одной изъ философскихъ наукъ. Въ теченіе болѣе 40 лѣтъ онъ неутомимо работалъ на философской нивѣ и былъ неустаннымъ сѣятелемъ философскихъ истинъ среди молодыхъ и талантливыхъ слушателей. Отъ природы онъ былъ одаренъ свѣтлымъ умомъ и сильною волею. Какъ профессоръ, П. Ив. былъ преемникомъ и соработникомъ нашихъ извѣстныхъ философовъ Пospѣхова и Юрневича, — того Юрневича, который зажгъ свѣточъ философіи въ Московскомъ университетѣ и, вмѣстѣ съ знаменитымъ философомъ В. Д. Кудрявцевымъ, вызвалъ къ философской жизни славнаго нашего философа В. С. Соловьева.

П. Ив. получилъ ученую степень магистра богословія за диссертацию подъ заглавіемъ: „Различныя направленія нѣмецкой философіи послѣ Гегеля въ отношеніи къ религіи“, гдѣ онъ разсмотрѣлъ пантеизмъ Краузе, теизмъ Шеллинга, теизмъ правой стороны Гегельянской школы — Фихте младшаго и Вейссе, атеизмъ послѣ Гегеля, деизмъ послѣ Гегеля и пр. въ ихъ отношеніяхъ къ протестантскимъ вѣрованіямъ. Сочиненіе это было напечатано въ ж. „В. и Р.“ въ 1887 г. подъ псевдонимомъ И. Петрова. Именно это сочиненіе навсегда опредѣлило его философскую карьеру. Послѣдовательно слѣдя за направленіемъ нѣмецкой философіи во весь этотъ

періодъ, въ ея отношеніи къ протестанскому богословію,—онъ долженъ былъ глубоко познакомиться какъ съ философскою, такъ и съ богословскою протестантскою мыслию за это время. И онъ пришелъ къ заключенію, что современная ему нѣмецкая философія есть антиподъ средневѣковой, схоластической философіи. Если средневѣковую схоластическую философію укоряли въ томъ, что она была *ancilla theologiae* (служанка богословія), то современную нѣмецкую философію можно укорить въ томъ, что она является *domina theologiae* (госпожею богословія), т. е. предпочитаетъ ограниченный человѣческой разумъ божественному откровенію. Упомянутый же капитальный трудъ П. Ив. опредѣлилъ собою и его основное воззрѣніе на православное богословіе и на нашу философію. Если прежде, да и теперь многіе православные богословы, подобно чужестраннымъ, стараются доказать, что между разумомъ и откровеніемъ, философіею и религіею, нѣтъ и не можетъ быть противорѣчія, т. е. стараются ясно очертить ихъ взаимныя границы, то П. Ив. пошелъ дальше и рѣшился установить новую точку зрѣнія на этотъ предметъ, говоря, что надобно опредѣлять не ихъ взаимныя границы, а живую гармоническую связь, гармоническое единство ихъ. Въ откровеніи онъ видѣлъ одинъ и тотъ же разумный свѣтъ, восполняющій собою свѣтъ естественнаго разума. Таковы были, между прочимъ, его статьи, напечатанныя въ ж. „Вѣра и Разумъ“ въ 1889 г. подъ заглавіемъ: „Вѣра и знаніе“, „Чѣмъ различается вѣра отъ знанія“, „Какъ возможно единство вѣры и знанія“. Именно эта же, несомнѣнно глубокая и оригинальная, идея опредѣляла собою и все его философское міросозерцаніе; именно она дала ему право быть нашимъ философомъ—мыслителемъ религіознымъ.

Помимо трудовъ, какіе покойный несъ по должности профессора академіи и другимъ приватнымъ должностямъ, онъ находилъ время и для литературныхъ работъ въ разныхъ органахъ печати. Его перу принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующія работы: „Ученіе Платона о Богѣ“, „Обзоръ философскихъ ученій“, „Объ умозрѣніи и отношеніи умозрительнаго познанія къ опыту (теоретическому и практическому)“, „Абсолютное само въ себѣ и въ отношеніи къ конечному“, „О духѣ, какъ необходимомъ принципѣ философіи“, „Матерія и духъ какъ всеобщія начала бытія“, „Объ образѣ существованія Абсолютнаго или отношеніе между Безусловнымъ и условнымъ“, „Основные черты ученія объ Абсолютномъ“, „Пессимизмъ, какъ выраженіе и вмѣстѣ послѣдствіе опредѣленнаго

міросозерцанія“, „О существѣ духа“, „Философія и наука“, „Философія Эдуарда Гартмана“, „Объ отношеніи конечнаго духа къ безконечному“ и *мн. др.* Впрочемъ мы не прививаемъ на себя задачи перечислять всѣ его труды, помѣщенные въ разныхъ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ, хотя даже простое перечисленіе ихъ могло бы дать внимательному читателю болѣе или менѣе ясное понятіе объ обширной эрудиціи и глубокомъ философскомъ міросозерцаніи нашего почившаго философа. Упомянемъ только, что въ одномъ лишь нашемъ журналѣ онъ разновременно помѣстилъ 33 сочиненія и въ томъ числѣ свои капитальныя произведенія подь заглавіемъ: „Кривическое обозрѣніе обычныхъ взглядовъ и сужденій о разныхъ видахъ дѣятельности и началахъ общественнаго благоустройства“ (1884 г.); „Идеализмъ и реализмъ“, въ которомъ онъ послѣдовательно излагаетъ всторію этихъ двухъ философскихъ направленій, начиная съ архаическаго періода философіи и кончая общими замѣчаніями о позитивизмѣ (1892—1893 г.г.); и наконецъ „Изыщная литература и философія“, гдѣ высказываетъ свои глубокомысленныя сужденія о нашихъ классическихъ писателяхъ: Гоголѣ, Пушкинѣ, Достоевскомъ и Гургеневѣ“ (1892—1893 г.г.). Последнее сочиненіе его было увѣнчано высшею премію отъ Академіи Наукъ.

Послѣ покойнаго, какъ намъ извѣстно, остались законченныя статьи: „Философская пропедевтика“ и „О воспитаніи“. Первую изъ этихъ статей, благодаря любезности сына П. Ив., мы печатаемъ въ настоящей книжкѣ нашего журнала. Она приготовлена была покойнымъ профессоромъ въ отвѣтъ на предложеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія о введеніи преподаванія нѣкоторыхъ частей философіи въ курсъ гимназическаго образованія. Кроме того, П. Ив. оставилъ капитальнѣйшій трудъ, плодъ своей 40-лѣтней ученой дѣятельности, любимѣйшее свое дѣтище—„Систему философіи“. Этотъ трудъ въ окончательной редакціи (1905—1906 г.) не доведенъ до конца, но имѣются редакціи прошлыхъ лѣтъ, которыя въ общемъ могутъ дать понятіе о томъ, какое величественное, стройное и грандіозное твореніе—его система философіи. Если будетъ возможно, мы постараемся напечатать это сочиненіе въ нашемъ журналѣ.

П. Ив. не былъ популярнымъ философомъ въ простонародномъ смыслѣ и еще менѣе—общенароднымъ ораторомъ. Цвѣты красно-рѣчія не цвѣли въ его философскомъ саду. Всегда серьезный и глубокий, чуждый малѣйшаго желанія угождать разнообразнымъ

случайнымъ вкусомъ, онъ всегда смотрѣлъ на своихъ читателей, какъ на свою академическую аудиторію, гдѣ былъ окруженъ юношами столько же талантливыми, какъ и достаточно подготовленными слушать его мудрые уроки. Тѣмъ не менѣе его глубокая мысль всегда соединена была съ изящною простотою рѣчи, а способъ изложенія ея съ эстетическою точностію и мѣрою. Вотъ почему для лицъ, привыкшихъ къ фельетонной поверхностности, или вскавшихъ въ чтеніи не наученія, а развлеченія, нѣкоторыя статьи П. Ив. могли казаться малоинтересными и даже отвлеченными. Не то было съ читателями, внимательно слѣдившими за полнымъ развитіемъ его философской мысли и за всестороннимъ и детальнымъ освещеніемъ ея современной нашей культуры. Они не могли не видѣть въ немъ тонкаго аналитика, строго — послѣдовательнаго мыслителя, искренняго философа, ученаго съ обширною и многостороннею образочанностію. Нѣтъ сомнѣній, чтобы надлежащимъ образомъ вполне охватить и оцѣнить всѣ его произведенія, показать ихъ единство, цѣльность и законченность, отъ будущаго историка нашей философіи потребуется много труда и обширныхъ знаній. Вотъ почему мы думаемъ, что надлежащимъ образомъ оцѣнить П. Ив. еще не скоро. Пройдетъ, быть можетъ, десятокъ лѣтъ прежде чѣмъ русское общество увидитъ въ немъ своего великаго философа и учителя.

Да упокоеть Господь душу почившаго философа-христіанина въ селеніяхъ праведныхъ!

Л. Б—ов.

Архіерейскія богослуженія.

22-го іюля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны литургію и молебенъ въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Преосвященнѣйшій Евгеній, епископъ Сумскій. Въ сослуженіи съ нимъ были: кафедр. протоіерей С. Любичкій, прот. Благовѣщенской церкви В. Поновъ, благочинный протіерей В. Добровольскій, соборные священники: Г. Виноградовъ и В. Яновскій и священникъ с. Основы М. Петровъ. На литургіи было произнесено слово священникомъ Рождество-Богородичной церкви о. Николаемъ Липскимъ.

— 27-го іюля, въ день св. великомученика Пантелеймона, Преосвященнѣйшій Евгеній изволилъ совершить литургію въ Пантелеймоновской церкви г. Харькова по случаю храмоваго праздника этой церкви. Въ служеніи, при протоіакопѣ В. Вербицкомъ, участвовали протоіерей: кафедральный о. С. Любвицкій, председатель совѣта епархіального училища о. І. Шпета, ключарь І. Гончаревскій, благочинные о. П. Полтавцевъ и о. В. Добровольскій, и настоятель церкви о. В. Ветуховъ. Пѣль архіерейскій хоръ пѣвчихъ. Послѣ литургіи и молебна Его преосвященство посѣтилъ квартиру о. настоятеля церкви, гдѣ служащимъ и почетнымъ прихожанамъ былъ предложенъ чай.

— 30-го іюля, въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича Алексія Николаевича, литургію и молебенъ въ кафедральномъ соборѣ изволилъ совершать Его Высокопреосвященство Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Въ сослуженіи участвовали: кафедральный протоіерей о. С. Любвицкій, ключарь І. Гончаревскій, благочинный протоіерей о. В. Добровольскій, членъ консисторіи священникъ о. П. Фоманъ, соборный священникъ о. Л. Твердохлѣбовъ и священникъ с. Основы о. М. Клячный. На богослуженіи присутствовали: харьковскій временный генералъ-губернаторъ, корпусный командиръ, генералитетъ и представители различныхъ вѣдомствъ.—Слово на литургіи пропознесено было о. ректоромъ семинаріи протоіереемъ А. Юшковымъ.

— 1-го августа литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Преосвященнѣйшій Евгеній, епископъ Сумскій, въ сослуженіи: кафедрального протоіерей о. С. Любвицкаго, ключаря собора протоіерей І. Гончаревскаго, благочиннаго протоіерей о. В. Добровольскаго и соборнаго священника о. Г. Виноградова. Послѣ литургіи, при участіи градскаго духовенства и при значительномъ стеченіи народа, былъ совершенъ Его Преосвященствомъ крестный ходъ на рѣку Лопань и освященіе воды.

— 5-го августа Его Высокопреосвященство изволилъ совершать всенощную въ своей домовоі церкви на дачѣ „Всѣхсвятское“.

— 6-го августа, въ день Преображенія Господня, Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній изволилъ совершать литургію въ Преображенскомъ соборѣ Куряжскаго монастыря въ сослуженіи съ Преосвященнѣйшимъ Евгеніемъ, епископомъ Сумскимъ, пятью іеромонахами Куряжскаго монастыря, при ключарѣ протоіерей І. Гончаревскомъ, протоіакопѣ В. Вербицкомъ и при пѣніи архіерейскаго хора пѣвчихъ. Въ концѣ

литургіи, совершенной при громадномъ стеченіи молящихся Высокопреосвященный Владыка произнесъ прекрасное по содержанію и сильное по чувству слово о праздникѣ Преображенія Господня въ приложеніи къ современнымъ событіямъ и явленіямъ въ нравственной жизни русскаго общества. Слово это своимъ содержаніемъ соединеннымъ съ живымъ и увлекательнымъ изложеніемъ, произвело очень сильное впечатлѣніе на слушателей. Послѣ литургіи былъ совершенъ молебенъ съ освященіемъ плодовъ и пропнесены многолѣтія Государю Императору и Царствующему Дому, Св. Синоду, Архіепископу, благотворителямъ и братіи обители и особо настоятелю обители Преосвященному Епископу Евгенію. Послѣ богослуженія Высокопреосвященный Владыка былъ препровожденъ братією монастыря „со славою“ въ покой Преосвященнаго настоятеля монастыря Епископа Евгенія, гдѣ пзволялъ пить чай и обѣдать. Въ 3-мъ часу дня Владыка отбылъ на дачу „Всѣхсвятское“.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Вновь открываемая второклассная учительская церковно-приходская школа.

Въ слободѣ Велико-Бурлукѣ, Волчанскаго уѣзда, въ настоящемъ году открывается второклассная учительская церковно-приходская школа. Требуются для школы учителя съ педагогическимъ образовательнымъ цензомъ. Содержаніе учителямъ: при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи старшему учителю 540 руб. въ годъ, второму 480 руб. въ годъ, за преподаваніе пѣнія 200 руб., учителю образцовой церковно-приходской школы 360 руб. въ годъ. Желаящіе поступить благоволятъ подавать прошеніе съ требуемыми документами въ Волчанское Отдѣленіе Харьк. Епар. Училищнаго Совѣта.

Желаящіе поступить учащимися въ названную школу должны подавать прошеніе на имя Школнаго Совѣта второклассной учительской Велико-Бурлуцкой церковно-приходской школы. (адресъ *Почт. Отд. Великій-Бурлукъ, Харьковской губерніи*) о допущеніи къ экзамену и, по испытаніи по программѣ народной школы, о принятіи въ число учениковъ. При школѣ общежитіе. За квартиру, отопленіе, освѣщеніе, столъ и мойку бѣлья въ учебный годъ каждый учащійся обязанъ внести приблизительно 50 рублей, или же на ту же сумму съѣстныхъ припасовъ, какъ то: муки, масла, сала, пшена и т. д.

Священникъ Петръ Лукашевъ.

Описаніе 25 лѣтняго юбилея смотрителя Купянскаго Духовнаго Училища Ивана Ивановича Григоровича.

25 мая 1906 г. духовенство Купянскаго училищнаго округа, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Харьковскаго Арсенія, чествовало смотрителя Купянскаго духовнаго училища, статскаго совѣтника, Ивана Ивановича Григоровича, по случаю исполнившагося въ августѣ, прошлаго 1905 г., двадцати-пятилѣтія его учебно-воспитательной дѣятельности. Бывшій въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года окружной сѣздъ духовенства, въ собраніи своемъ, единогласно постановилъ, въ знакъ благодарности къ достоуважаемому юбиляру, за его полезную и благотворную для училища дѣятельность, за его любовь и сердечныя—добрыя отношенія къ дѣтямъ духовенства, поднести ему образъ соименнаго ему святого Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Это постановленіе сѣзда утверждено было Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкою Арсеніемъ и выполнять его было поручено уважаемымъ представителямъ окружнаго духовенства протоіереемъ о. Михаилу Чернявскому, какъ безсмѣнно предсѣдательствующему на всѣхъ училищныхъ сѣздахъ вирожденіе очень многихъ лѣтъ, в священнику о. Θεодосію Навродскому, состоящему очень долгое время членомъ училищнаго Правленія отъ духовенства округа. По порученію вышеозначенныхъ лицъ св. образъ былъ заказанъ въ Москвѣ, но долго не могъ быть доставленъ, по случаю желѣзнодорожныхъ и фабричныхъ забастовокъ, и прибылъ въ Купянскъ только въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года. Днемъ подношенія святого образа было избрано 25 мая.

Въ этотъ день въ училищной церкви была отслужена божественная литургія, послѣ которой въ квартиру юбиляра прибыл о.о. представители окружнаго духовенства: благочинные 3-го Купянскаго округа протоіерей о. Михайлъ Чернявскій и 1-го округа священникъ о. Василій Поповъ, члены училищнаго правленія отъ духовенства: о. Θεодосій Навродскій и о. Іоаннъ Нечаевъ и городское духовенство во главѣ съ настоятелемъ собора протоіереемъ о. Іоанномъ Левандовскимъ.

Прежде подношенія юбиляру св. образа въ квартирѣ его былъ торжественно отслуженъ молебенъ св. Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову протоіереемъ о. М. Чернявскимъ, въ сослуженіи о. В. Попова, о. Θ. Навродскаго, о. І. Нечаева и училищнаго священника—надзирателя о. С. Дубровина. Въ концѣ молебна

было возглаголено многолѣтіе Государю Императору съ Царствующимъ Домомъ, Высокопреосвященнѣйшему Архипастырю Нашему — Владыкѣ Арсевию, милостиво созволѣвшему на чествованіе юбиляра и самому юбиляру.

По окончаніи молебна членъ училищнаго правленія о. Θεодосій Навродскій прочиталъ, составленный имъ, отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа, во многомъ обязаннаго юбиляру за его заботы и попеченіе о вѣрнѣйшемъ ему училищѣ, за его любовь и отзывчивое отеческое отношеніе его къ дѣтямъ духовенства, слѣдующій глубоко прочувствованный адресъ.

„Исполняя завѣтъ великаго учителя Апостола Павла, сказавшаго: „Молю вы, братіе, знайте труждающихся у васъ“ (Сол. гл. 5, ст. 12), мы собрались, Отцы и Милостивые Государи, почтять безукоризненно и съ полнымъ усердіемъ четверть вѣка потрудившагося на педагогическомъ поприщѣ Начальника сего заведенія, Смотрителя Купянскаго духовнаго училища, досточтимаго Ивана Ивановича Григоровича.

Постъ педагогическій, въ особенности въ роли начальника учебнаго заведенія, весьма труденъ и отвѣтственъ не только предъ родителями, вручившими для образованія и воспитанія своихъ дѣтей, которыхъ онъ обязанъ возвратитъ имъ на радость и утѣшеніе, но и предъ цѣлымъ обществомъ, для котораго онъ долженъ воспитать ихъ къ будущей полезной дѣятельности въ духѣ нашей православной церкви и въ правилахъ русскаго честнаго гражданина. Въ этой первоначальной школѣ должны развиваться въ дѣтяхъ тѣ духовныя силы, которыми надѣлилъ ихъ Господь, должны быть положены тѣ религіозно-нравственныя основанія, на которыхъ вырабатываются характеры будущихъ дѣятелей, необходимыя для семьи, общества и государства. Эти основанія тѣмъ правильнѣе и прочнѣе должны быть положены, что школа эта по преимуществу служитъ первоначальнымъ разсадникомъ будущихъ пастырей и учителей народа.

Если примемъ во вниманіе то обстоятельство, что контингентъ нашего училища наполняется дѣтьми сельскими, не только не знакомыми съ какой-либо дисциплиной, но и съ простыми правилами вѣжливости и подчиненности, нерѣдко съ грубымъ характеромъ и многими другими нравственными недостатками, то окажется, что дѣло исправленія означенныхъ недостатковъ для начальника учебнаго заведенія весьма трудное и отвѣтственное. На начальникѣ заведенія лежитъ тяжелая обязанность всѣ означен-

вые недостатки дѣтей, врученныхъ ему родителямъ, выравнять и исправить ихъ, чтобы, сдавая ихъ въ заведеніа, съ спокойною совѣстію онъ могъ сказать: „Се азъ и дѣти мои“. Задача, какъ видите, весьма не легкая! Сколько требуется мужества, терпѣнія, практичности и осторожностей для столь труднаго дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ сердечнаго—отеческаго попеченія къ своимъ питомцамъ, которые, при любящемъ сердцѣ Начальника заведенія, становятся для него какъ бы родной семьей.

Досточтимый Иванъ Ивановичъ! Намъ извѣстны Ваши истинно отеческія отношенія къ нашимъ дѣтямъ и Ваше любящее сердце, совмѣщающія всѣхъ ихъ безъ различія и предпочтенія. Намъ извѣстны Ваша забота о нихъ, какъ о своей родной семьѣ и та снисходительность къ нимъ, къ ихъ ошибкамъ, въ границахъ законности, которыя взыскали взаимную любовь и дѣтей къ Вамъ.

Вы состоите Начальникомъ врученнаго Вамъ заведенія въ несчастное и печальное для нашего отечества время, когда со всѣхъ сторонъ вѣетъ духъ невѣрія и растлѣнія нравовъ, что сильно отразилось на молодомъ поколѣніи, въ особенности на воспитанникахъ учебныхъ заведеній, но, благодаря педагогической опытности и усиленнымъ трудамъ, Вы въ это печальное время умѣло вели учебное дѣло и удержали своихъ питомцевъ въ границахъ законности и подчиненности требованіямъ правилъ Устава учебнаго заведенія, сохранивъ дѣтей нашихъ отъ тлетворнаго вѣянія, обурявшаго нашихъ соотечественниковъ.

Не можемъ пройти молчаніемъ о тѣхъ долговременныхъ и полезныхъ трудахъ, которые, до поступленія Смотрителемъ Купянскаго духовнаго училища, Вы понесли, состоя преподавателемъ Кіево-Софійскаго духовнаго училища и Епархіальнаго училища дѣввицъ духовнаго званія въ городѣ Кіевѣ, смотрителемъ и преподавателемъ Черкаскаго духовнаго училища, Кіевской епархіи, членомъ отдѣленія Кіевскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, а въ послѣднихъ двухъ должностяхъ состоите въ настоящее время и въ городѣ Купянскѣ. Такую разностороннюю и плодотворную Вашу дѣятельность, къ великому нашему удовольствію, не могло не оцѣнить и Высшее Начальство, наградившее Васъ многими знаками отличія, до ордена Св. Анны II степени включительно.

Досточтимый Иванъ Ивановичъ! Высокою цѣнивая Вашу столь продолжительную и благотворную службу на духовно-учебномъ поприщѣ и въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, мы отъ усердія своего подносимъ Вамъ, съ благословенія и разрѣшенія Милости-

вѣйшаго нашего Архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, сію Святую икону Вашего Ангела, Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Пусть будетъ образъ этотъ памятникомъ для Васъ о благоларномъ и прызнательномъ Вамъ духовенствѣ Купинскаго училищнаго округа. Обращаясь же съ молитвою къ Господу Богу о здравіи и благоденствіи Вашемъ, выражаемъ сердечныя благопожеланія, чтобы Ваша многоплодная духовно-учебная дѣятельность продолжалась еще много лѣтъ, ко благу ввѣреннаго Вамъ Купинскаго духовнаго училища.

Св. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ да сохранитъ Васъ отъ бѣдъ, напастей, да защищаетъ и покрываетъ своимъ предстательствомъ предъ Милосерднымъ Господомъ отъ всякаго зла.

По прочтеніи адреса протоіерей о. М. Чернявскій вручилъ юбиляру св. образъ, осѣнивъ его имъ и при этомъ сказавъ, что онъ усердно благодаритъ Господа, поддержавшаго его тѣлесныя силы и давшаго ему возможность участвовать въ радостномъ училищномъ торжествѣ и лично благословить святой иконой отъ лица окружнаго духовенства глубокоуважаемаго пмъ юбиляра.

Растроганный Иванъ Ивановичъ благоговѣнно преклонился предъ св. образомъ, облобызалъ его и на это сердечное привѣтствіе духовенства отвѣтилъ слѣдующее: „Духовенствомъ Купинскаго духовно-училищнаго округа оказано и нынѣ оказывается мнѣ столько вниманія и сочувствія, что я не нахожу словъ, чтобы выразить Вамъ, достоуважаемые о.о. представители духовенства, мое чувство благодарности за столь участливое ко мнѣ отношеніе. Могу сказать только одно, что Вы слишкомъ усердно восхваляете мои служебныя качества и достоинства; я же, по чистой совѣсти, не признаю въ себѣ ничего такого, за что бы я былъ достоинъ похвалы отъ Бога и отъ людей. Правда, во время 25-лѣтней моей службы происходили иногда нѣкоторыя улучшенія въ той или другой части училищной жизни, но опять-таки, по чистой совѣсти, скажу, что такіе успѣха всегда зависѣли больше всего отъ усердія, опытности и добросовѣстности моихъ коллегъ по учебно-воспитательной дѣятельности съ одной стороны, и отъ щедрости и постоянной отзывчивости на все доброе и полезное для училищной жизни со стороны окружнаго духовенства. Привимая съ чувствомъ благоговѣнія и глубокой благодарности сей дорогой и знаменательный для меня Вашъ даръ,—святую икону моего Небеснаго Ходатая, я съ своей стороны вседушевно желалъ бы и былъ бы неиз-

мѣримо счастливъ, если бы и Ваши силы и здоровье, досточтимые о.о. представители нашего окружного духовенства и глубокоуважаемые мои коллеги, по молитвамъ и предстательству св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, и мои недостойнымъ, крѣпли и развивались для блага нашего училища еще на многая и многая лѣта“!

Когда юбиляръ окончилъ свою благодарственную рѣчь, изъ среды учениковъ 4 класса выступилъ ученикъ Иванъ Макаровскій и отъ лица товарищей своихъ, какъ представителей всѣхъ младшихъ учениковъ училища, сказалъ: „Глубокочтимый, добрый и дорогой Иванъ Ивановичъ! Сердечно привѣтствуемъ Васъ съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашей учебно-воспитательной дѣятельности въ родномъ нашемъ училищѣ и отъ души желаемъ Вамъ здоровья и крѣпости силъ еще много и много лѣтъ трудиться на пользу вступающихъ за нами на общій нашъ путь нашихъ меньшихъ братьевъ. Сознавая важность переживаемаго Вами момента, мы, Ваши питомцы, окончивающіе училищный курсъ въ юбилейный годъ Вашей службы, позволяемъ себѣ принести Вамъ, дорогой Иванъ Ивановичъ, искреннее поздравленіе съ рѣдкимъ для воспитателя праздникомъ и наилучшія пожеланія въ дальнѣйшей Вашей жизни, свидѣтельствуя чувства сердечной любви къ Вамъ и уваженія всей нашей многочисленной юной школьной семьи. Любовь нашу Вы истинно заслужили своимъ добрымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ намъ, — Вашимъ ученикамъ, — продолженіе всей нашей училищной жизни.

Тяжела и отвѣтственна Ваша служебная дѣятельность — стоять во главѣ воспитанія дѣтей, но Вы Вашимъ добрымъ сердцемъ всегда умѣли понять наши дѣтскія нужды, и сердечной внимательностью и любовью сглаживали наши естественныя школьныя ошибки и недостатки. Во всей нашей жизни съ Вами, дорогой Иванъ Ивановичъ, мы видѣли постоянную Вашу любовь и заботливость къ намъ. Такъ, исключительно Вашими стараніями устроенъ для насъ въ нашемъ училищномъ дворѣ прекрасный садъ, столь цѣнный для насъ особенно въ настоящую страдную экзаменную пору.

Да процвѣтаетъ же и развивается, какъ посаженный Вами садъ, и Ваша плодотворная дѣятельность на нивѣ духовнаго просвѣщенія и воспитанія юныхъ душъ и сердецъ для пользы и славы нашего родного Купанскаго училища“. Слѣдуютъ подписи 26 учениковъ 4 класса.

Въ отвѣтъ на сердечное—дѣтское привѣтствіе учениковъ Иванъ Ивановичъ поблагодарилъ ихъ за ихъ добрыя чувства къ нему, за ихъ сыновнюю любовь къ нему, какъ къ отцу ихъ, которому они вручены своими родителями для воспитанія и наставленія правиламъ святой православной вѣры и доброй христіанской жизни. Послѣ этого ученики ушли въ столовую обѣдать, гдѣ имъ послѣ обѣда юбиляромъ были розданы конфеты и мороженое, а всѣхъ присутствующихъ гостей любезный хозяинъ-юбляръ пригласилъ къ себѣ на чай и обѣдъ. За обѣдомъ первый тостъ былъ провозглашенъ за главнаго начальника духовно-учебныхъ заведеній въ епархіи Архіепископа Арсенія, Высокопреосвященнаго представителя и покровителя духовной науки, милостиво разрѣшавшаго духовенству училищнаго округа почтить двадцатипятилѣтіе служенія этой наукѣ юбиляра.

Отвѣтомъ присутствующихъ за обѣдомъ на тостъ за Милостивѣйшаго Архипастыря было: „Многая лѣта“. Затѣмъ былъ предложенъ тостъ за уважаемаго юбиляра, послѣ чего къ нему съ привѣтственной рѣчью обратился предсѣдатель мѣстнаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта о. А. Субботинъ, который охарактеризовалъ дѣятельность И. И., какъ члена отдѣленія, много и добросовѣстно потрудившагося для пользы церковно-школьнаго дѣла и не только въ Купянскомъ уѣздѣ, Харьковской епархіи, но и Кіевской губерніи, гдѣ юбиляръ служилъ раньше и членомъ отдѣленія, въ которой состоялъ съ самаго основанія отдѣленія, епархіальнаго училищнаго Совѣта. «Глубокоуважаемый Иванъ Ивановичъ!» Такъ началъ свою рѣчь о. предсѣдатель, „въ поднесенномъ Вамъ отъ имени духовенства Купянскаго училищнаго округа адресѣ упоминается, между прочимъ, о Вашемъ участіи въ церковно-школьномъ дѣлѣ. Я не исполнялъ бы своего долга по отношенію къ Вамъ, если бы, съ своей стороны, не сказалъ въ настоящій моментъ чествованія Вашего съ 25-ти лѣтіемъ учебно-педагогической дѣятельности, хотя нѣсколькихъ словъ.

Званіе члена отдѣленія епархіальнаго училищнаго Совѣта, которое Вы имѣете и въ настоящее время, не связано непосредственно съ Вашимъ служебнымъ положеніемъ по духовно-учебному вѣдомству; трудъ въ области церковно-школьнаго дѣла является трудомъ добровольнымъ, поэтому избраніе Васъ въ члены отдѣленій (Черкаскаго, Кіевской губ. и затѣмъ Купянскаго) указываетъ на особую ревность и заботу Вашу о школьномъ дѣлѣ. И этому дѣлу Вами отданъ, несмотря на сложность прямыхъ Вашихъ

служебныхъ обязанностей, довольно продолжительный періодъ, съ 1888 г., т. е. около 18 лѣтъ. Въ теченіе этого времени Вы исполняли и хлопотливыя обязанности члена-казначея отдѣленія (въ г. Черкассахъ) и нелегкую обязанность предсѣдателя отдѣленія (въ г. Купянскѣ). Обращаясь къ вашей дѣятельности по званію члена уѣздныхъ отдѣленій епарх. учил. Совѣта—Черкаскаго и Купянскаго, я не могу не засвидѣтельствовать какъ на основаніи личныхъ наблюденій и знакомства съ всею по своему служебному положенію, такъ и на основаніи документальныхъ данныхъ, о. Вашемъ сочувствіи церковно-школьному дѣлу и просвѣщенію народа въ духѣ преданности православной Вѣрѣ, Престолу и Отечеству.

Жертвуя временемъ на участіе и ревностное участіе, въ засѣданіяхъ отдѣленія, Вы внесли сюда и свои знанія и свой опытъ, прибрѣтенные в научнымъ развитіемъ и выработанные долговременной работой на нивѣ народнаго просвѣщенія.

Это особенно нужно сказать о мѣстномъ отдѣленіи, которое многими обязано Вамъ въ отношеніи, напр., первоначальной постановки внутренняго распорядка дѣлъ отдѣленія, привнесеной Вами съ мѣста Вашей прежней службы въ Кіевской епархіи, гдѣ церковно-школьное дѣло, въ силу особенныхъ условій (не земская губернія), стояло въ то время на значительно бѣльшей высотѣ, чѣмъ въ нашей епархіи. Далѣе, Вами охотно принималась и исполнялась разнаго рода порученія отдѣленія, соединенныя съ поѣздками, значительной тратой времени и матеріальными затратами. Все вмѣстѣ взятое имѣло уже однажды достойную оцѣнку въ выраженной Вамъ покойнымъ Архіепископомъ Амвросіемъ, съ занесеніемъ сего обстоятельства въ послужной списокъ, благодарности за понесенные Вами труды на пользу церковно-школьнаго дѣла (въ 1898 г.).

Привѣтствуя Васъ, многоуважаемый Иванъ Ивановичъ, въ настоящій день съ исполнившимся 25-ти лѣтіемъ служебно-педагогической дѣятельности по духовно-учебному вѣдомству и не только отъ себя, но и отъ имени отдѣленія, считаю своей обязанностію выразить Вамъ глубокую благодарность за наше долговременное полезное и просвѣщющее участіе въ церковно-школьномъ дѣлѣ, на что, увѣренъ, можно рассчитывать и въ будущемъ, съ пожеланіемъ много лѣтъ здравствовать*...

По окончаніи рѣчи о. предсѣдателя отдѣленія юбиляръ предложилъ тостъ за окружное духовенство и представителей его, своимъ присутствіемъ почтившихъ его юбилейное торжество. Послѣ этого

къ юбляру съ привѣтственнымъ словомъ обратился Настоятель Купянскаго Собора, протоіерей о. Іоаннъ Левандовскій. Онъ выразилъ ту мысль, что настоящее торжество является особенно пріятнымъ потому, что служить выраженіемъ единенія окружнаго духовенства съ училищемъ въ лицѣ прелставителя его—юбляра, что, поднося св. образъ смотрителю училища, духовенство слѣдало этимъ честь и самому училищу, а это особенно пріятно, такъ какъ окружное духовенство, наконецъ, сознало, что оно должно быть всегда въ духовномъ единеніи и добрыхъ отношеніяхъ съ училищемъ. По окончаніи слова отца протоіерея однимъ изъ присутствующихъ за столомъ, его бывшимъ ученикомъ, былъ предложенъ тостъ за его здоровье, какъ старѣйшаго учителя, много потрудившагося при постройкѣ новаго зданія училища и много лѣтъ служившаго учителемъ и затѣмъ помощникомъ смотрителя въ этомъ же Купянскомъ училищѣ. Присутствующіе, въ числѣ которыхъ находились девять учениковъ почтеннаго о. протоіерея, въ настоящее время занимающихъ различныя должности въ этомъ же училищѣ, отвѣтили на этотъ тостъ пѣніемъ: „Многая лѣта!“

Послѣ скромнаго торжества всѣ ученики юбляра оставили квартиру гостепріимнаго хозяина съ благодарностью къ нему и болѣе къ Высокомысловѣйшему Архипастырю Арсенію—доброму отцу, созволѣвшему имъ скромно и достойно почтить уважаемаго Ивана Ивановича.

Виссаріонъ Ив. Смирнскій.

Иноепархіальный отдѣлъ.

ВНУТРЕННЕЕ ЦЕРКОВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КЪ ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ СОВѢТАХЪ.

Въ ноябрѣ прошлаго 1905 года Св. Синодомъ издано распоряженіе объ открытіи у насъ повсемѣстно въ Россіи церковно-приходскихъ совѣтовъ. Цѣль этого распоряженія нашей Высшей духовной центральной власти заключается въ стремленіи оживить заглохшую у насъ церковно-приходскую жизнь путемъ привлеченія къ ней лучшихъ силъ прихода и предоставленія имъ активнаго участія въ устроеніи и распорядкахъ этой жизни, и

въ желаніи ослабить нарождающуюся „гражданскую ненормальность“, разнаго рода „шатанія“—установленіемъ единенія между духовенствомъ и лучшими прихожанами.

Цѣль—почтенная и благовременная. Нынѣ много толкуютъ о разъединеніи между паствы и православнымъ народомъ, о захватѣ первымъ всѣхъ функцій церковно-приходской, церковно-административной жизни, и о совершенномъ устраниеніи изъ нея „мірскаго“ элемента. Дошло дѣло—де до того, что приходъ потерялъ даже значеніе юридическаго лица, административной единицы—и уступилъ свои права приходской „церкви“, т. е. духовному вѣдомству и уполномочиваемымъ отъ него причту и старостамъ. Отсюда постепенно возникло—де совершенно пассивное отношеніе паствы къ дѣламъ церковно-приходскимъ и полный упадокъ церковно-приходской, а отсюда и общественно-гражданской жизни.

Сколько въ этихъ толкахъ правды и сколько лишняго—объ этомъ достаточно уже говорится и пишется. Нельзя отрицать въ нихъ значительной доли истины. И такъ какъ нынѣ—время „представительныхъ“ учреждений, съ привлеченіемъ во всѣ отрасли церковно-гражданской и государственной жизни „лучшихъ силъ народныхъ“, то и Св. Синодъ, видимо, пожелалъ упорядочить и оживить эту жизнь приглашеніемъ къ участию въ ней представителей прихода.

Но теорія—дѣло одно, а практика—другое. Дѣло въ томъ, что Св. Синодъ, издавая распоряженіе объ открытіи при церквяхъ приходскихъ совѣтовъ, не далъ точныхъ и подробныхъ указаній относительно практической дѣятельности и даже относительно правъ и полномочія этихъ совѣтовъ, ограничившись самыми общими для этого пунктами. Отсюда получилось—съ одной стороны—затрудненіе въ примѣненіи этого Синодальнаго распоряженія при самомъ открытіи совѣтовъ, а съ другой—неопредѣленность и неувѣренность въ дѣйствіяхъ уже открытыхъ совѣтовъ. Къ сожалѣнію, въ Харьковской епархіи такихъ совѣтовъ открыто еще немного; но и при такой недостаточности матеріала для всесторонняго обсужденія вопроса о цѣлесообразности существованія приходскихъ совѣтовъ, есть уже данныя для сужденія о томъ, чего *не должно быть* при функционированіи этихъ совѣтовъ, и съ какими препятствіями приходится считаться при ихъ открытіи. Такъ, одинъ изъ о.о. благочинныхъ Сумскаго уѣзда доноситъ консисторіи, что въ нѣкоторыхъ при-

ходахъ его округа прихожане встрѣтили предложеніе своихъ священниковъ объ открытіи совѣтовъ недовѣрчиво и даже недружелюбно, опасаясь въ лицѣ этихъ совѣтовъ встрѣтить новую форму революціонныхъ союзовъ, стачекъ и проч., такъ напугавшихъ мѣстное крестьянство и заставившихъ его не мало заплатить имуществомъ и даже свободою, — и находя открытіе совѣтовъ, при существованіи церковныхъ старостъ и уполномоченныхъ отъ прихода для повѣрки церковныхъ суммъ, совершенно лишнимъ. Съ другой стороны, одинъ о. благочинный Изюмскаго уѣзда, напротивъ, отмѣчаетъ крайне печальное и опасное стремленіе открытыхъ приходскихъ совѣтовъ исключительно къ захвату въ свои руки всего церковнаго хозяйства, или — по меньшей мѣрѣ — къ полному его контролю. Ближайшимъ практическимъ результатомъ такого домоганія приходскихъ совѣтовъ явилось нежеланіе нѣкоторыхъ старостъ продолжать службу и затрудненія въ приисканіи подходящихъ лицъ для этой службы... Послѣднее отношеніе православнаго народа къ задачамъ и дѣйствіямъ приходскихъ совѣтовъ является доминирующимъ, и большинство прихожанъ, при современномъ стремленіи къ „правовымъ нормамъ“ во всѣхъ сферахъ жизни, при недовѣрїи „къ верхамъ“ и склонности къ огульному обвиненію послѣднихъ въ абсолютизмъ, едва ли не весь смыслъ нарождающихся приходскихъ совѣтовъ видитъ именно въ полномъ и даже безконтрольномъ распоряженіи суммами своей приходской церкви и въ употребленіи ихъ исключительно на нужды своего храма. Изъ наблюденій и печатныхъ органовъ мы знаемъ, что по мѣстамъ, напр. въ нашемъ Харьковѣ, были случаи „демонстративнаго“ отказа со стороны даже интеллигентныхъ лицъ вступить въ члены приходского совѣта именно вслѣдствіе ограниченія Св. Синодомъ права этихъ совѣтовъ имѣть непосредственное вліяніе на церковное хозяйство своихъ приходскихъ храмовъ¹⁾).

Конечно, время теперь такое, что врядъ ли можно признать возможнымъ и справедливымъ *совершенно*е устраненіе приходскихъ совѣтовъ отъ участія въ завѣдываніи церковно-приходскимъ хозяйствомъ и предоставленіе имъ правъ и обязанностей исключительно въ областяхъ благотворительныхъ, просвѣтитель-

1) Были, впрочемъ, въ этихъ отказахъ мотивы и иного свойства: обвиненіе Св. Синода въ неискренности поставленныхъ для совѣтовъ просвѣтительно-благотворительныхъ цѣлей и въ желаніи привлечь совѣты на службу правительству, съ цѣлью противодѣйствія „освободительному движенію“...

ныхъ и нравственно-религіозныхъ. Но, съ другой стороны, я домоганія приходскихъ совѣтовъ завѣдывать суммами своихъ церквей въ вышеуказанномъ смыслѣ, при попустительствѣ подлежащихъ органовъ духовной власти, тѣмъ болѣе—при склонности удовлетворить такія домоганія цѣликомъ, могутъ повлечь къ неисчислимымъ бѣдственнымъ результатамъ не только въ области вообще церковной, даже узко-приходской, но даже и въ области общественно-государственной жизни. Объ этомъ тоже достаточно говорилось и писалось; всѣми благоразумными и умѣренными элементами это сознано, и потому всѣ стремятся выработать наилучшій, безопасный и цѣлесообразный путь между этою Сциллою и Харибдою, между сознанною необходимостію оживить приходскую жизнь и вообще дѣла нашей церкви и родины путемъ привлеченія къ этой жизни самихъ же прихожанъ и открытія при церквахъ совѣтовъ,— и между обозначившимся почти повсемѣстно стремленіемъ этихъ совѣтовъ къ захвату въ свои руки церковныхъ суммъ, съ исключеніемъ всякихъ обязательствъ и необходимости производить изъ нихъ взносы на различныя духовно-просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія ¹⁾).

Интересно, поэтому, отмѣтить, какъ относятся къ учреждаемымъ приходскимъ совѣтамъ духовенство и народъ въ *другихъ* епархіяхъ; какъ тамъ дѣйствуютъ уже открытые совѣты.—У насъ подъ рукою данныя для сужденія объ этомъ относительно епархій *Казанской, Орловскій и Воронежской*.

Въ № 20 „Извѣстій по Казанской епархіи“ за текущій годъ появились правила, изданныя мѣстной консисторіею, съ указаніемъ формы веденія дѣла приходскихъ совѣтовъ. Хотя эти правила и не могутъ исчерпать всѣхъ способовъ и средствъ къ установленію „единенія пастырей и прихожанъ“ чрезъ приходскіе совѣты, тѣмъ не менѣе они положили начало и указали духовенству дорогу, какъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ разобратся ему въ этомъ новомъ, сложномъ и трудномъ дѣлѣ. Изъ этихъ правилъ наиболѣе интересны слѣдующія:

§ 1. „Въ видахъ тѣснѣйшаго объединенія прихожанъ съ пастыремъ и между собою и для сужденія о способахъ удовлетво-

¹⁾ О недружелюбномъ и недовѣрчивомъ отношеніи по мѣстамъ крестьянъ къ учрежденію приходскихъ совѣтовъ, о чемъ нами сказано выше, говоритъ подробно нѣтъ надобности: ясно, что явленіе это временное, обусловленное тяжелымъ политическимъ положеніемъ нашего несчастнаго отечества, и вродитъ само собою, съ улучшеніемъ послѣдняго...

ренія нуждъ прихода въ религіозно-нравственномъ, просвѣтительномъ и благотворительномъ отношеніяхъ, для возбужденія въ прихожанахъ усердія къ храмамъ Божиимъ, къ дѣламъ и вопросамъ вѣры и для содѣйствія духовенству къ успѣшному исполненію лежащихъ на немъ пастырскихъ обязанностей,—настоятель церкви, по мѣрѣ возможности, устраиваетъ изъ достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія обоюго пола преданныхъ Церкви прихожанъ всѣхъ состояній и званій церковно-приходскія собранія, изъ которыхъ организуется церковно-приходскій совѣтъ“.

§ 3. „По особому своему значенію и положенію въ храмѣ и приходѣ, предсѣдателемъ собранія состоитъ настоятель, а въ случаяхъ его отсутствія почетнѣйшій изъ членовъ собранія по избранію послѣдняго“.

Въ § 8 подробно изложены обязанности приходскаго собранія, намѣченныя въ § 1, гдѣ указана цѣль устроенія приходскихъ собраній. По указанному § собранія обязаны, между прочимъ, заботиться: о содержаніи и нуждахъ храма; о церковныхъ школахъ; объ открытіи библиотекъ и читалень, богадѣлень и пріютовъ для безпомощныхъ и сирыхъ; о выдачѣ пособій нуждающимся; объ искореніи пьянства и другихъ пороковъ; о благочиніи въ церквахъ при богослуженіи, и пр. и пр. Всего намѣчено 14 рубрикъ. Важно слѣдующее примѣчаніе къ этому §: „Безусловно не допускаются къ обсужденію въ собраніи тѣ изъ приходскихъ дѣлъ, производство которыхъ по закону принадлежитъ правительственнымъ властямъ—духовнымъ или свѣтскимъ“.

§ 14. „Церковно-приходскій совѣтъ состоитъ изъ членовъ, избранныхъ церковно-приходскимъ собраніемъ, число коихъ зависитъ отъ обширности прихода, но не превышаетъ 12“.

§ 15. „Руководство и предсѣдательство въ совѣтѣ возлагается на настоятеля церкви, а въ случаѣ его отсутствія, на одного изъ членовъ совѣта, по выбору послѣдняго“.

§ 28. „Ближайшимъ источникомъ денежныхъ и вообще матеріальныхъ средствъ ц.-прих. собранія служатъ: а) добровольные взносы членовъ собранія и постороннихъ лицъ; б) добровольные сборы по подписнымъ листамъ въ своемъ приходѣ; в) добровольные сборы натурою съ членовъ собранія; г) доходы отъ арендныхъ статей собранія; д) обязательные сборы съ членовъ собранія—денежные и другіе, но не иначе, какъ по постановленію собранія.

Но самымъ важнымъ и интереснымъ, по нашему мнѣнію, является слѣдующее правило (29): „Собраніе не простираетъ своей власти на церковныя суммы, поступающія по нынѣ дѣйствующему порядку въ церковную кассу, а лишь можетъ, согласно опредѣленію Св. Синода и въ случаѣ приглашенія причтомъ и церковнымъ старостой, *участвовать* (курсивъ нашъ) въ лицѣ членовъ совѣта въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ“. Последнее правило, такимъ образомъ, разъясняетъ духовенству, что приходскіе совѣты не должны нарушать теченіе церковной жизни и основы вѣкового церковно-приходскаго уклада. Такое правило какъ нельзя болѣе кстати явилось въ разъясненіе Синодальнаго опредѣленія о томъ, что „члены приходскихъ совѣтовъ вмѣстѣ съ причтомъ *мгутъ* быть приглашаемы къ участию въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ“, ибо и по Казанской епархіи, какъ видно изъ нѣкоторыхъ номеровъ „Извѣстій“, какъ и въ другихъ мѣстахъ, члены совѣтовъ такое опредѣленіе Синода поняли, какъ *позволеніе* и даже *обязанность* являться въ свои приходскія церкви, когда имъ угодно, и дѣлать свои распоряженія. И дѣйствительно, въ одну изъ городскихъ церквей этой епархіи явились члены приходскаго совѣта, потребовали отъ старосты ключи отъ денежнаго и свѣчнаго шкафа и отъ другихъ цѣнностей, по провѣркѣ—сдѣлали старостѣ выговоръ, что онъ за многолѣтнюю службу мало сдѣлалъ для церкви, мало приобрѣлъ денегъ и проч.; установили самовольно норму мѣсячныхъ расходовъ, приказавъ на — строго старостѣ не отступать отъ этой нормы, и всѣмъ этимъ принудили почтеннаго и оскорбленнаго ими старика—старосту подать просьбу объ увольненіи...

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ для сужденія о томъ, какіе *положительные* результаты приносятъ и принесли въ Казанской епархіи приходскіе совѣты для *оживленія* приходской жизни, для установленія единенія между духовенствомъ и паствою, для возникновенія истинно-христіанской общины въ духѣ Апостольскомъ и для подавленія всѣхъ современныхъ потрясеній въ нашей жизни, всѣхъ переживаемыхъ нами ужасовъ и невзгодъ, словомъ: для достиженія *главной* цѣли учрежденія приходскихъ совѣтовъ.

Конечно, ждать подобныхъ результатовъ отъ учрежденія совѣтовъ уже теперь, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ появленія на свѣтъ Божій, слишкомъ преждевременно. Но по *Орловской* епархіи, есть данныя для сужденія, по крайней мѣрѣ, о томъ, что не

только мѣстная епархіальная власть, въ лицѣ преосв. Серафима, но и многіе изъ духовенства и мірянъ правильно поняли *единую на потребу*, главную цѣль учрежденія приходскихъ совѣтовъ и всемѣрно стремятся къ ея осуществленію.

Изъ №№ 27 и 29 „Орловскихъ епархіальныхъ вѣдомостей“ за текущій годъ, гдѣ, между прочимъ, помѣщено описаніе обзорнѣня преосв. Серафимомъ своей Орловской епархіи, мы узнаемъ (рѣчь преосв. Серафима въ гор. *Кромахѣ*), что „въ половинѣ епархіи совѣты уже дѣйствуютъ, около десятка пастырей уже дѣятельно принялись за работу“. Но и здѣсь, какъ и въ нашей епархіи, есть случаи, когда и духовенство и міряне „боятся учрежденія совѣтовъ“. „Крестьяне сбиты съ толку, видятъ въ совѣтахъ посползованіе на ихъ благосостояніе. Пастыри же не могутъ одухотвориться, считая это дѣло чѣмъ-то новымъ; указываютъ, при этомъ, на трудность своего служенія, на массу обязанностей,—хозяйственныхъ, письменныхъ, отчетныхъ,—на заботы о духовно-нравственномъ состояніи своихъ пасомыхъ,—а тутъ еще прибавляются совѣты“. Въ высшей степени сильно и убѣдительно опровергаетъ преосвященный Владыка это ходячее опасеніе пастырства. Вслѣдствіе несомнѣнной многотрудности и сложности дѣла у приходскихъ священниковъ, именно „и нужны, говорилъ Владыка, приходскіе совѣты, которые облегчили бы работу пастыря, *раздѣлили бы се между нѣсколькими лицами* (курсивъ нашъ). Поставить церковно-приходскіе совѣты связующимъ живымъ звеномъ между собой и пасомыми, улаживать, при помощи ихъ, возникающія недоразумѣнія,—вотъ ближайшая задача учрежденія приходскихъ совѣтовъ.—Всѣмъ вмѣстѣ соби- раться въ храмъ, всѣмъ вмѣстѣ разсуждать о каждомъ вопросѣ, всѣмъ вмѣстѣ приходитъ къ извѣстному рѣшенію,—все это значительно облегчитъ наши пастырскія обязанности“. Въ той же рѣчи преосв. Серафимъ намѣчаетъ и дальнѣйшія задачи для приходскихъ совѣтовъ: заботу о школахъ и борьбу съ самымъ страшнымъ врагомъ нашего народа—виномъ и пьянствомъ. Преосвященный констатируетъ слабое участіе пастырей въ школьной дѣятельности, чѣмъ заражаются и прихожане, отказывая по мѣстамъ даже въ отопленіи школы. „Нужно, братья—пастыри, говоритъ Преосвященный, учреждать школы, нужно и работать въ нихъ“. Указывая на общепризнаннаго врага народнаго—пьянство, Преосвященный свидѣтельствуетъ, что „въ бурное время за 4 мѣсяца въ 1906 году народъ въ Орловской губерніи

выпилъ на 700000 рублей больше, противъ этихъ-же мѣсяцевъ въ 1905 году. Поэтому-то крайне необходимо учреждать общества трезвости и при помощи этихъ обществъ добиваться христіанскаго провожденія праздниковъ. Въ праздникъ, пастыри, нужно забыть себя, нужно всецѣло отдаться на служеніе народу. Нужно обратить праздникъ въ истинный христіанскій день,—чтеніями, туманными картинами отвлекать народъ отъ вина и разгула“.

Въ другихъ мѣстахъ епархіи (въ гор. Малоархангельскѣ и въ с. Стефановскомъ-Протасовѣ) преосв. Серафимъ намѣчаетъ въ своихъ рѣчахъ къ духовенству и мірянамъ задачи для дѣятельности совѣтовъ еще глубже, шире и возвышеннѣе. „Посмотрите кругомъ, говоритъ Преосвященный,—какія нестроенія, какіе ужасы! Можно ли такъ жить? И должно ли такъ быть? Видимо, падаетъ вѣра и благочестіе, если явно нарушаются заповѣди Христовы... Не соблюдаются посты, теряется почтеніе къ старшимъ, разрушаются союзы семейные, а дальше и благостояніе государства. *Всѣ жадно хотятъ жить, не считаясь съ грѣхами.* Такъ нынѣшнее время грозитъ гибелью нашей родинѣ и нашему народу“. „Положительный матеріальный вѣкъ увлекъ насъ и готовъ поглотить насъ въ себѣ безъ остатка съ духомъ и тѣломъ“. И вотъ противъ такого тяжелаго и опаснаго положенія нашей родины и нашего народа, противъ такого потемнѣнія нашего разума, помраченія совѣсти, ожесточенія до звѣрства сердца преосв. Серафимъ признаетъ единственное средство—это *святой евангельскій социализмъ*. И, затѣмъ, преосв. Владыка живо и картинно развиваетъ свою мысль, въ чемъ же состоитъ этотъ „евангельскій социализмъ“. „Христіанство, говоритъ Преосвященный, одухотворяетъ человѣка, вливаетъ въ него новую жизнь, полную единенія, братства, любви и самотверженія“. Церковь Христова—и есть та среда, гдѣ люди становятся одною семьею чадъ Божіихъ. Она дробится на отдѣльныя малыя общины и приходы, въ коихъ должны быть какъ бы одно тѣло и одинъ духъ. Такъ было въ Апостольское время; такъ было и въ нашихъ древнихъ приходахъ. „Къ этому времени мы и должны возвратиться, если желаемъ сами жить и сохранить дорогую родину и нашъ народъ“... Но какъ это сдѣлать? Съ чего начать? Такъ какъ въ каждомъ обществѣ или союзѣ главное—„душа живая“, и такъ какъ такую душею въ христіанскихъ общинахъ является пастырство, то Владыка трогательно убѣждаетъ па-

стырей начать дѣло оживленія церковно-гражданской жизни съ самихъ себя: „возстанемъ и оживемъ... Поймемъ, что это нашъ долгъ, наше неотъемлемое и неотложное дѣло—возстановить и создать христіанскую общину, вдохнуть въ нее спасительную, христіански—многоплодную жизнь. Только такая жизнь можетъ быть залогомъ и основаніемъ жизни истинно гражданской, свободной и благоустроенной... Начнемъ жить духомъ, духомъ Христа, духомъ Евангелія“... Говоря о недочетахъ и въ жизни мірянъ, преосв. Серафимъ отмѣчаетъ сильное развитіе среди нихъ лѣни и равнодушія къ глаголамъ жизни вѣчной, къ Евангелію, и предпочтеніе иногда праздної и ничтожной свѣтской литературы твореніямъ великихъ учителей церкви; отчужденіе отъ храма и поэзіи христіанства—богослуженія; непочтеніе къ духовенству, глумленіе даже надъ его вѣщностію, отверженіе постовъ и проч. Поэтому-то и необходимо возстановленіе приходоу въ духѣ древнихъ христіанскихъ общинъ, чему и могутъ способствовать церковно-приходскіе совѣты. „Пусть этотъ совѣтъ, въ союзѣ пастыря съ пасомыми, будетъ душею церковно-приходской жизни, выразителемъ ея нуждъ и потребностей духовныхъ, религіозно-нравственныхъ и житейскихъ, насколько отъ сихъ послѣднихъ можетъ зависѣть спасеніе; пусть будетъ благодѣтельнымъ попечителемъ, цѣлителемъ и утѣшителемъ въ болѣзняхъ и скорбяхъ братіи общины своей... Вѣдь такой союзъ или совѣтъ о Христѣ—непреоборимая сила и благодать для нашей жизни,—это оплотъ лучшихъ основъ семейныхъ, воспитательныхъ и общежительныхъ, словомъ, здѣсь залогъ спасенія нашего христіанскаго и гражданского“ (Рѣчь въ Малоарханг. зданіи уѣзднаго земства).

На обращеніе къ Преосвященному духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ запросами, въ какомъ видѣ можетъ быть установлено имущественное общеніе церковно-приходскимъ совѣтомъ, и на замѣчанія о томъ, что крестьяне устраниются отъ совѣтовъ и попечительствъ, ссылаясь на бѣдность,—что „мужикъ, къ которому мы обращаемся съ идеями, слишкомъ голоденъ“, что „тяжело говорить объ идеяхъ, когда нѣтъ хлѣба“ и проч. и, наконецъ, на утвержденіе одного священника, что приходскіе совѣты не будутъ имѣть силы и значенія безъ юридической организаціи, безъ поддержки свѣтской власти, Владыка Серафимъ отмѣчалъ, что приходскимъ совѣтамъ не предоставлено устанавливать какое-либо имущественное общеніе, или обязательные сборы для благотворительныхъ цѣлей, ибо это было бы противно

духу и завѣтамъ Апостольскихъ общинъ; что здѣсь все значить —искра любви и сердечнаго участія къ ближнему, чтобы явилось и расположеніе къ благотворительности; что въ дѣйствіяхъ совѣтовъ на первый планъ нужно ставить духовные вопросы, благотворительная же дѣятельность совѣтовъ должна занимать далеко не первое мѣсто и можетъ быть цѣнна тогда лишь, когда будетъ имѣть нравственно-воспитательное значеніе (напр., уговорить пьяницу оставить свой пагубный порокъ и затѣмъ уже помочь ему обзавестись хозяйствомъ и проч.); что при горячихъ дебатахъ о бѣдности и голодѣ нашего крестьянства и вообще рабочаго люда упускаются изъ виду главные ихъ факторы и духовно-нравственныя язвы нашего народа: лѣнь, невѣжество, пьянство и другіе пороки, съ устраненіемъ которыхъ, путемъ идейнаго, духовнаго служенія Богу, исчезли бы бѣдность и голодъ нашего крестьянства, и всѣ были бы счастливы, сыты и богаты; и что, наконецъ, „вопросы нравственности несоединимы съ свѣтскою властію“, и что „если насъ — пастырей не слушаютъ, то значить нѣтъ единенія съ приходомъ“.

Изъ оживленной, взаимной бесѣды съ преосв. Серафимомъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ той же залѣ Малоархангельскаго уѣзднаго земства мы видимъ, что и большинство этихъ лицъ правильно поняли, какъ мы сказали выше, главныя задачи приходскихъ совѣтовъ и обращались къ Преосвященному съ разными недоумѣніями и запросами съ цѣлью „уйти изъ залы вразумленными“ и избѣжать различныхъ ошибокъ. Изъ рѣчей свѣтскихъ лицъ интересно отмѣтить рѣчь предводит. двор. В. А. Шеншина („Орл. епарх. вѣд.“, № 29, стр. 808—809), гдѣ онъ какъ бы резюмируетъ все сказанное Преосвященнымъ о значеніи совѣтовъ, прежде всего, нравственномъ; о значеніи для народа просвѣщенія путемъ школы — и именно церковной; о необходимости улучшенія преподаванія закона Божія; о воспитательномъ вообще вліяніи на народъ, помимо школы, путемъ напр. читаленъ, бесѣдъ и проч.; объ отсутствіи нужды въ регламентаціи дѣятельности совѣтовъ. „Пастырю, говорилъ г. Шеншинъ, при обширности его дѣятельности, трудно успѣвать вездѣ одному. Ему нужна помощь, поддержка, чтобы подкрѣпить его, дать ему энергію. На помощь и является приходскій совѣтъ... Приходскій совѣтъ можетъ и долженъ воздѣйствовать, конечно, нравственно. Онъ долженъ установить ближайшее общеніе между приходомъ и причтомъ“. Съ необходимостію для совѣтовъ юридической обоснованности и под-

держки свѣтской власти г. Шеншинъ совершенно не согласенъ. „Извѣстно, говоритъ онъ, что чѣмъ больше бываетъ судовъ—тяжбы, тѣмъ больше и распри. Судъ только стремится разрѣшать недоразумѣнія,—мира онъ не устанавливаетъ. Первой основой нравственности служитъ Евангеліе. Изъ него мы черпаемъ основы нравственности и изъ него-же мы видимъ, что Христосъ въ вопросахъ нравственности дѣйствовалъ только словомъ, никогда не прибѣгая ни къ какой (земной) власти.—Регламентация (для приходскихъ совѣтовъ) совершенно не нужна. Всѣ эти ограничивающія рамки будутъ страшно стѣснять. Дайте-же совѣтамъ просторъ для дѣятельности! Да и съ чисто-практической точки зрѣнія регламентация невозможна, такъ какъ приходы живутъ при разнообразныхъ условіяхъ. Я признаю только одну регламентацию,—это стремиться воспитать народъ въ религіозно-нравственномъ духѣ...“

Вотъ какъ глубоко—жизненно, возвышенно и правдиво повяли лучшіе люди въ Орловской епархіи, во главѣ съ преосв. Серафимомъ, цѣли и задачи нарождающихся приходскихъ совѣтовъ! Но и здѣсь, какъ въ Казанской епархіи, мы не имѣемъ достаточнаго матеріала для сужденія о *конкретныхъ* результатахъ дѣятельности совѣтовъ. Поэтому, мы съ особымъ интересомъ остановились на номерахъ „Воронежскихъ епарх. вѣдомостей“ (13 и 14), гдѣ одинъ изъ священниковъ этой епархіи (Д. А.—въ) дѣлится своимъ приходскимъ опытомъ съ собратами—пастырями, помѣстивъ на страницахъ указанныхъ номеровъ цѣликомъ выписки изъ своихъ приходскихъ „совѣтскихъ“ журналовъ, съ просьбою указать ему печатно на ошибки, на неправильное или незаконное отношеніе къ дѣлу; дабы и самому избѣгать таковыхъ въ будущемъ, и другихъ предостеречь отъ нихъ. Все, что сообщается указаннымъ священникомъ о своемъ приходскомъ совѣтѣ, является какъ бы яркою иллюстраціею лучшахъ и наиболее сильныхъ завѣтовъ и указаній преосв. Серафима. Беремъ въ извлеченіи нѣкоторые изъ этихъ журналовъ.

Изъ журнала № 1 отъ 11 марта 1906 года мы видимъ, что председатель совѣта—священникъ, въ вступительной рѣчи на первомъ собраніи совѣта, объясняетъ вновь (подробно объ этомъ бесѣдовалъ священникъ со *всѣми* прихожанами, при учрежденіи совѣта) цѣль учрежденія приходского совѣта, поставляя таковую въ тѣснѣйшемъ объединеніи прихожанъ съ пастыремъ, въ совмѣстномъ обсужденіи способовъ удовлетворенія *вуждъ* прихода въ религіозно-нравственномъ, просвѣтительномъ и благотворитель-

номъ отношеніяхъ, для возбужденія въ прихожанахъ усердія къ храму Божію, къ дѣламъ вѣры и благочестія, для содѣйствія къ успѣшному веденію церковнаго хозяйства и вообще для устроенія и оживленія церковно-приходской жизни.—При обмѣнѣ мыслями выяснилось, что всѣ члены *составили правильное понятіе* о предстоящей дѣятельности совѣта, отнеслись къ ней сочувственно и вмѣнили себѣ въ обязанность распространять среди прихожанъ правильныя свѣдѣнія о предстоящей дѣятельности и назначеніи совѣта.

Священникъ обратилъ вниманіе совѣта на нарушеніе тишины и порядка во время совершенія богослуженій входящими и выходящими изъ храма, преимущественно молодежью, плачущими дѣтьми, праздными разговорами около храма и проч. Члены совѣта рѣшили *сами слѣдить по двое*, установивъ для этого между собою очередь, чтобы указанными нестроеніями церковно-богослужебнаго времени не нарушалась святость послѣдняго.

Во время великаго поста, особенно при исповѣди и св. Причастіи, говѣющіе, особенно молодежь, отвлекаются отъ богослуженія торговцами бубликами. Рѣшено также выборнымъ отъ совѣта слѣдить, чтобы таковая торговля до окончанія богослуженія не производилась, а молодежи настойчиво внушать о долгѣ неопустительнаго присутствованія при постовомъ богослуженіи.

Чтобы всѣ прихожане принимали участіе въ молитвѣ, св. Таинствахъ и въ слушаніи слова Божія, чтобы не лишены были пастырскихъ наставленій, которыя преподаются при каждомъ богослуженіи, члены совѣта вмѣнили себѣ въ обязанность слѣдить и узнавать, кто непрерывно посѣщаетъ храмъ Божій, кто въ прошлый и прежніе посты не исполнилъ долга говѣнія, исповѣди и св. Таинъ причастія; нерадивыхъ во всемъ этомъ по братски увѣщевать, въ случаѣ же непослушанія доводить о таковыхъ до свѣдѣнія совѣта для совместнаго изысканія способовъ къ ихъ исправленію.

Члены совѣта нашли нужнымъ оказать пособіе наиболѣе нуждающимся прихожанамъ прихожанамъ къ празднику св. Пасхи и постановили навести точныя справки о такихъ нуждающихся.

Журналъ № 2 отъ 19 марта: Члены совѣта доложили, что большинство прихожанъ отнеслось сочувственно къ дѣлу приходского совѣта; но что среди нихъ есть и такіе, которые на первый разъ отнеслись къ дѣламъ и дѣятельности совѣта съ насмѣшками, находя ее излишнею и бесполезною; иные отнеслись съ опасеніями, вслѣдствіе разлитія въ краѣ революціонной пропаганды и ареста нѣкоторыхъ изъ крестьянъ за участіе въ

крестьянскомъ союзѣ. Постановлено: внушать прихожанамъ, что въ учреждаемыхъ совѣтахъ ничего незаконнаго, противоправительственнаго нѣтъ и что таковые совѣты открываются по указу Государя Императора и съ благословенія Св. Синода, а также продолжать распространеніе среди сомнѣвающихся прихожанъ въ пользу совѣтовъ правильныя понятія о ихъ цѣляхъ и, особенно, самимъ членамъ совѣта пріобрѣтать довѣріе прихожанъ словомъ, любовію и примѣрною жизнію.

Разсуждали о религіозно-нравственномъ состояніи прихожанъ. Выяснилось, что пьянство, воровство, картежная игра, развратъ, нарушеніе постовъ и проч. усилились особенно въ послѣднее время, съ возвращеніемъ солдатъ изъ Манчжуріи. Установили, что пьянство—главная причина всѣхъ пороковъ—питается главнымъ образомъ тайною, незаконною продажей водки въ частныхъ домахъ, во всякое время дня и ночи, почему постановили: прекратить такую торговлю мѣрами Ёратскаго увѣщанія, въ случаѣ же неуспѣшности ихъ повліять на сельскомъ сходѣ составить приговоръ о совершенномъ прекращеніи таковой самовольной и разрушающей народную нравственность торговли водкою.

Подѣлились результатами отъ принятія мѣръ къ установленію благочиній при богослуженіяхъ. Торговля бубликами во время богослуженія прекращена; благодаря надзору членовъ совѣта, шума въ церкви и стоящихъ внѣ храма не было, почему рѣшено съ неослабѣвающимъ усердіемъ и впредь слѣдить за порядкомъ во время богослуженій.

Извѣстны повсемѣстные беспорядки и даже безобразія при раздачѣ вербы въ недѣлю Ваій. Происходятъ они, при многочисленности молящихся, между прочимъ, оттого, что раздача вербы начинается при цѣлованіи иконы и помазаніи елеемъ, почему многіе получаютъ вербу уже въ концѣ утрени, между тѣмъ— всѣ желаютъ получить вербу во время самой службы и стоять съ нею и возженною на ней свѣчею при чтеніи и пѣніи канона ¹⁾). Постановлено: освящать вербу заблаговременно и членамъ совѣта раздавать такую въ недѣлю Ваій *въ началъ службы* всѣмъ молящимся, при входѣ ихъ въ церковь ²⁾.

¹⁾ У насъ, въ Харьковѣ, какъ и въ другихъ городахъ, указанныхъ, совершенно нетерпимыя нигдѣ, тѣмъ болѣе въ св. храмѣ—безобразія происходятъ, главнымъ образомъ, отъ дикости и векультурности даже такъ—называемой интеллигенціи, особенно же вслѣдствіе совершенной деморализаціи и хулиганства подростковъ и молодежи, даже учащейся въ гимназіяхъ

²⁾ Просто и удобно!.. Не завести ли такого порядка и у насъ въ Харьковѣ, побившемъ, кажется, рекордъ своими безобразіями съ св. вербой?

Журналъ № 4 отъ 7 апрѣля 1906 года: Приведенъ печальный случай изъ приходской жизни оставленія однимъ изъ крестьянъ своей семьи, состоящей изъ жены, матери и двухъ малыхъ дѣтей, вслѣдствіе того, что крестьянинъ этотъ привыкъ на отхожихъ промыслахъ къ роскошной и развратной жизни, причемъ—этотъ развратникъ не только покинулъ семью безъ всякихъ средствъ къ жизни, убѣжавъ съ обманутой имъ цыганкой—дѣвочкой 15 лѣтъ, но и ухитрился продать свой домъ и имущество цыганамъ—родителямъ этой дѣвочки, которые, затѣмъ, явились съ требованіемъ къ несчастной семьѣ оставить домъ и передать имъ все имущество. Поднялись крики и драка, собравшіе сюда всю деревню. Безобразіе, впрочемъ, было прекращено, и семья оставлена нѣ своемъ домѣ, съ предоставленіемъ потерпѣвшимъ цыганамъ искать убытки съ виновника. Но члены совѣта этимъ не ограничились и пожелали войти въ *корень* происшедшаго, въ причины столь глубокаго нравственнаго паденія своего земляка. Таковою было признано знакомство его на заработкахъ, въ „Донщинѣ“, на Кавказѣ и пр. съ людьми порочными и позаимствованіе отъ нихъ навыка къ пьянству, воровству и разврату. Рѣшено было продолжать постоянную и упорную борьбу съ тайною продажею водки, постепенно и неуклонно вырабатывать мѣры для борьбы вообще съ пьянствомъ и развратомъ; оставленной же семьѣ оказывать посильное пособіе изъ суммъ Попечительства и приносами натурою со стороны прихожанъ.

Въ этомъ же засѣданіи совѣта, особенно же въ засѣданіи 16 апрѣля н. г. (журналъ № 5), разсуждали объ изысканіи средствъ для предстоящей дѣятельности совѣта. „Было высказано, что совѣтъ своимъ вліяніемъ на прихожанъ, своею дѣятельностію въ духѣ Христова ученія много пользы можетъ принести, и *это главная цѣль его дѣятельности* (курсивъ нашъ); но это вліяніе, подтвержденное всѣми членами, будетъ еще болѣе значительнымъ, если въ распоряженіи его (*совѣта*) будутъ имѣться средства для благотворительности, для просвѣщенія въ духѣ церкви“. Что же сдѣлать? Откуда добывать средства? По положенію о приходскихъ Попечительствахъ, церковно-приходскія средства могутъ получаться по подписнымъ листамъ, нзъ сбора пожертвованій въ приходѣ и церкви, а также посредствомъ самообложенія. Но первые два источника нынѣ вездѣ, съ умноженіемъ кружекъ, листовъ и сборовъ по нимъ, даютъ самыя ничтожныя средства; послѣдній же способъ, при настоящихъ жизненныхъ

условіяхъ, вслѣдствіе бѣдности и малоразвитости прихожанъ, совершенно невозможенъ. Если государственныхъ повинностей, „податей“ не платятъ, то какъ можно надѣяться на исправное поступленіе взносовъ въ пользу приходского совѣта или попечительства! Единственно вѣрный и солидный источникъ полученія средствъ совѣтами для своихъ просвѣтительно-благотворительныхъ цѣлей—это учрежденіе какихъ-либо полезныхъ и бойкихъ торговыхъ предпріятій (за исключеніемъ, конечно, торговли спиртными напитками), какъ напр. открытіе чайныхъ, потребительскихъ лавочекъ, даже торговой бани въ селѣ, не имѣющемъ вовсе бань и проч. Опасенія какъ нравственнаго, такъ и чисто-экономическаго свойства здѣсь не могутъ имѣть мѣста. Если церкви и многія другія учрежденія главнымъ образомъ содержатся на доходы отъ продажи свѣчей, то нѣтъ ничего предосудительнаго, если и приходскія просвѣтительно-благотворительныя учрежденія будутъ питаться отъ чистой прибыли какихъ-либо торговыхъ учрежденій. Гораздо серьезнѣе экономическая и юридическая сторона дѣла. „Пойдетъ“ ли напр. торговля въ потребительской лавочкѣ, при современной торговой конкуренціи? Гдѣ взять умѣлыхъ и добросовѣстныхъ людей для непосредственнаго веденія торговаго дѣла? Гдѣ взять средства для этого, особенно на первыхъ порахъ? Кто будетъ отвѣтственнымъ, „юридическимъ“ лицомъ, при отсутствіи таковыхъ правъ у приходскихъ совѣтовъ? Но, по заявленію нѣкоторыхъ членовъ совѣта, оказывается, что сельскіе торговцы берутъ прибыли *сто* на *сто*, почему возможно пониженіе такихъ дивидендовъ, и тогда конкуренція не опасна. При томъ же, если крестьяне убѣдятся, что чистая прибыль отъ потребительской торговли идетъ въ ихъ же пользу, на дѣло святое, то скорѣе будутъ забирать товаръ въ „своей“ потребительской лавкѣ, чѣмъ у частнаго торговца, примѣръ чего можно видѣть на торговлѣ свѣчами: когда прихожане убѣдились, куда идетъ прибыль отъ церковной свѣчи, то почти совсѣмъ перестали брать свѣчи, даже болѣе дешевыя, у частныхъ торговцевъ. Нашлись члены совѣта, изъ которыхъ—одни поручились взять нужную ссуду изъ мѣстнаго кредитнаго товарищества, а другіе согласились вложить собственныя деньги безъ всякихъ процентовъ. Относительно дальнѣйшихъ затрудненій и осложненій указаннаго вопроса рѣшено, не покладая рукъ, собирать нужныя справки и возбудить соотвѣтствующія ходатайства.

Такимъ образомъ, и самая трудная и щекотливая сторона въ дѣятельности совѣта—сторона экономическая, изысканіе средствъ

для цѣлей просвѣтительно-благотворительныхъ, намѣчена въ этомъ совѣтѣ правильно, энергично и оригинально, на удивленіе и подражаніе другимъ подобнымъ совѣтамъ, особенно при сельскихъ церквахъ.

Было бы безконечнымъ и утомительнымъ трудомъ производить дальнѣйшія выписки изъ журналовъ означеннаго приходского совѣта, не смотря на ихъ глубокій интересъ и не малое значеніе для освѣщенія новаго дѣла приходскихъ совѣтовъ. Здѣсь есть сообщенія: и о выработкѣ совѣтомъ мѣръ къ исправному посѣщенію прихожанами—сельчанами богослуженій въ лѣтніе праздники, когда крестьяне усиленно заняты полевыми работами 1) и о возношеніи всеобщихъ молитвъ на литургіи о заболѣвающихъ членахъ какъ совѣта, такъ и приходской общины; о болѣе активномъ отношеніи всѣхъ лучшихъ людей прихода къ теченію общественной, сельской жизни путемъ, на примѣръ, неуклоннаго посѣщенія ими сельскихъ сходовъ и образованія изъ себя сплоченной партіи съ цѣлью проведенія чрезъ сельскіе и волостные приговоры многоразличныхъ мѣръ къ устроенію своей церковно-общественной, сельской жизни, на примѣръ: искорененія тайной продажи водки, уничтоженія сквернословія, „могаричей“ на сходахъ, столь деморализующихъ сельское населеніе; и объ учрежденіи въ своей „совѣтской“ чайной библіотеки и читальни, съ выпискою листковъ и книжекъ духовно-нравственнаго содержанія, какъ испытаннаго средства въ борьбѣ съ народными пороками; и о принятіи мѣръ къ вразумленію и исправленію одного прихожанина—упорнаго алкоголика, совершенно разстроившаго семейную жизнь и подорвавшаго свое здоровье. Словомъ: изъ этихъ журналовъ мы воочію убѣждаемся, какую массу хорошаго, возвышеннаго и глубоко-полезнаго дѣла для приходской жизни и для поднятія нравственно-религіознаго состоянія прихожанъ можетъ сдѣлать подобный совѣтъ подъ руководствомъ идейнаго, энергичнаго и толковаго священника.

Быть можетъ, скажутъ: хороши всѣ подобныя затѣи въ теоріи,—нужно подождать, что онѣ дадутъ въ дѣйствительности. Но, во 1-хъ, трудно ожидать въ столь короткій срокъ уже спѣлыхъ плодовъ отъ столь молодого, только что народившагося деревца—

1) Въ городахъ, вмѣсто сего совѣтамъ необходимо энергично бороться съ массъ вмѣ нарушеніемъ святости *всѣхъ* праздничныхъ дней—подъ праздники чрезъ познее окончаніе работъ, торговли и вслѣдствіе неисчислимаго количества зрѣлищъ, увеселеній и пр., въ праздники—утромъ и днемъ торговлю и всякими дѣловыми сдѣлками, а вечеромъ—страшнымъ разгуломъ мастерового и вообще низшаго городского населенія...

приходского совѣта; во 2-хъ посмотрите, сколько въ этихъ журналахъ сквозить высокаго одушевленія, любви и правильнаго, здороваго смысла! А, вѣдь, это залогъ *всякаго* успѣха,—успѣха и въ дѣятельности приходскихъ совѣтовъ! „Здѣсь, говоритъ преосвященный Орловскій *Серафимъ*, все значитъ—искра любви и сердечнаго участія къ ближнему“, чтобы явились всякіе благіе результаты для оздоровленія нашей свихнувшейся церковно-государственной жизни...

Да не посѣтуетъ читатель на насъ за пространныя извлеченія изъ вышеприведенныхъ „Извѣстій“ по различнымъ епархіямъ о дѣятельности приходскихъ совѣтовъ. Дѣло это новое; у насъ, въ епархіи, прививается оно еще довольно туго; вопросъ о дѣятельности и постановкѣ ея въ приходскихъ совѣтахъ будетъ однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ для разрѣшенія на предстоящемъ нашемъ епархіальномъ съѣздѣ. Позволяемъ себѣ надѣяться, что наша замѣтка послужитъ полезнымъ матеріаломъ для того, чтобы разобратъся съѣзду въ столь важномъ и сложномъ дѣлѣ...

Священникъ Д. Попова

Вниманію родителей дѣтей, обучающихся въ Вонезской Духовной Семинаріи, отъ Высокопреосвященнаго Анастасія, Архіепископа Воронежскаго и Задонскаго.

Прошлый годъ омрачилъ нашу жизнь необычайною скорбію: дѣти Ваши, обучавшіеся въ Семинаріи, забывъ страхъ Божій, оставивъ повиновеніе волѣ родительской, слѣдуя влеченіямъ самовольной и склонной къ грѣху природы, увлеклись общимъ-революціоннымъ, какъ называютъ они—освободительнымъ движеніемъ,—пошли вслѣдъ за бунтарями, оставили ученіе, обозвавъ его схоластикой по внушенію социалистовъ, забастовали противъ порядковъ Семинаріи и—должны были оставить заведеніе, которое давало и образованіе, и кусокъ хлѣба и Вамъ, и отцамъ Вашимъ.

Это было увлеченіе, достойное горькихъ слезъ и оплакиванія: дѣти Ваши, оставивъ стѣны заведенія,—дичали и золотое время юности проводили въ ничего-недѣланіи и только-ли въ недѣланіи? Нѣтъ! Иные изъ нихъ пошли по стопамъ бунтарей и производили дѣйствія, которыя подготовляли погромы, пожары, безумія послѣдняго времени—въ городахъ и селеніяхъ.

Наступаетъ новый учебный годъ: мы съ трепетомъ думаемъ—не повторятъ-ли юноши глупостей минушаго года? Не вздумаютъ-ли они опять забастовать—подъ вліяніемъ злыхъ людей, которые успѣютъ имъ внушить, что реформа школы еще не совершилась, что—Вашихъ дѣтей начальство только обманываетъ,

общая преобразованія и не совершая ихъ? Родители! Будьте благоразумны и вразумите дорогихъ Вамъ дѣтей Вашихъ, скажите имъ, что ихъ дѣло учиться, а не о реформахъ думать; реформы—это только предлогъ; главное, что имъ дороже всего,—это своеволие, слѣдованіе похотямъ растлѣнной природы, а не велѣніямъ воли Божіей.

Благословляя ихъ на путь въ Семинарію, скажите имъ властно, со всею силою родительской воли, чтобы они учились и—учились, повиняясь начальникамъ и наставникамъ Семинаріи, подчиняясь порядкамъ и узаконеніямъ заведенія. Заведеніе на этотъ разъ потребуетъ отъ нихъ точнаго исполненія ихъ прямыхъ обязанностей и, если-бы кто изъ нихъ вздумалъ нарушать эти обязанности, предаваться лѣности, ослушанію, грубости, праздношатательству, пьянству, распутству, если-бы дерзнули вновь учинить забастовку: то пусть знаютъ, что они немедленно уволены будутъ изъ заведенія и—Семинарія будетъ совершенно закрыта для нихъ. Поймите, родители, все горе, все неисходное бѣдствіе, которое ждетъ и Васъ, и Вашихъ дѣтей. Примите эти слова ближе къ сердцу и не обвиняйте потомъ начальство въ жестокости, если-бы оно признало необходимымъ прибѣгнуть къ такой мѣрѣ.

Цора очнуться не только дѣтямъ нашимъ, но и намъ, которые увлечены были этимъ не освободительнымъ, но революціоннымъ потокомъ.

Озабочиваясь благомъ церкви, истинными пользами—и Васъ и дѣтей Вашихъ, умоляемъ Васъ не губить дѣтей Вашихъ и объявить имъ:

1) Если они думаютъ учиться, то пусть оставятъ всякую мысль о противленіи властямъ и о всякихъ забастовкахъ.

2) Если не желаютъ учиться, потому что царствуетъ въ Семинаріи схоластика,—то пусть остаются дома и переходятъ въ другія заведенія, не стѣсняя себя мыслию, что духовное правительство понуждается въ нихъ.

3) Если-бы, рѣшившись ѣхать и поступивъ въ Семинарію, вздумали, слѣдуя внушеніямъ вожаковъ, вновь бастовать, то пусть заранѣе знаютъ, что помилованія имъ на этотъ разъ не будетъ.

4) Пусть проникнутся сознаніемъ, что Семинарія, какъ церковная школа, существуетъ для нужды и пользы церкви и не можетъ допустить того, что терпится въ другихъ школахъ.

Призывая благословеніе Божіе на всѣхъ—какъ родителей, такъ и дѣтей, молю Господа, чтобы Онъ умудрилъ однихъ и наставилъ другихъ и всѣхъ помиловалъ, какъ благодѣль и человеколюбецъ.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Церковно-общественная жизнь въ Россіи.

Одѣвка Московскими Вѣдомостями членовъ распущенной Г. Думы.—Мятежъ въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ и Ревелѣ.—Опасеніе за составъ второй Думы.—Инципуація Казанскаго архиастыря.—Къ характеристикѣ нашего времени.

Вспоминая 72 дня существованія Государственной Думы, Московскія Вѣдомости пишутъ: „Россія только-что пережила нѣчто такое, что можно уподобить развѣ только тяжелому, душнвшему ее, кошмару. Измѣнники и предатели Родины, съ высоты трибуны нагло требовавшіе упраздненія слова „русскій“ и слова „патріотизмъ“,—тѣмъ самымъ засвидѣтельствовали предъ всей Россіей, предъ всѣмъ міромъ, что они явились въ Думу не для созиданія чего либо въ Государствѣ, но для скорѣйшаго его разрушенія. Первая русская Дума явилась Думой-разрушительницей всего Русскаго,—в она не скрывала своихъ намѣреній, дѣйствуя въ открытую. Она стремилась прежде всего разрушить власть, разрушить собственность, разрушить законы, и тѣмъ подорвать законность, разрушить государственную религію, чтобы этими своими дѣйствіями разложить все, ввести анархію и на развалинахъ Россіи, справляя по ней тризну, объявить торжество Бунда и наступленіе царства надъ Россіей Израиля“. Неужели вы были увѣрены, обращаясь М. В. къ бывшимъ членамъ Думы, что русскій народъ поддержитъ васъ въ томъ безобразіи, которое вы проявля въ Государственной Думѣ, и что онъ заступится за васъ, когда васъ за это безобразіе изъ Думы выгнали?

Безъ сомнѣнія, нельзя этого сказать о всѣхъ членахъ Думы. Среди нихъ были члены истинно русскіе, истинно благонамѣренныя. Но они оставались въ меньшинствѣ, и гололъ ихъ оставался безсильнымъ. Тяжелыя же событія 18 и 19 чиселъ іюля мѣсяца, мятежи въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ и др., показали намъ, что съ роспускомъ Государственной Думы далеко не со всѣхъ глазъ снята пелена, далеко не всѣ убѣдились въ томъ, что „Дума предавала и продавала“ (М. В.): Съ другой стороны стало несомнѣнно ясно для насъ то, что Государственная Дума, въ значительной части своей заботилась не объ успокоеніи Россіи, а объ ея революціонированіи. Факты теперь у всѣхъ находятся на лицо: нѣкоторые изъ членовъ Думы: Опилко, Михайличенко, а можетъ быть и другіе, были захвачены въ качествѣ агитаторовъ бунтовщиковъ, при арестѣ мятежныхъ матросовъ и солдатъ. Но слава Богу, мятежъ былъ скоро и энергично подавленъ и планы мнимыхъ „спасителей“ государства нашего разстроены.

Объясняя этотъ послѣдній мятежь совмѣстнымъ дѣйствіемъ нашихъ революціонеровъ и финляндскихъ сепаратистовъ, М. В. упрекають наше правительство въ излишнемъ довѣрїи къ лояльности финляндцевъ и въ необыкновенной довѣрчивости, которая сдѣлала то, что вспыхнувшій мятежь оказался и для финляндскихъ высшихъ властей и для нашихъ властей совершенно „неожиданнымъ“, тогда какъ его давно уже предсказывали нѣкоторые консервативные органы печати.

Опасаясь, чтобы вторая Дума не оказалась по составу своему еще хуже первой, мы вполне согласны съ тѣми благонамѣренными газетами, которыя высказываютъ пожеланіе, чтобы выборы происходили въ спокойной, умиротворенной странѣ, среди строгаго законнаго порядка, а не во время хаотическаго урагана революціонной смуты, какъ это было въ апрѣль мѣсяцѣ. Золотыя слова Манifestа: „Да будетъ же вѣдомо, что Мы не допустимъ никакаго своеволия или беззаконія и всею силою государственной мощи приведемъ ослупняковъ закона къ подчиненію Нашей Царской волѣ“—даютъ полное основаніе надѣяться, что опасенія наши напрасны.

Такъ называемое „освободительное движеніе“, захватившее собою наше свѣтское общество и проявляющееся въ постоянныхъ протестахъ противъ закона, порядка, и дисциплины, затаило въ себя, къ великому сожалѣнію нашему, и значительную часть нашего низшаго духовенства. Оно проявляется здѣсь, какъ протестъ противъ епископской власти, въ недостойной травлѣ своихъ архипастырей на глазахъ совсѣмъ потерявшаго голову свѣтскаго общества, неустово ему апплодирующаго. Мы съ удивленіемъ читаемъ подобныя сужденія о нашихъ іерархахъ, и отношеніе къ нимъ низшаго духовенства нашего считаемъ недостойнымъ служителей церкви и заслуживающимъ порицанія. Въ газетѣ „Колоколъ“ помѣщено письмо изъ Казани, въ которомъ неизвѣстный авторъ, рассказывая исторію перемѣщенія Казанскимъ архіепископомъ свящ. Румфимскаго изъ г. Казани въ Лаишевъ, пишетъ между прочимъ слѣдующее:

„Въ Казанскихъ газетахъ вотъ уже полгода идетъ систематическая травля противъ архіепископа... По нашему убѣжденію авторъ статей, дискредитирующихъ казанскаго архіепископа, несомнѣнно лицо духовное и не особенно чистоплотное. Ложь, извращеніе, инсинуація, пасквиль сквозять почти въ каждой статьѣ. Если авторъ священникъ, то онъ, очевидно, принадлежитъ къ разряду тѣхъ <духовныхъ кадетовъ>, которые всецѣло увлеклись <освободительнымъ движеніемъ> и задались цѣлью подорвать престолъ епископской власти, видя все спасеніе церкви въ выборномъ началѣ духовенства. По злой клеветѣ и извращенію фактовъ нѣкоторыя статьи прямо возмутительны и не только духовнаго лица, но и мірянина недостойны. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ приемной архіепископа скорострѣжно умираетъ одинъ городской протоіерей, давно страдавшій порокомъ сердца, и „Православный“ (авторъ статей) винить въ смерти архіепископа, не удовлетворив-

шаго какой-то просьбы умершаго. Приходитъ къ архіепископу недавно возвратившійся съ войны священникъ съ просьбою дать ему мѣсто въ селѣ. Архіепископъ, прежде чѣмъ исполнить просьбу, требуетъ какіе то документы, хочетъ навести справки и т. под. Черезъ нѣсколько времени этотъ священникъ, ведшій не особенно трезвую жизнь, гдѣ то на улицѣ падаетъ и умираетъ. „Православный“ опять считаетъ виновникомъ смерти архіепископа. Является архіепископъ въ пастырское собраніе, ведетъ рѣчь объ обязанностяхъ пастырей въ настоящее время, и подъ перомъ „Православнаго“ слова архіепископа появляются въ комическомъ, какомъ то шутовскомъ видѣ. „Православный“ вышучиваетъ обрядъ анаематствованія въ недѣлю православія. Архіепископъ даетъ распоряженіе редакціи „Епархіальныхъ Извѣстій“ помѣстить одну очень умную статью, изобличающую „Православнаго“ въ невѣжество въ неправославіи; и этотъ фактъ опять заносится въ газету, конечно, съ вышучиваніемъ* и проч. Комментаріи излишны! Духовенство наше не жалеетъ понять, что подрывая авторитетъ епископской власти, оно не можетъ принести церкви ничего, кромѣ вреда... Пастыри наши, заботящіеся о проведеніи въ церковную жизнь выборнаго начала, забываютъ, что они обязаны „творить волю Пославшаго“ и всего менѣе заботиться объ угожденіи прихотливымъ и непостояннымъ, а тѣмъ болѣе—дурнымъ вкусомъ своихъ пасомыхъ... Въ нынѣшнее тяжелое время весьма нелишнимъ будетъ напомнить имъ слова св. Апостола: „для меня очень мало значатъ, какъ судите обо мнѣ вы, или какъ судятъ другіе люди; судія мнѣ Господь“ (1 Кор IV, 3. 4), и другіе: „Аще убо человекомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ“.

— *И дамы имъ отроковъ въ начальники, и дѣти будутъ господствовать надъ ними.* (Исаиа III, 1—5). Кажется ни одно мѣсто св. Писанія не характеризуетъ такъ полно и вѣрно современное состояніе русской общественной жизни, какъ правдивая, вдохновенная рѣчь пр. Исаи... Такъ грозно говорилъ нѣкогда Господь объ Іудеяхъ жестоковѣрныхъ, забывшихъ Его и нарушавшихъ Его заповѣди. Такъ нынѣ Онъ, правосудный, хочетъ поступить съ нами, забывшими волю Его и оставившими вѣру отцовъ нашихъ. Пусть начальствуютъ надъ ними отроки и угнетаютъ ихъ! Пусть дѣти ихъ господствуютъ надъ ними и воздаютъ имъ за зло ихъ!

Нужно ли доказывать, что этотъ судъ Божій надъ нами уже совершается? Во многихъ семьяхъ христіанскихъ у насъ на Руси заповѣдь Господня о почитаніи родителей и старшихъ нынѣ получила обратное примѣненіе: не дѣти обязаны чтить отца своего и мать свою, кротко подчиняясь ихъ слову и власти, а родители спѣшатъ слушаться дѣтей, боясь ихъ дерзости... Здѣсь часто бываетъ полное порабожденіе мысли отцовъ легкомыслію сыновей и подчиненіе ихъ воли иногда видимо неразумнымъ требованіямъ юнаго дѣтшища. Высшая сила на землѣ—свѣтъ истины, сила знанія. Кто теперь управляетъ нашими учебными заведеніями, откуда долженъ разливаться этотъ свѣтъ, облагораживающій человѣчество? Мужики науки, любители просвѣщенія, отдавшіе кнѣгъ

жизнь свою? Нѣтъ. Управляютъ ими юноши, не желающіе учиться. Они, какъ начальника, сегодня постановляютъ открыть школу, а завтра рѣшаютъ прекратить занятія. Нынѣ они слушаютъ учителя, а черезъ день—два, по случайному впечатлѣнію или по нетерпимости къ чужому мнѣнію, требуютъ моднымъ „бойкотомъ“ его удаленія. Трудно понять происходящее. И такому произволу юношей, забывшихъ свой долгъ и положеніе, повидимому, нельзя видѣть и границъ: родители, если и искренно не сочувствуютъ поведенію дѣтей, то только мучатся въ душѣ, не давая твердаго общаго отпора, строгой оцѣнѣв образовавшемуся теченію; воспитатели и наставники, если в убѣжденно противостаютъ иногда „забастовкамъ“ учащихъ и превращенію учебныхъ заведеній въ мѣста политическихъ сходокъ, то остаются въ борьбѣ съ толпою оданокими, нравственно обезсиленными систематическою травлею школъ, черною клеветою, сплошнымъ порицаніемъ педагогівъ въ печати и обществѣ. Слово нарочно все направляется къ тому, чтобы расшатать устои жизни, выхватить власть изъ законныхъ рукъ и отдать ее на улицу... Теперь, когда рѣчь идетъ о чемъ нибудь важномъ въ народной жизни, общество прислушивается не къ совѣту старцевъ, а справляется съ мнѣніемъ „молодежи“ и готовы окончательно отдать юношамъ и жезлъ правленія и посохъ духовнаго руководства народными массами...

Но, справедливо говорятъ по этому поводу. „Новг. Еп. Вѣд.“ долго-ли все это будетъ? Долго-ли продолжится это страшное Божіе поущеніе—начальствованіе отроковъ и господствованіе дѣтей, причинившее родинѣ столько бѣдъ?! Какъ разсѣется мрачная туча, навѣшная надъ нашимъ отечествомъ? Когда прекратятся эти безконечныя „забастовки“ служащихъ и не служащихъ, эти грубыя насилія надъ совѣстію и свободою ближнихъ, надъ желающими работать? Когда окончатся страданія ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ гражданъ?!

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ
СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

И. Г. АЙВАЗОВА:

1. Орловскій миссіонер. свѣдѣ въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти. Цѣна 75 коп.
2. Новое Вселенское Христіанство—Религія Конца. Древне-іудейская и христіанская культуры. Цѣна 35 коп.
3. Всемирная задача христіанства. Христіанское Самодержавіе. Ц. 25 к.
4. Религіозная правда Русскаго Самодержавія. Цѣна 10 коп.
5. Къ вопросу о смертной казни. Цѣна 25 коп.
6. Внутренняя миссія въ Тамбовской епархіи за 25 лѣтъ. Цѣна 40 к.
7. Бесѣда съ сектантами о субботахъ и воскресномъ днѣ. Цѣна 20 к.
8. Миссіонерская полемика. Цѣна 20 коп.

Готовится къ изданію: „Русское сектантство“. Ц. 25 к.

Съ требованіями обращаться въ большіе книжные магазины и къ автору.

Харьковъ, Екатеринославская улица, 31.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борясовъ“. Биографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владимірѣ Гетге въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вергеловскаго — „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мирянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ сдѣновѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія моназма“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Магерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. Ш. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика в религіи въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“. Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплели своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣтникъ Ковстантъ ИСТОМНИНЪ.